

АРТ ЛАД

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

- А. Журавлёв. Заполярная сказка. Стихи 4
А. Суворов. Портрет поэта на фоне песни 7
Ф. Конев. Остров. Роман, журн. вариант. Окончание 12
Н. Обрезкова. Клеткаа пинжака морт. Висыт 27
Н. Коняев. Потерянная родина. Продолжение 46

ЮБИЛЕИ

- В. Латышева. Просветительская роль интеллигенции
коми в 1917–1930-е годы 64
В. Демидов. Колючие звёзды Адака 74
С. Журавлёв. В зеркале судьбы. Стихи 101
С. Журавлёв: «Стихи должны быть замечательными...»
(Интервью А. Попова) 106

КРАЕВЕДЕНИЕ

- А. Панюков. В суровых лесах Прилокчимья 112
А. Щанов. Ёгор Вась – вымский колдун 123

ГОД СЕМЬИ

- И. Ильина, О. Уляшев. Жизненные пути-параллели 130

АРТ-ФАКТ

- Е. Шуктомурова. Вячеслав Николаевич Кислов:
личность в искусстве 152

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ. НОВОСТИ

- Г. Прохоров. О монографии П.Ф. Лимерова 177
А. Суворов. Исповедь любящего сердца 179
А. Ельцова. Необычное издание 181
Н. Обрезкова. «Ылын-ылын сотчö бипур...» 183
А. Панюков. Языковые глубины 186
В. Лимерова. «Дзирыд дой» (Мерцающая боль):
новая книга Нины Обрезковой 187

- А. Артегев. Птицы не осудят 190
Г. Спичак. Поворот головы 191

Приложение к журналу CD-диск «Под сенью сада (о саде
скульптуры Национальной галереи Республики Коми)»

Сыктывкар
2008

**Республиканский литературно-публицистический, историко-культурологический,
художественный журнал**

**Республиканской литературно-публицистической, историко-культурологической,
художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках при финансовой поддержке
Правительства Республики Коми.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-26177 от 10 ноября 2006 г. зарегистрирован
Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного наследия.

Учредители: Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми вайты»

Главный редактор — Галина Бутырева

Зам. главного редактора — Павел Лимеров

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д. 229, тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru <http://www.artlad.ru>

©«Арт», 1998 г.

Подписано к печати 14.11.08. Формат: 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж — 1200 экз. Заказ 15030. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография»
с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов, 167982,
г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

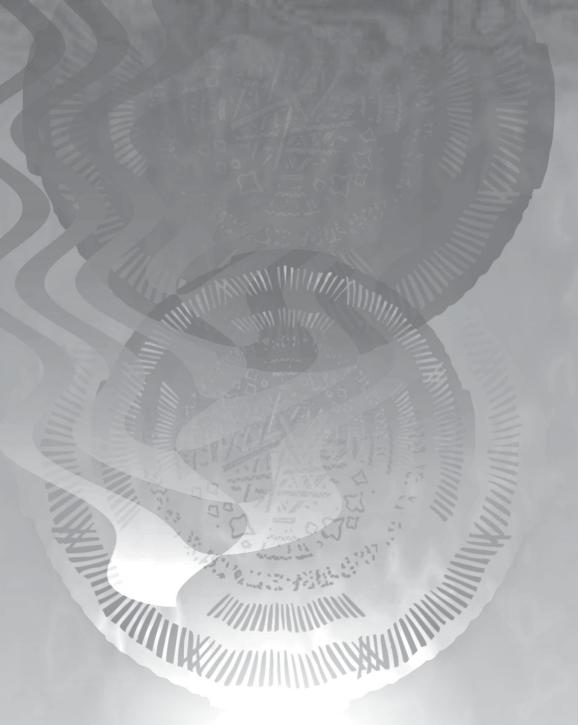
Подписной индекс 78503

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка
без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. При-
сланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

В оформлении обложки использована работа В.Кислова «Окраина Затона», Двп, м., 50×60 (1999).

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам.
Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йөзөдтөм гиждэйяс редакция оз рецензиурит и авторъяслы найос оз мөддө. Редак-
ция оз век во ѿти кывиё авторъяскöд.

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Александр Журавлёв

Журавлёв Александр Константинович, уроженец с. Усть-Цильма, поэт. Живёт и работает в г. Ухте. В разные годы вышли его книги: «Я, Андрюша и Артем», 1968; «Полкан», 1970; «Шесть пуговиц», 1972, 1978; «Едет вышка по тайге», 1973; «Где зимой снежинки ёжатся от холода», 1986; «Весёлая страна Вьюжана», 1988; «Что такое Заполярье», 1992; «Кулебяка», 1994; «Прилетела корова», 2002.

21 декабря 2008 г. ухтинскому поэту исполняется 70 лет. С юбилеем, Александр Константинович!

Заполярная сказка

Пятачок или пуговка

Гулял по грядкам Пятачок
И чвакал, и похрюкивал.
Он тыкву съел и кабачок,
Сжевал гороховый стручок,
Какой-то зелени пучок
И лёг на грядке луковой.
Две стрелки лука в две ноздри
Вонзились — ором хоть ори,
Горчит у бедного внутри:
Не сахар злая луковка.
Раздался очень громкий
Чох!
«Выходит, я не Пятачок».
Потом такой раздался чох,
Что распрямился хвост-крючок.
«Так, если нос не пятачок,
Так, если я не Пятачок,
Выходит, что я — Пуговка».

Лужа

В воде дорожка и скамейка,
Берёзок дружная семейка.
В воде калитка и забор...
И вот я выхожу во двор!
На мне блестящие сапожки.
На них блестящие застёжки.
По луже Тузик пробежал,
А мне нельзя: я обещал,
Собака намочила лапки,
Деревьям можно, можно лавке.
Стою у лужи на краю,
Но долго так не простою.
Играют солнечные блики.
И я пошёл — какие брызги!
В сапог, в другой воды набрал,
Скорей домой, а там — скандал.
Эх, разве дети виноваты,
Что сапоги коротковаты.

Таракан на потолке

Таракан на потолке.
Мама с тряпкою в руке.
Я тетрадку в трубочку
И скорей на тумбочку.
Шлёт, шмяк! Шлёт, шмяк!
Он не падает никак.
Он над нами вверх ногами
Быстро бегает кругами,
Озирается,
Удивляется: «Кто такие вверх ногами
Машут длинными руками
С тряпкою и трубочкой
На подошвах с тумбочкой?

Мама спрыгнула под мойку
И достала мухобойку.
Шлёт, шмяк, плюх! Шлёт, шмяк, плюх!
Он пустился во весь дух.
По «физ-ре», видать, отличник,
Скрылся рыжий за наличник.
Прусака мы не ругаем,
Сели с мамой, отдыхаем..
Растянулись рядом с мойкой
Тряпка вместе с мухобойкой.
И тетрадка с двойкою
Рядом с мухобойкою.

Заполярная сказка о полене

Не растут деревья в тундре.
Тут с дровами очень трудно.
Но по рекам в ледоход
То сосна, то ель плывёт.
В тундре рек течёт немало,
Что в тайге берут начало.

Плыло полено по речке.
Поймали его человечки.
Взвалили полено на плечи.
Несли целый день и весь вечер.
Домой принесли. Положили.
Неделю полено сушили.
Полмесяца пилы точили.
Точили да руки ловчили.
Пилить начинали с рассвета.
Пилили полено всё лето.
Всю осень полено кололи –
На каждой руке по мозоли.
Весь год то полено горело
И всех человечиков грело.

Что за горка, что за бык?
(загадка)

В доме каменная горка.
 В горке каменная норка.
 В норке, лишь заря встаёт.
 Бык гнездо рогами вьёт.
 Не из прутьев и пушинок,
 Из поленьев и лучинок.
 На рогах к тому гнезду
 Носит он в горшках еду.

Каждый день гнездо сгорает:
 Норку ярко озаряет,
 Горку жарко нагревает,
 Варит, парит, кипятит
 И отгадывать велит.
 Что за каменная горка?
 Что за каменная норка?
 Как зовут того быка?
 Отгадаешь – дам блинка!

(Русская печь, топка, ухват)

Малица

Папа малицу принёс,
 Посмотрите, нате!
 Не боюсь тебя, мороз,
 Я в таком наряде.
 В ней на улицу пойду,
 Поскользнусь и упаду.
 Мне тепло сидеть в снегу.
 Я ещё не так могу!..
 Вот такая малица –
 Всем ребятам нравится.

Песцы

Где нет деревьев и кустов,
 Где белый мох растёт,
 Семейка голубых песцов
 В одной норе живёт.
 Большой – отец,
 Пониже – мать,
 Поменьше – сыновья.
 Все вовремя ложатся спать:
 Хорошая семья!

Зиме вдогонку

Зря ты горбилась, сугробилась,
 Шила шубу для земли.
 Вся она весной полопалась,
 И по швам бегут ручьи.
 Так снуют, как будто ножницы
 У мальчишки-шалуна:
 И прорехи в шубе множатся,
 И подкладка вся видна,
 По бокам кармашки рваные,
 И из них торчит трава,
 Воротник – одно название,
 Отвалились рукава,
 В ручейке подол полощется...
 Солнце по небу клубком.
 Нам вдогонку очень хочется
 Запустить зиме снежком.

Не болей

Соседка по парте болеет,
 И мальчик соседку жалеет.
 Он яблоко, красное сбоку,
 Приносит ей утром к уроку.
 Приносит в бумажке конфетку,
 А девочки нету и нету.
 Ему одному не сидится,
 Так можно до двоек скатиться.
 Семь букв написал он соседке,
 Семь букв «НЕ БОЛЕЙ» на конфетке.
 Да только, когда не сиделось,
 Конфетка нечаянно съелась.
 Обёртка хранится в кармашке,
 Семь букв на красивой бумажке.

Александр Суворов

Суворов Александр Васильевич родился в 1946 году на Дальнем Востоке. С 1947 года живёт в Сыктывкаре. Окончил филфак Коми государственного пединститута. Более тридцати лет проработал журналистом. Автор стихотворных сборников «Чёрный ящик», «Память огня», «Вещий ветер», книги афоризмов «Вспышки», стихи переведены на финский, венгерский и коми языки, печатался во многих российских журналах. Член Союза писателей России.

Портрет поэта на фоне песни

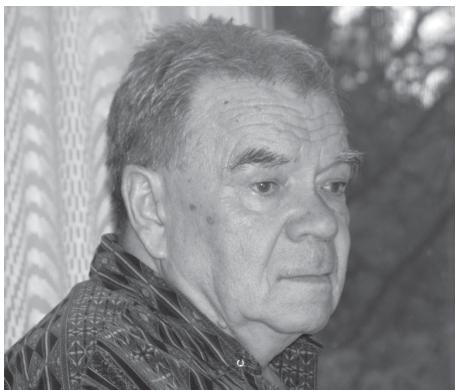
Широкая, мелодичная, удивительно проникновенная песня льётся со сцены. Хор мощно и свободно несёт её в открытую душу замершего зала, поёт слаженно, вдохновенно, без всякого напряжения:

Нет, мы не коми, мы – устьцилёма.
Мы на своей земле, мы дома...

Женщины в старинных русских нарядах и мужчины в красных рубахах словно пришли сюда из туманного, до предела сгущённого прошлого. За ними неясной громадой возвышаются века и события, сквозь которые барельефно проступают строгие лики суровых предков. Песня звучит высоким, из сердца выплеснутым гимном любимой, выстраданной поколениями родине – Усть-Цилемской земле, давным-давно, с неласковых времён прилепившейся к широченной матушке-Печоре и приютившей бежавших от гонений духовных детей огненного протопопа Аввакума. На сцене – известный в Республике Коми хор Ухтинского отделения историко-культурного общества «Русь Печорская», которое объединяет не просто земляков, устьцилёмов, а нечто невыразимо большее, нечто глубинное и великое – древний, до сих пор не сломленный дух строгих и твёрдых последователей старой веры.

Баянист, невысокий, кряжистый, чуткий к слаженному дыханию поющих, ведёт песню к самому истомному выдоху и поёт, самозабвенно поёт вместе с хором. И трепещет в сердцах словно рождённая в живой народной толще музыка, отзывается то ли болью и тоской по минувшему, то ли радостью и нежностью к нынешнему, то ли светлой мечтой о грядущем. Баянист – ухтинский поэт Александр Журавлёв, автор этой щемящей и возвышенной песни.

Как ему удалось пробиться сквозь торопливые современные ритмы и мысли, как он смог свести в одну точку именно это народное ощущение жизни и истории, эту несокрушимую твёрдость души, эту веру и эту сердечную непреклонность?

Александр Журавлёв

Надо обладать очень точным и чутким внутренним камертоном, чтобы не сфальшивить, не слукавить, не дать себе поблажки ни в одном слове, ни в одной ноте. Понятно, что даётся это не одним только творческим трудом, не одним движением таланта. Всем существом своим врос Александр Журавлёв в народное естество, сжился с массивом общей памяти и общей веры. А это невозможно без особого строя души, одновременно и трепетно поэтического, и обострённо гражданского.

Мне кажется, я знаю, откуда в нём всё это, мне кажется, я хорошо знаю поэта Александра Журавлёва, уже больше девятнадцати лет возглавляющего ухтинское крыло «Руси Печорской». Иначе мне трудно связать величие державной песни об устьцилёмах и прозрачную простоту детских стихов, которым Александр Журавлёв посвятил свою поэтическую судьбу.

А между тем, он поэт истинно и органично детский. Лёгкие и чистые его стихи читаются наизусть звонкими детскими голосами, им искренне хлопают крохотные детские ладошки, его книжки, только появившись на книжном рынке, раскупаются мгновенно, его ждут в детских садах и школах, его узнают малыши и их родители, его любят воспитатели и учителя. Пишет он для самых маленьких, кто и читать-то ещё не умеет – между прочим, большая в нынешней литературе редкость.

Вот выходит он в круг, лукаво прищуривается, хитро улыбается и начинает:

В воде дорожка и скамейка,
Берёзок дружная семейка.
В воде калитка и забор...
И вот я выхожу во двор!
На мне – блестящие сапожки.
На них – блестящие застёжки.
По луже Тузик пробежал,
А мне нельзя: я обещал.
Собака намочила лапки,

Деревьям можно, можно лавке.
Стою у лужи на краю,
Но долго так не простою.
Играют солнечные блики...
И я пошёл – какие брызги!
В сапог, в другой воды набрал,
Скорей домой, а там – скандал.
Эх, разве дети виноваты,
Что сапоги коротковаты.

Слегка опустив плечи на выдохе, чуть погрустнев лицом, он оглядывает своих слушателей: достучался или нет? Конечно же достучался.

Надо пережить вместе с поэтом ужасные ребячье сомнения: «А мне нельзя: я обещал», надо видеть, как произносит он это победное, залихватское: «И я пошёл – какие брызги!». Надо ощутить всем сердцем, как буквально замирают сидящие вокруг мальчишки: «Скорей домой, а там – скандал» и сакраментально вздыхают в унисон с поэтом, когда он, словно сам набрав воды в новенькие сапоги, снизив голос почти до трагического, сетует на недостаточную высоту голенищ. Кто не пережил в начальные годы своей жизни подобное?! Ещё слышится из давней детской поры потаённым отголоском прожитого мамино возмущение и

папино огорчение. И у пятилетних слушателей тоже есть уже, конечно, первый опыт столкновения с житейскими трудностями.

Но поэт не зря улыбается так хитро и мудро, он подсказывает своим маленьким друзьям, как надо относиться к неприятностям, которых жизнь подбросит ещё в таком избытке, что только держись.

Я вспоминаю свои первые годы, пробую подняться до неимоверной высоты детской души, пытаюсь оглянуться на мир детскими глазами и понимаю, что уже не могу: заскорузло, затвердело внутри. Взрослое понимание, взрослая гамма ощущений и мыслей накрывает, словно тяжкая волна... а Александр Журавлёв продолжает:

У Леночки Две ленточки В косички вплетены. На кофточке Две розочки Издалека видны.	На фартучке – Две складочки. На щёчках – Два пятна, Два аленьких, Два маленьких. А Леночка – одна!
---	--

И круглолицые, румяные девчушки, встрепенувшись, распрямляются и смеются, и радуются, и, может, впервые в своей крошечной жизни, смотрят на себя со стороны.

Наверно, только истинно детский поэт может вот так естественно и легко подняться до этой хрустальной прозрачности мироощущения.

Несколько лет назад мы, группа поэтов из Республики Коми, ездили в Пушкинские горы на семинар руководителей литературных объединений. В благословенные Пушкинские места съехались поэты со всей России. И вот после посещения Михайловского, после прогулки по реликтовому парку, где сохранились огромные тополя, которые ещё помнят Александра Сергеевича и Анну Керн, в уютном холле туристического комплекса, где мы жили, за дружеским ужином каждый читал своё самое сокровенное, самое дорогое, что не стыдно было произнести здесь, в обители самой Поэзии. Очередь дошла до Александра Журавлёва. Мастерски выдержав паузу, легко и просто он начал читать «Коробок со спичками»:

У лентяя Коробка Загорелые бока. Беленькая спинка, На груди – картинка. Манит каждого лентяй: «Ты со мною поиграй. На, возьми-ка в кулачок, Почеши-ка мне бочок.	Ты мне спичкой почеши, Загорелось – не туши. Вот теперь я всё могу: Дым пущу и дом сожгу». С лежебокой не играй! Будет плохо. Так и знай.
---	--

В холле всё на каком-то невероятном выдохе замерло, а поэт помолчал, прочитал ещё несколько своих стихотворений, оглядел товарищей по перу и сел. Причесанный к любой реакции слушателей, он, похоже, не ожидал этой невыносимой тишины.

Чудеса в литературе довольно редки. Но тут, сдаётся мне, случилось чудо. Умелые, изощрённые в словесной работе поэты вдруг заторопились, заговорили разом: «Почему я до сих пор не слышал этих стихов?.. Почему они не изданы на всю Россию?.. Где найти твои книжки?.. Я бы увёз к себе... Такого поэта должны знать везде... Александр, по дружбе, подари мне хоть одну свою книгу...»

— У меня нет ни одного экземпляра, — растерянно и почему-то виновато улыбаясь Александр Константинович. — Всё, что было издано, зачитано до дыр, распалось на отдельные листочки. На встречах с читателями читаю по памяти. Вы же сами знаете, как трудно сейчас чего-то новое издать. В общем, ничем помочь не могу.

Последняя книга Александра Журавлёва, выпущенная несколько лет назад Коми книжным издательством для самых маленьких с озорным и смелым названием «Прилетела корова», «разлетелась» в одноточье.

«Как хорошо, что коровы не летают», — сказано в одном бородатом и не благоуханном анекдоте. Но если корову привозят к буровикам на вертолёте, чтобы и на затерянной в глухомани буровой было парное молоко? Но если в поэтическом воображении, которое сокровенно прорастает из детства, любая, самая небузданная фантазия вдруг преображается в удивительно реальные вещи и события? Но если украсить симпатичную бурёнку бантом и весёлым колокольцем? Разве не может она взять и прилететь в книжку, полную чудес и неожиданностей? И в этом — весь Александр Журавлёв. Он может быть простым, как звонкая весна детства:

Голуби гуликали,
Воробы чирикали.
Шла по лужам тётенька —
Сол-ныш-ко-не-сё-тень-ка.

А может сквозь обыкновенность и лукавую улыбку проявить такую мудрую глубину, что и взрослым родителям не под силу:

Соседка по парте болеет,
И мальчик соседку жалеет.
Он яблоко, красное сбоку,
Приносит ей утром к уроку.
Приносит в бумажке конфету.
А девочки нету и нету.
Ему одному не сидится,
Так можно до двоек скатиться.
Семь букв написал он соседке,
Семь букв «Не болей» на конфетке...
Да только, когда не сиделось,
Конфетка нечаянно съелась.
Обёртка хранится в кармашке,
Семь букв на красивой бумажке.

Высокая поэзия непостижима, но ещё загадочней она вот в таких безыскусственных на первый взгляд стихах. Не потому ли с восторгом и удивлением отклика-

ются на них маленькие неопытные в нашей переусложнённой жизни детские сердца и с любопытством и замиранием тянутся к поэзии? Дети ищут и находят в ней себя, свои беды и праздники, радости и огорчения, первозданное жизнеутверждение, которое переплетается с их природным оптимизмом.

А Александр Журавлёв не наклоняется к ним с высоты своего поэтического таланта, не суетится сладкоголосо, как некоторые взрослые, разговаривая с маленькими человечками, он говорит с ними на их языке, играет с ними всерьёз, задаёт им трудные загадки, придумывает невероятные сказки.

Плыло полено по речке.
Поймали его человечки.
Взвалили полено на плечи.
Несли целый день и весь вечер.
Домой принесли. Положили.
Неделю полено сушили.
Полмесяца пилы точили.
Точили да руки ловчили.
Пилить начинали с рассвета.
Пилили полено всё лето.
Всю осень полено кололи –
На каждой руке по мозоли.
Весь год то полено горело
И всех человечиков грело.

Прочтите эту сказочную эпопею своим детям, и вы увидите в их глазёнках такой отблеск работающего на полную мощь воображения, такую готовность к чудесам, что стоит только случайно приоткрыться обычной двери, и маленькая душа безоглядно шагнёт в неведомое, в необъятное, в невероятное.

В квартире Александра Журавлёва не слышно ребячих голосов. Его гости заводят серьёзные разговоры о тонкостях поэзии, о политике, о житейских проблемах. В кабинете, под который оборудована одна из комнат его квартиры, множество взрослых книг. А в душе поэта живут стихи об удивительной игре в прятки, о таинственном сверчке-домовике, проверяющем домашнее задание сладко спящего ученика, о вкуснейшей кулебяке, которой шустрый мальчишка в малице щедро делится со своим рыжим Дружком, о таракане на потолке, о воробышке в скворечнике и о весёлой стране Вьюжане... Он и сам, наверно, не знает, сколько замечательных стихотворений помещается в его большой и доброй душе...

А мальчишки и девчонки, которые не дыша слушают и читают эти стихи, между тем вырастают, взрослеют, ввязываются в большие и маленькие дела своего народа и однажды приходят в зал, где вдохновенный хор поёт песню-гимн об Усть-Цильме, о великой силе любви к историческим корням. И всё в этой музыке и в поэтическом строем становится им родным и близким. Потому что нет поэзии детской и взрослой – она на всех одна, только у детей она строится по-особому и энергия поэтической души в ней чище и выше.

Фёдор Конев

Фёдор Егорович Конев, сценарист, писатель. Уроженец с. Мужи Тюменской области, живёт в г. Минске.

Сегодня мы заканчиваем публикацию романа Ф.Конева «Остров».

Остров

Начало в №№ 1, 2, 3 2008 года

Семён Иванович побледнел, он очень хорошо понял этот жест. А Филипп смотрел куда-то в угол и продолжал с грустью:

– Не ответил ты мне, Семён Иванович, потому что не знаешь. И я не знаю. А мама знала. Я это видел, чуял – знала. Отчего же она знала, а я не знаю, и партия твоя не знает?..

– Молчать! – Семён Иванович вскочил в таком гневе, словно вот-вот обрушится мир, если не остановить Филиппа. – Не смей о партии!

Семён Иванович никогда не допускал мысли, что партия чего-то не знает. Он верил в партию, не размыслия, не думая, как истый христианин в Бога. Партия была той высшей истиной, которую нельзя объяять одионокому разуму, потому следовало исполнять её волю. И Семён Иванович не лукавил, когда сказал Филиппу:

– Если партия прикажет умереть, умру. Вот что такое партия!

Но Филиппа не смущило это заявление, а только раззадорило, и он с весёлой дерзостью спросил:

– Прикажет меня убить, убьёшь?

Семён Иванович опустился на стул. Так высоко вознеслась душа, что в груди холодно стало, а Филипп тихим голосом смутил донельзя. Будь трезвым, Семён Иванович не расстроился бы так, а тут сердце готово было разорваться, такая навалилась мука. Себя не жалко, хоть на костре палите, хоть в омут бросайте с камнем на шее. А родней Филиппа нет никого. И что же выходит? Ослушаться партию? Это было выше его понимания, разум и душа склестнулись между собой,

Семён Иванович не выдержал этой борьбы и расплакался. Филипп испугался за друга, стал говорить утешительные слова. И они выпили. Потом ещё...

И часа не прошло, как они уже маршировали, яростно топая по полу, и пели, посинев от натуги:

Вставай, страна огромная...

Семён Иванович вскоре утомился, Филипп уложил его в постель, накрыл одеялом и ласково похлопал по плечу.

— Спи, капитан.

Филипп направился домой, стараясь держаться прямо. Но вдруг пришло в голову заглянуть в родительский дом и сказать пару ласковых слов братцу, который тоже не знает, зачем небо коптит. Ни братца, ни отца не оказалось. Филипп пошёл к соседке, но она ничего не знала и сама была обеспокоена. Где так поздно может бродить Митрофан Устинович? Уже вдвоём обегали других соседей. Митрофана Устиновича нигде не было. И когда только подняли на ноги чуть ли не всю деревню, кто-то надоумил пойти на кладбище.

Было светло, на небе празднично блестели звёзды все до единой, и зияла дырой круглая, как прорубь, луна.

.....

Акулина занемогла и который день не поднималась с постели. Бабы не оставляли её вниманием, но чаще других навещала Клавдия. Она могла и посидеть, никуда не спеша, а это больше всего устраивало Акулину, которая питалась одним молоком вроде малого дитята, а поговорить была горазда и любопытной стала пуще прежнего.

— Не думай, что хвораю, — говорила Акулина Клавдии, — это я отдохнуть решила, силы накопить...

— Э-хе-хе, — вздыхала Клавдия, сидя возле кровати и не веря словам старухи.

Акулина так исхудала, что не понять было, как в ней ещё теплилась жизнь, за что цеплялась. И будто уловив мысли Клавдии, она сказала:

— По молодости бойкой была, на месте и минуту не усижу... Ноги быстрые, руки ловкие, всё ладно... А уж пригожая!

Акулина начала кудахтать, мелко тряся головой, и не знай Клавдия, что так смеётся, испугалась бы. Но Акулина тут же успокоилась и круглыми чёрными глазами уставилась на Клавдию, отчего той как-то даже не по себе стало.

— Куда делась та? — проговорила Акулина.

— Что уж теперь! — поспешило отвечала Клавдия, не видя в разговоре смысла. — Так уж оно... Здоровье было бы. А то ведь со здоровьем худо. И ноют, и ноют кости. Спасу нет. Уж чем я руки не натирала! Ломит в суставах и всё. Ирина-то, врачиха наша, слушала в трубку, так говорила — сердце у меня хорошее. Да и эти самые... лёгкие. А кости ноют и ноют. Ещё какую-то мазь обещала, так ведь уехала... А название забыла, мази... Как теперь буду, не знаю...

Акулина отвела взгляд на белый потолок. Клавдия и сама не однажды замечала и от людей слышала, что человек в последние минуты перед уходом в кромешную темень смотрит на белое, и потому решила, что старуха собралась умирать, от чего ещё бойчее болтала, не смея умолкнуть и тем помешать... И аж подскочила от испуга и неожиданности, когда Акулина гневно прикрикнула:

– Уймись, сорока!

Клавдия покорно умолкла.

– Петра вспомнила, – начала Акулина и, должно быть, подумала, что Клавдия может не понять, о ком идёт речь, добавила: – Мужа своего.

Клавдия успокоенно решила, что догадка её была правильной – раз начала вспоминать близких, значит, дело идёт к концу. Она уселилась удобнее, задышала вольно и придала лицу значительное подобающее моменту выражение.

– По молодости не понимала, – продолжала Акулина, – потом вспомнила, когда уже его погубили... Толковал он мне о новом и ветхом человеке. Слышь?

– Ну, – отозвалась Клавдия. – С годами-то стареем, ветшаем то есть. Так оно?

– Так уж, так... Вспомнила я себя молодую... Ты подумала – куда старуху повело? А я к тому вспомнила, чтобы ты на меня, сегодняшнюю-то, посмотрела и поняла, о чём говорю. О ветхом человеке толкую. Ясно тебе?

– Ага, – кивнула Клавдия, чтобы успокоить старуху.

– С годами, говорил муж-то мой Пётр, ветхий человек иссякает, а новый человек нарождается. Оттого, говорил, смерти не бойся – умирает плоть. То умирает, чем дорожил ветхий человек. А новый человек он вечный. Понимаешь, что говорю?

Клавдия и рада была бы сказать, что всё она прекрасно усекла, однако совестно стало врать, и потому извернулась:

– Чего не бывает, Господи...

– Ты отвечай.

– Коли грамоты нет? Ты вон учительницей была...

– Причём грамота? Память-то есть?

– Худая больно.

– Вот же холера!

– Не ругайся. Коли помереть собралась, так помирай, а я посижу. Что ж я теперь виноватая, что память дырява?

Акулина притихла, лежала, прикрыв глаза. И если бы не чуть заметное дыхание, то можно было бы подумать, что отошла. Клавдия уже и забыла, о чём разговор был, а древняя Акулина, оказалось, только о том и думала.

– Хотела попросить тебя, – сказала она, – чтобы ты Косте передала... Да ведь вон ты какая непослуша!

– Что передать-то?

– О ветхом и о новом...

– Кликну его, сама скажешь.

– Не придёт.

– Позову, придёт.

– Как он хоть?

– За одну зиму потерял отца и мать, – завздыхала Клавдия, почувствовав себя уверенной в привычном разговоре. – Легко ли! Я-то к нему забегаю. Как не навещать? Рад бывает. Самовар ставит. Одному и чай пить скучно. Костя-то смиренный, спокойный. Не то, что Филипп... Тот с Кондыгиным водку глушил... Ну, в тот день... Отец замерзает, а он пьёт... А коли б не пьянировал, так, может, Митрофан-то Устинович и теперь жил. Вот ведь как! А Костя он ласковый... Так что? Позвать что ль? Ты только тут без меня не помри. Я скоро.

- Не зови.
- Что так? Вроде хотела...
- Не поймет.
- Чего ему понять-то надо?

Акулина снова уставилась на Клавдию чёрными немигающими глазами, вызывающими оторопь.

- О вечном человеке скажи, коли не успею сама.

И умолкла.

– Скажу, скажу, – успокоила Клавдия, и впрямь решив для себя, что как-нибудь за чашкой чая расскажет Косте, какие разные слова говорила Акулина.

Люди сочувствовали Косте, но с разговорами не приставали, щадя его, не желая бередить открытую рану, понимая, как тяжело человеку в таком горе. А Костя всё равно старался избегать людей, тяготился общим состраданием, чувствуя неловкость оттого, что оказывается невольным обманщиком. Думают, он страдает и потому молчит, а у него пусто внутри, как в прохудившейся бочке. Костя с радостью приходил домой после работы, заранее зная, что никто его не потревожит, никто не будет смотреть на него жалостными взглядом, не будет многозначительно вздыхать и старательно говорить о сторонних вещах. Если и зайдёт Клавдия, так она не в тягость, бабка добрая, бесхитростная, притворствовать не станет, расскажет все поселковые сплетни-слухи, чаю напьётся, Бога поблагодарит и уйдёт.

Придя домой, Костя включал телевизор и сидел перед ним, ни о чём не думая и слушая поверхностным слухом, вроде улавливает, о чём речь, а спроси тут же – забыл.

И этот вечер протекал своим чередом – пришёл, переоделся в домашнее, поужинал и сел на диван, включив телевизор. Показывали очередную встречу в Шереметьево. Брежнев спустился по трапу самолёта и долго целовался со всеми встречающими, как будто сто лет не виделись. Костя вспомнил, как мать не раз говорила:

- Пожалели бы старичка, отпустили бы на пенсию.

Она думала, что Брежнева заставляют работать, потому что очень нужный, мучают без стыда и совести, а человеку давно пора отдыхать. Отец при этом ворчал:

- Что они все целуются, как бабы?
- Так ведь старенькие, – защищала мать.
- Ну и что?
- Радуются.
- Чему это радуются?
- Что встретились. Это молодые хоть на год расстанутся, так ничего. А они-то на день и то страшно – вдруг кто помрёт. Вот и радуются.

Мать почитала любое начальство и жалела – это же сколько народу в стране и за каждого нужно думать! Отец больше ворчал:

– Порядка нет. Пьют, воруют. Совсем распустился народ. А эти всё говорят да хлопают в ладоши. Вроде глухарей – токуют, ничего не видят, не слышат.

— Лишнего-то не болтай,— хмурила брови мать, обычно не смевшая делать замечания мужу, старшему по годам.— Дай-ка лучше ноги натру.

— Ты натрёшь!

— Так натираю же...

— Тяп-ляп и готово... А надо же знать — больше, меньше мази-то.

— Может, фельдшера звать? Вот смеху!

— Я не к тому,— ворчал отец, стягивая с ноги чулок.— Толковых людей убывает в народе.

— Уже и бестолковая! — смеялась мать.

— Не о тебе речь...

Отец сердито смотрел на экран телевизора, а мать пугалась дальнейших его слов и спешila на кухню. В отце, насколько помнит Костя, постоянно жило глухое недовольство к любому начальству от мала до велика. Та насмешливая неприязнь жила во всем обреченно послушном народе. А Костя и к учителям в школе, и к командирам в армии, и к нынешнему совхозному руководству относился равнодушно — они были назначены руководить им, а ему оставалось подчиняться, и ничего другого быть не могло, потому что не положено... Он подчинялся каждому слову своего начальства и не столько по причине послушного характера, сколько от желания сохранить душевный покой, внутреннюю свободу. Костя ходил только в ногу со строем, и это было спасительно — никто не придидался к нему, никто больше положенного не мучил. Когда отец ворчал на руководителей страны, Костя не перечил потому, что эти люди, эти вожди были далеки от него, и более того — они казались не настоящими, а специально для народа придуманными и потому жили только на экране телевизора. Костя хорошо понимал, чего от него хотят, — чтобы старательно работал и ради их спокойствия считал себя счастливым. Костя мог вкалывать по двенадцать часов и всем был доволен. Но не лез в передовики, стыдился Досок почёта и потому старался так, чтобы не перестараться. Он видел, что большинство его ровесников подобно ему. Одни старики никак не отвыкнут от другой неведомой Косте жизни.

Если бы кто-то бойкий и ершистый спросил — отчего он такой и как он таким получился? — Костя рассмеялся бы только, потому что ответ был прост и лежал не глубоко. От него хотели, чтоб он стал таким, и он согласился. Возникло даже какое-то взаимное понимание между Костей и любым начальством — не мешали друг другу жить.

В этот же вечер, сидя перед телевизором, Костя впервые и понял, и почувствовал, что он один, что мать и отец не на кухне и не вышли к соседям, что их нет, и они уже никогда не войдут в эту избу. Костя не испытывал непоправимости случившегося. Казалось, стоит напрячь волю, собраться силами и что-то ещё можно поправить. Конечно, он хитрил, хитрил ради душевного покоя, но творил это не сознательно, не с умыслом, а непривально — душа спасалась от страдания, чего он избегал всю жизнь. И вдруг прояснилось — их нет!

Они умерли и похоронены навсегда.

Поняв это, Костя сидел и спрашивал себя — отчего не больно? Не было боли, пусто было внутри.

Он не видел и не слышал, что происходило на экране телевизора, всё внимание обернулось к себе и стиснуло мозг холодное любопытство — отчего не больно?

И вспомнил он почему-то давний случай, когда впервые столкнулся с Акулиной. Был несмышлёнышем, от дома впервые далеко ушёл, аж за окопицу. А про бабу-ягу уже слышал. И что маленьких детей она любит, знал. Сварит в печке и слопает, только попадись. Маленький Костя шёл к лесу, чтобы найти палку и после скакать на ней, как на коне. И вдруг увидел между деревьями костлявую старуху и сразу понял – кто. У неё страшно сверкали чёрные глаза, сомнений никаких не было. Костя рванул назад и так бежал, что в груди стало больно.

В то время, как теперь понимал Костя, ему хотелось жить, и он боялся смерти, как боится любая птаха, любой зверёк, то есть всем существом и отчаянно. А сегодня, в эту минуту, приди сама Смерть и спроси Костю:

– Страшно?

Ответил бы:

– Нет.

И спроси она:

– Отчего не страшно?

Ответил бы, коснувшись груди:

– Тут пусто.

Что он мог сделать против судьбы? Надумала забрать отца и мать, не спросила. Судьба, считай, повыше любого высокого начальника и спорить с ней толку нет. Хоть реви, надрывайся, кричи до кровавой пены в глотке, не услышит. Захочет и Костю забрать, пусть делает, как задумала, её не направишь, не уговоришь. И оттого Косте не больно, что ничто от него не зависит, как ничегошеньки не зависело во всей жизни. Терять нечего...

Он ещё не понимал, что к нему пришла тоска и что она имеет свой адрес.

Пятый день беспробудно пили Филипп и сердечный друг его Семён Иванович Кондыгин. В сельсовет никто не ходил, люди были с понятием. А если кто из района разыскивал председателя по телефону, звонили в совхоз, и Илья Маркелович отвечал – отлучился, по малым посёлкам поехал.

Филипп винил себя в отцовской смерти, душу рвал и оттого заливал водкой. Семён Иванович пил из великого сочувствия. Песен не пели, как в прежние застолья, а больше говорили да молчали.

– Простить себя не могу, – скрипел зубами Филипп.

И Семён Иванович не словами успокаивал его, а наливал новую стопку.

– Я тут пил, а он замерзал... Понимаешь? Меня звал... А я? Тварь последняя, гад... Не могу, Иванович, не могу...

– Не надо, Филька, – просил после долгого молчания и многих чарок Кондыгин. – Сердце лопнет.

– А что надо? Что? Да я же убил отца! Как ты не понимаешь?

– Я понимаю, хорошо понимаю...

– Что понимаешь? – насторожился Филипп.

– У тебя жена, дети... Вот о чём думай.

– Что жена? Баба... Вышла за меня, за другого выйдет.

– Нехорошо, Филька. Жена тебе родила детей. А без детей худо. Очень, Филька, худо. Зачем жену ругаешь? Без жены худо.

Филипп смотрел осмысленными глазами на Кондыгина и звериная, непод-

властная ему жалость стиснула сердце. Ещё ведь не стар Семён-то Иванович, едва за пятьдесят перевалило, а как сильно сдал. Сидит сгорбленный, шея худая и дряблая, как у общицанной утки, на скелетом костлявом лице только и живы узкие раскосые глаза. И весь-то он щуплый, как мальчонка, возьми на руки инеси.

Филиппу и впрямь захотелось взять Семёна Ивановича вместе со стулом в охапку и утащить куда-нибудь, где ему будет лучше, где он снова станет молодым, стройным и весёлым, каким был когда-то.

Филька, лет семи пацанёнок, восторженно смотрит на молоденького капитана, туго обтянутого командирским ремнём, оттого и вовсе тонкого в талии. В нём всё ладно, всё вызывает мальчишеский восторг – и гимнастёрка с орденскими планками, и галифе из тонкого сукна, и хромовые со скрипом сапоги, а главное – фурражка со звездой, сидевшая на голове щеголевато, чуть набекрень.

То было счастливое время – окончилась война. Возвращались фронтовики, кто покалеченный, а кто и цел. Радовались друг другу, хвастали, кто где воевал, под командой какого маршала, пили за победу, за возвращение в родные края, пели в обнимку, да так и засыпали иные. Те же, кого забрала война, взирали с неба на земляков, и, должно быть, печалились и скорбели оттого, что мужички затянули празднество, пристрастились к чарке и многие тем губят себя, так и не поняв во хмелью, что выжили в огне для продолжения жизни. Бабы долго терпели безделье мужей, толкуя меж собой, что надобно солдатикам отойти от ужасов, которых насмотрелись, прежде чем снова стать толковыми работничками. Пьяный проспится, успокаивали они себя, да и в разум войдёт. А фронтовики с утра стадились, глушили горькую и снова бредиливойной.

Отец Фильки, Митрофан Устинович, рюмки не чурался, но в отличие от других рано занялся хозяйством. Уже на второй неделе снял солдатскую форму и оделся в крестьянскую одежду-обувку. Да и что за разница! Отец вернулся в застиранной до бледности гимнастёрке без единой медали, в мешковатом галифе и кирзовых сапогах. Одна только пилотка и стоила внимания Фильки. Он её выпросил и даже на ночь прятал под подушку.

Семён Кондыгин приехал в посёлок по воле районного начальства, наметившего поставить его председателем сельсовета. Фронтовики встретили его с уважением: все они были рядовые, а он капитан. И бабы залепетали – Семён Иванович, Семён Иванович... Уже до голосования признали старшим. Не пил капитан, сколько не зазывали к застолью, отказывался – нет и всё. Бабы гадали, гадали и придумали – возле сердца лежит осколок гранаты, если капитан выпьет, сдвинется железяка и конец. И почему-то все поверили в это, ещё больше зауважали Семёна Ивановича. И голосовали за него. С тех пор Семён Иванович представлял в посёлке Меркуши советскую власть, был судом и совестью, всегда жалея просителей-сограждан.

Но для Фильки он, прежде всего, был гвардии капитаном. Семён Кондыгин ходил при всей форме, и бесконечно игравшие в войну мальчишки замирали при его появлении, потому что не было среди них ни одного, кто не мечтал бы стать похожим, также двумя большими пальцами поправлять гимнастёрку под ремнём, так же фасонисто шагать и скрипеть подошвами хромовых до блеска начищенных сапог. Ни пацанва, ни Филька не догадывались, что другой одежды у Семёна Кондыгина по ту пору не было, в комоде лежали только сменные портянки да бельишко.

Филька так влюбился в капитана, что просыпался раньше всех в доме, бежал к сельсовету и сидел на крыльце, ёжась от свежей утренней прохлады. Капитан имел привычку, проснувшись, спускаться к реке в галифе на босу ногу и майке, обмакиваясь полотенцем от неусыпных комаров. В первый раз, заметив Фильку, Семён Кондыгин только и бросил:

– Привет, солдат!

Филька тогда не посмел пойти следом, побрёл домой. А на следующее утро капитан остановился, спустившись с крыльца.

– Ты чего тут? – спросил он.

Филька не мог ответить, потому что совсем не готовился к такому вопросу. Он другие слова припас. Но Семён Кондыгин был умным, догадался сам, чего тут мальчионка дежурит, и предложил весело:

– Давай дружить.

Филька согласился, к этому он был готов.

Давно это было... Ох, давно!

– А помнишь, Иванович, как я за тобой таскался? – спросил Филипп, влажными глазами глядя на друга. – Как собачонка... Честное слово! С утра до вечера! Мать говорит – может, жить к нему перейдёшь? Отец корит – пристал к человеку, понимаешь! Вот запру в чулан. А я сижу, надувшись. Мать смеётся – кто отец-то твой? Я показываю. Гляди-ко, будто удивляется она, не попутал. Отец тогда спрашивает – кто ж тебе Семён Иванович? Кум, сват, брат? Я и отвечаю – командир. Вскакиваю и бегу к тебе. Давай, Иванович, выпьем. За тебя, командир, родной мой...

– Что вспомнил, Филька! – расстроился Семён Иванович. – Молодец, Филька. Не забыл.

– Давай, командир!

– Какой я тебе командир, Филька? Не-е, не за меня, за тебя выпьем. Не было у меня жены, Филька. А сын был. Ты мне сын. Больше чем родной... Вот как, Филька!

– Иванович... Как же хорошо-то было тогда! Отчего же так хорошо было?

– Знаю, Филька, знаю...

– Отчего? Скажи...

– Мы были хорошие...

– И был у меня командир! А что ж теперь? А теперь больше... Ты мой друг! Понял? Родной ты мне...

Филиппу казалось, что он открыл великую истину, без которой ему было плохо, а теперь будет совсем иначе, и потому ещё яростней спросил:

– Понял?

Семён Иванович закивал, не в силах выговорить слова, так отчего-то стиснуло горло.

Филька рос, пошёл в школу, семилетку окончил в посёлке, а дальше учиться не стал, не поехал в интернат, находившийся в Мужах. Его силком увезли какие-то люди из РОНО, но он сбежал и пешком добирался до дома в сильный мороз. Взрослые одумались, побоялись загубить подростка и отступились от него.

Семён Кондыгин к тому времени приобрёл уже первый костюм, ходил в штатском, носил под мышкой ядовито-жёлтого цвета портфель, в котором хранились

разные казенные бумаги и печать, символ государственной власти, и говорил Фильке в минуты приподнятой душевности:

— Бумага есть — человек есть. Смотри, что написано — фамилия, имя, отчество, национальность. И печать. Показал, и все знают, кто ты. А без документа как докажешь, что ты это ты, а не Тотша Дань. А?

Филька бросил школу не из-за своего командира. Семён-то Кондыгин как раз больше других упрашивал да уговаривал:

— Учиться надо, Филька. Институт кончать надо. Грамотным будешь. Или в училище поедешь. Лётчиком станешь. Разве плохо. В большом городе жить будешь. Там машины бегают, много машин. И народу! Девушки красивые ходят. И все невесты!

Семён Кондыгин звонко смеялся, радуясь возможной счастливой жизни Фильки.

Но Филька не хотел быть лётчиком. И жить в большом городе тоже не хотел. Машины в кино видел и ничего привлекательного в них не нашёл. Бегают и бегают. Что ему до них? А к девушкам вовсе интереса не было, потому что соседская девчонка Валька, правда, ещё сопливая, будет его женой. Так он решил. Осталось подрасти. Ему было хорошо в родной деревне, всё тут его устраивало — и тайга, и река, и соседи, и родители, и командир.

— А помнишь, как ты мою Валентину сватал? — спросил Филька, закусив рыбой после очередной стопки. — Иванович! Ну? Пришли мы к ней. Ты меня повёл. Усадил её напротив. И вот говоришь, говоришь... Про семью-ячейку... Про линию партии... Про меня, конечно... Какой я купец, какой молодец... Родители Валентины сидят, шелохнуться не смеют. Сам председатель пришёл, начальник. Молчат, уважают. Час говоришь, второй пошёл... Потом невесту спрашивала — согласна? А у невесты — во! — живот. Я говорит, Иванович, на сносях.

Семён Иванович смущался, не любил вспоминать оплошности, а их всё больше случалось, как попивать начал.

— Смотришь — впрямь брюхата, — продолжал Филипп, которого сегодня почему-то потянуло в прошлое и бродил он там счастливо, как в летний день вдоль реки — дышать легко и душа вольно.

— От кого? — спрашиваешь строго.

— От мужа, — отвечает.

— Кто муж?

— Да вот же он, Филипп.

Ты на меня:

— Почему не доложил?

Я тебе сую свидетельство, заверенное тобой.

— Как так? — говоришь. — Когда? Почему не помню?

Валентина намекает — выпимши были. Ты подумал и говоришь — правильно Филька решил. Лучшей невесты нет.

Так ли оно было или чуть иначе — какая теперь разница!

Филипп потянулся к Семёну Ивановичу, чтобы приобнять за плечи, и вдруг оторопел. Кондыгин сидел, отрешённо уставясь в пустоту, смертная тоска застыла на его побледневшем лице.

— Иванович, — тихо позвал Филипп, опасаясь спугнуть, будто перед ним был лунатик. — Обидел чем?

— Нет, Филька, — тусклым голосом ответил Семён Иванович. — Зачем вспоминать? Там, — неопределённо махнул рукой, — и хорошо было, и плохо было.

Он потянулся к стопке, но уронил руку на колено, опустил голову, словно от внезапной боли, и чуть слышно простонал.

— Иванович, что? Худо? — всполошился Филипп.

Была у Семёна Ивановича своя Валентина, звали Таисьей. Могла стать женой, детей нарожать. И теперь стоит перед глазами — молоденькая, плотненькая, круглолицая. Запоздал сосватать. Пока собирался, родители пропили дочь оленеводу. Пили неделю, и уже не на что стало. «Бери, говорит папаша, дочь». Ударили по рукам. Ещё попили под богатое угощенье, и увез оленевод Таисью в тундру. Когда родитель очухался, не мог вспомнить, кто к нему приезжал, как звали. Протрезвела родительница, а дочки нет. Кто увез? Куда? Был гость... Весь ответ. Не шуметь же теперь, не жаловаться. Что толку? Да и люди обсмеют. Выдали, мол, замуж и весь разговор.

Должно быть, и теперь жива Таисья. Помнит ли Семёна? Или забыла давно? А он так и не женился. После войны если и было чего много, кроме могил, так это вдов и невест. Не одна из посёлковых девчат надеялась на Семёна. И сам он много уверял себя, что надо обзавестись хозяйствкой, но не сумел одолеть свою натуру — хороших девушек было много, а родной осталась одна — Таисья. Вот с ней было бы легко. Все же другие стали бы обузой. Это он чувствовал.

За рекой и за тремя протоками на берегу просторного, как море, сора стоят юрты. В одной из них родился Семён Иванович. Оттуда он уехал учиться в интернат. Потом был призван в армию, попал в танковое училище, долго воевал, так долго, что родители не дождались. Вернулся он к ним, а увидел могилы. В тот скорбный день встретил Таисью.

— Помнишь меня? — спросил он.

Она ответила:

— Да.

По глазам её видел — понимает, как ему плохо.

Сказал:

— Замуж тебе пора.

И снова она ответила:

— Да.

Он долго молчал, опустив голову. Ему было страшно одиноко. И он спросил, посмотрев на неё:

— Пойдёшь за меня?

И так же коротко она согласилась:

— Да.

Он уехал в Мужи, чтобы встать на партийный и военный учёт. А там предложили председательский стул в Меркушах. Поехал знакомиться с людьми — да так и упустил время, увезли Таисью.

— Что с тобой, Иванович? — беспокоился Филипп.

— Погоди, — попросил Семён Иванович. — Помолчи. Я скажу.

Задумался, подыскивая слова. А хотелось понять — как так может быть, что поговорил с девушкой один раз, а всю жизнь забыть не может?

— Скажи, Иванович, — ждал Филипп.

Ему не терпелось напомнить, как они с Кондыгиным ехали на моторке. Были, конечно, немного выпившими. Оттого, должно быть, налетели на мелководье и сорвали шпонку. Пристали они к берегу, а тут обнаружилось, что гребного винта нет, соскочил с вала и утонул. Друзья совсем было приуныли, но хлебнув водки, исхитрились из елового корня выточить винт с тремя лопастями да к тому же умудрились насадить на вал и зашплинтовать гвоздём.

— Ехать надо, — сказал Семён Иванович.

Филипп от изумления выпучил глаза, конечно, чуть наигранно.

— Как ты узнал?

— Не узнал, Филька, а ехать надо.

— И тогда те же слова сказал.

— Всё, Филька. Всё. Выпьем по последней, и я поеду.

— Куда, Иванович?

— К себе. Домой.

Филипп ничего не понимал, оттого решил, что приятель изрядно перебрал.

— Ты же дома. Может, бай-бай? А?

— Нет, Филька, я не дома.

— Если не дома, то где?

— Зачем спрашиваешь? Я не пьян. Я тут жил, а дом мой там.

Он махнул рукой.

— Ты брось! — возмутился Филипп. — Чего это? Помирать собрался?

— Зачем помирать? — вскинул глаза Семён Иванович.

— Куда показываешь? — Филипп тоже махнул рукой. — Там кладбище. Хватит похорон-то. Слишком много за одну зиму...

Семён Иванович минуту соображал, где север, где юг, и показал в другую сторону.

— Там мой дом.

И стал Семён Иванович Кондыгин говорить о том, что жил он не своей жизнью, занимал чужое место, потому что по своему предназначению должен был рыбачить и охотится, а не таскать портфель с печатью да писать глупые справки, ничем другим не имея возможности помочь людям, вечно вынужденный трястись перед всемогущим райкомом, но что не винит он сейчас никого, а только себя ругает за то покорное служебное рвение, которое проявлял столько лет, не осмеливаясь бросить постылый кабинет и вернуться в отцовскую юрту, чтобы разжечь огонь в очаге, сложенном из камня и глины ещё прадедом.

Филипп понапачу не понимал, куда повело друга, чего он так раскипятился, но вслушиваясь, всё более проникался печалью Семёна Ивановича, а когда тот сказал, что останься он по возвращении с фронта в родном становище, не потерял бы Таисью и не прожил бы бобылем, вовсе расстроился и без всяких колебаний решил ехать вместе.

— Едем!

— Там хорошо...

— На руках понесу, Иванович, если там тебе хорошо!

— Зачем на руках?

— Люблю потому что!

— И я тебя люблю, Филька!

– Едем, командир!

– На чём?

– Лошадь запрягут...

– Не надо, Филька. Жена увидит, народ поднимет, не отпустят. Пешком пойдём. Десять верст... Что нам?

– Пойдём пешком... Вперёд!

Хмельные были, изрядно перебрали два друга, два товарища. Спустились они к реке. На берегу увидели трактор, работающий на холостом ходу. Тут Семён Иванович вспомнил, что он боевой танкист, и уж не мог собой овладеть, полез за рычаги. Рядом на сиденье устроился сияющий от возбуждения Филипп. В стороне какие-то люди разбирали плот, орудуя длинными вагами. Семён Иванович торопливо рванул с места, чтобы не остановили, и поехал через реку.

Работники совхоза, с которыми оказался в тот день Илья Маркелович, обратили внимание на трактор, когда взревел двигатель. Тогда же вышел из электростанции Костя, пришедший туда за канистрой солярки. Посмотрев на бегущую по целине машину, довольно спокойно спросил:

– Кто?

Илья Маркелович ответил, с досады выругавшись матом, ответил:

– Кондыгин с твоим братом. Нализались...

– Далеко не уедут, горючего на дне бака...

И только сказал эти слова Костя, как лицо его исказилось от ужаса, и он закричал – как вспоминали на допросе рабочие – прямо-таки страшным голосом:

– Полынья!

Трактор, огибая остров, взял правее. И вдруг его не стало. Только что был, а раз – и нет. На его месте, как от немого взрыва, взбурлила вода и опала. На белом снегу чернела прорубь. Полынья замёрзла недавно, и лёд не успел окрепнуть.

Последние минуты жизни Семёна Ивановича и его младшего друга Филиппа были прекрасны.

Броня крепка и танки наши быстры...

Голос капитана сорвался, будто прошлое ударило тугой волной в лицо и сбило дыхание. Но Филипп мощно и яростно подхватил:

А наши люди мужества полны...

Казалось Семёну Ивановичу, что снова он в боевом танке и снова впереди – враг, а позади – Родина. И не страшна смерть, потому что он знает, за что погибнет. Он несётся в лязгающем, грохочущем и ревущем железе ради жизни своего Отечества и ради свободы своего могучего, многострадального народа, частицей и спасителем которого считал себя. Он был велик в эту минуту, потому что любил всех соотечественников от мала до велика и потому что рядом с ним сидел самый близкий человек, всегда его понимавший, но особенно сейчас. А Филипп гремел могучим голосом:

Идут вперёд советские танкисты...

Филипп не сдерживал слёз, которые текли по щекам. Он любил Семёна Кондыгина так же самозабвенно, как в детстве, был счастлив оттого, что мчался туда, где Семёну Ивановичу будет хорошо.

Ни Семён Иванович, ни Филипп не поняли, что случилось в следующий миг, почему и что за ледяная тьма поглотила их.

Господи, приюти их прекрасные души и не суди строго за земную житейскую нескладуху!

Гибелью двух людей, естественно, заинтересовалось следствие. Костю, как и других свидетелей, не раз вызывали в Мужи, вели долгие расспросы, всё чего-то уточняли, по сто раз интересовались одним и тем же и ничему не верили. Но Косте было всё равно, кто его слушал и как относились к его ответам. Ели бы даже его судили, то он и к этому отнёсся бы совершенно равнодушно, словно всё вымерло внутри, и был он уже не живым человеком. Ничто не волновало, ничего не трогало, ничто не привлекало его внимания, и он пребывал среди людей, как призрак.

Илья Маркелович собрал подписи и послал письмо в райком в защиту Кости, во всем оправдывая и от имени посельчан обязуясь при необходимости взять его на поруки. В райкоме, видать, поговорили, посоветовались с прокурором и дело закрыли. Но Костя и того не заметил, что его оставили в покое. Пришла как-то Валентина, ревела в голос, причитая, да вдруг уставилась на него и стала пальцем показывать, как на чумного.

– Ты! Ты! Ты! Это ты их убил!

А он сидел напротив, и лицо будто из воска было, ни живинки. Она кричала, кричала да и уставилась в глаза. Смотрит и не верит – они пустые. Валентина так испугалась, будто увидела мертвеца, и со страха чуть сама не померла, благо выбежала на улицу.

Целыми днями Костя работал, послушно выполняя всё, что велел Илья Маркелович, но ни с кем не заговаривал. Да и люди к нему не приставали, решив про себя, что парень тронулся умом, но его тихое помешательство никому не мешает, и то ладно.

Во всем существе Кости произошла какая-то странная перемена, будто он раздвоился, одна часть его существа телепалась днём, а вторая просыпалась ночью, когда в сновиденья приходила молодая мама, всегда чем-то озабоченный и тоже молодой отец, хитрый, вечно хнычущий и чего-то клянчащий Яков и такой надёжный, такой сильный и добрый Филипп.

Почему-то снилось не более раннее и не более позднее время, а именно конец пятидесятых, когда ему стукнуло семь... И Костя во сне понимает – почему. Осенью Филипп идёт служить в армию, и Костя всё лето мысленно прощается с братом.

Была ещё жива баба Даша, старенькая, подслеповатая и ворчливая, которая только и знала, что говорить о своих бесчисленных хворях. Костю оставляли с ней на целые дни, а все уезжали за реку косить сено. Косте надоедало слушать воркотню бабки и он бежал к реке. Мальчишки звали его в свои игры, но Косте было скучно с ними, куда интересней казалось строить домики, чумы и скирды из песка и мечтать о том, как старший брат соскучится в армии по нему и уговорит командиров, чтобы они определили Костю сыном полка. Командиры, конечно, согласятся, и Костя будет ходить в одном строю с братом под громкий бой барабанов.

К вечеру на реке показывались лодки сенокосчиков, и в тихую погоду издалека были слышны женские голоса, скрип уключин и удары вёсел по воде. Маленькое сердце Кости становилось огромным и заполняло всю грудь от волнения, когда он различал среди других лодку родителей. Костя крепился, скрывая чувства, хмурился для солидности, нагоняя на себя деловитость, тем стараясь походить на взрослых.

— Как бабка? — спрашивала мать и протягивала ветку смородины, густо усеянную ягодами.

— Ужин готовит, — отвечал Костя, радуясь подарку.

Спрыгивал на берег Яков, давал слабый, но обидный шелбан по макушке и уносил вёсла. Отец большой, пахнущей травами ладонью трепал волосы Косте и принимался выгружать вязанки свежего сена. А Филипп каждый раз весело подмигивал, отчего сердце Кости сладко замирало, и он благодарно принимал из рук брата маленькую особо для него приготовленную вязанку. Брат вскидывал на плечи чуть не копну, такой был сильный, и шёл впереди, за ним — Костя, за Костей — отец, за отцом — мать. Так они шли с берега домой. Во дворе встречала их бабка Даша. Яков сидел на крыльце и уже чего-то жевал...

Филипп торопливо ужинал и куда-нибудь спешил — то на танцы в клуб, то в сельсовет к Кондыгину. Костя бежал за братом и ждал его на крыльце, как собачонка, пока тот не наговорится с председателем или не натанцуется под радиолу.

— Ты чего здесь? — каждый раз удивлялся Филипп, увидев Костю и не помня, как сам когда-то обречённо таскался за гвардии капитаном.

Косте снилось то время, в котором он любил мать, отца и даже вредного Якова, но особо Филиппа...

Днём они уходили от него, и он оставался один. И если приходила мысль о том, что нет ни матери, ни отца, ни Филиппа, то ничего не вызывало отзыва в груди, потому что днём там было пусто. Душа просыпалась ночью, во сне.

Древняя Акулина тоже пришла на берег и стояла, опираясь двумя руками на клюку, но не смотрела на ледоход, как все остальные, а зоркими ястребиными глазами следила за Костей, который отчуждённо сидел на обрубке толстой ивы.

У самого берега ничего интересного не происходило, большие льдины застрияли на отмели и вместо быков сдерживали напор стрежневой ледяной массы. Люди смотрели на остров: чудеса происходили там. Остров стоял посреди реки, как одинокий воин перед могущественной неумолимой ратью. Уму не представить, какая силища навалилась на него. Огромные льдины поднимались дыбом, упираясь ему в грудь, и рушились, как стены под бомбёжкой. А уже устремлялись новые, ледяная гора поднималась выше острова и выше сосен, но приближалось разводье, напор угасал и громадный торос валился в пучину. Остров минуту отдыхал, но уже неотвратимо надвигалось целое ледяное поле. И кто-то завопил на берегу:

— Чичас! Чичас!

И всем поверилось, что на этот раз остров не устоит, льдина срежет его по основанию и понесёт на себе, радуясь и торжествуя.

Костя почувствовал физическую боль в груди, словно на него надвинулась та

льдина. «Да что же это? – суматошно думал он. – Сотни лет... А может, тысячи... В каждый ледоход... Ради чего? Страдать ради того, чтобы выжить? Не стоит, глупо. Бороться ради этих двух сосен, что на нём растут? Смешно. Что острову до этих сосен? Чем они любезны ему. Ерунда! А ерунда ли? Что он, остров, без этих сосен? Куча глины и песка. И не то главное, вовсе не то... Не то, чтобы ледоход выдержать, а в половодье, не устоял бы остров, когда б не сосны. Смыло бы его по песчинке. А сосны корнями крепят его. Остров спасает сосны, а сосны дают силу и крепость острову. Вот что главное! Вот в чём суть...»

И Костя думал о себе...

Ледяное поле величиной в стадион упёрлось в остров. Казалось, вся мощь великой реки вступила в единоборство с крохотным островом. Люди на берегу смотрели, затаив дыхание. Льдина оказалась ещё крепкой, не крошилась, не торосилась. На неё давили другие, и уже возникал затор на всю ширину реки. Боль в груди Кости росла, будто он сам слился с островом неведомо как. И если бы ещё сколько-то времени длилось неравное противоборство, то сердце Кости лопнуло бы – честное слово! – но тут ледяное поле раскололось надвое и остров, подобно ледоколу, втиснулся в эту спасительную расщелину.

– А-а! – кричала ребятня.

Мужики и бабы оживлённо размахивали руками, гомонили в голос, а Костя вдруг заметил, что уже на ногах и тоже по-мальчишески вопит:

– А-а!

И тут же умолк, опасливо осмотрелся и поймал уползающий взгляд древней Акулины.

Старуха отвернулась и поплелась с берега, далеко вперёд закидывая клюку. Она видела, как преобразилось лицо Кости, как ожили глаза и как он закричал. Она думала о том, что в эту минуту мог родиться в Косте вечный человек.

Нина Обрезкова

*Нина Александровна Обрезковалён мед-
ваддза кывбұрыс вәлі йөзөддома 1985 воын.
И дыр кад сійө вәлі тәддса лыддысысылы
сөмын кыдз коми поэт. Сылён петіс кыв-
бұра нәль сборник. Но 2005 восянь гижись
 заводитіс үдженавны и проза жанрын. Өт-
кымын висьт вәлі йөзөддома «Войыв қо-
дзув» журналын. Миян журналын петаліс
гижисылён «Яңтарной сикётш» висьт
(Арт, 2008, № 1).*

Клеткаа пинжака морт

«Сё лешакö, и пионеръясыд абуось, көтү нин найö туй вомоныс вуджодіс-
ны...» – шмонитны велалом мортыд и тані эз кутчысь. Мортсо тайös сүнисны
Педёр Генъён, и суаласі сійө öні карса пасъықыд машина туй бокын киняулас
топодом шахмат пöййон да лоöсöдчис сійös вуджны. Колö шуны, бörjäя каднас
Генъ асывъяснас пöкмелля юрнас и горт тагöссö мукöддýрий вуджны поліс, кысъ
нин татшом пасъықыд туй, да кор машинаыс оз и сүтлө быттьö... А öні буретш
вәлі асыв, да юрыс Генъён, веськыда шуны, эз вөв выйті прамой... Сүтісны
тай эськö да, турунвижён со биасис. Йöзыс ыльбтісны. Педёр Генъ сетчыліс жö
водзвыв, но бара на эз воськовт. Виж... гёрд... Гёрд... Бара на позьö лолышты...
«Турунвиж, сё лешакö, бара нö тай турунвиж...» Педёр Генъ перийис клет-
каа пинжак зепсис сөстöмкодь на клеткаа жö рузумтор, пöрччис кыз кытша
öчкисö, да зэв öкуратнöя чышкаліс стеклöяссö, видзöдліс шонділаныыс да нöшта
на чышкаліс. Сэсся дыркодь тапкодіс рузума кинас плешсö, косытіс чепöсйом
пöсисö. Йöзыс бара ыльбтісны туй вомоныс. Генъ бöрынтьчис, видзöдліс гöгробок,
да мышинас ляскысис туйбокса пүö. «Мый нö тайö... коркó тайö тайö котёрён
вуджлывлі, да ешö на машина ныр уwtі лэбыштлам вәлі... Көтү эськö, шуам,
сэки машинаыд и эз та мында вөв... Вай, Педёр Генъ, эн дур, тэнö öд виччысö-
ны...» Генъ лоöсöдыштіс киняулас шахмат пöвсö, ордчис пыкöдсис да ма-
тыстчис туй дорышас...

...Шондіыс пырис синкым улас, мый вынсыс гильбдіс, но синмыс мыйлакö
эз воссы. Генъ кöсийис вörззыны, но ни öтарö, ни мёдарö эз жö артмы...

– Но мый нö, садьмин?

Гёлöсис вәлі тöйтöм, да Генъ эз шыась. Да эськö и кöсийис кö, эз вермы.
Кывыйис быттьö изильбома. «Мый нö тайö?» – бара кöдзыд пöсис чепöсийис Генъён
плеш вылас. Но ни чышкыны, ни малыштын плешсö Генъ эз жö вермы. Ки ни
кок эз кывзысны талун кöзляинсö, а ачыс Генъ куйліс больнича койка вылын.

– Садьмомыд, аддза...

Генълён кывыйыс сьёкыд изкиён бергёдчис жо:

– Коні ме?

– Коні, коні... Больничаын... Кытчо нö сэсся тіянöс вайёдасны... – дöзмөмөн вочавидзис тöдтöм гölöс. Да сэсся лёкысь содтіс: – Ме кö эсько, туйбокса канаваас и сюи тi коддьомсö... Укол вочав тіян да, перевязкаяс да... – тöдтöм гölöс другысь ёсъмис да пырис Генълы кытчöкö лядъвеяс.

Гень кыліс на, кызды сiйö кодкöдкö меліджыка нин варовитыштіс, кыліс öдзös тупкыссыöм, а сэсся вежöрыс кытчöкö бара исковтіс.

Лун кык-куим коли вемёса-вöта костын. Генъös пальöдліс лядъвеяс ёся бытшакалöмыс, а сэсся сiйö жо и ланьтöдліс.

Тi верманныд юавны, коді сэтшöм Педёр Генъыс, медым сы йылысь гижны дзонь гижöд. Збыль, колö пырысь-пыр тöдчöдны, мый Педёр Генъ абу кутшöмкö ыджыд морт, сiйöс олом быдыс ни öтчыд эз петкöдлыны телевизор пыр, и ни öтчыд сылён керка дорö эз сувтлы пемдöдöм öшиньяса ыджыд машина, медым пуксöдны Генъös небыд пытшкöсас да нүöдны дзирадана олёмö. Эз вöвны сылён оломуын и кутшöмкö подвигъяс... Оліс Генъ ассыс олёмсö ветымын кык во чöж да öнi тай со веськаліс машина уло... Бörъя вояссö радейтіс Генъ ветлöдлыны аслас клеткаа пинжакнас, а сы улын век тыдаліс кельыдлöз дöрöm воротник, да пемыдлöз галстук... Чужöмыс век сöстöма бритöма. Но, шуам, пошти век...

– Но мый, Геннадий Фёдорович, кызды тіян здрöвьеыд, – öти асылö кыліс Генъ мужичöй гölöс, а сэсся и, синъяссö сьёкыда восытiг, аддзис сылён крöватьлань матыстчысь олöма нин, неыджыд тушаа, кельыдлöз калата мортöс. Врач кытшовтöма нин палатын куйлыссыясöс, да медбöрын сувтіс Генъ дорö.

– Б-б-у-р, – эз öтпирой шед Генълён гölöссыс.

– Но, бур кö, и зэв бур. Шойчöй, бурдöдчöй...

– Ме эг мудз, – виччыссытöма артмис Генълён да уна кывсö öтпирой шуöмыс весиг кызöктöдіс.

– Х-х, – сероктыштіс Генъös сёрнитöдись да содтіс: – Неуна ковмас шойчыштны.

– А-а-а, мый лои?

– О-о-о, – нюжöдыштіс мужичöй, сэсся мыйкö öдва кывмөн шуис орччöн сула-лыс медсестралы, тапнитіс Генъös эшкыналöм коктыйс, да петіс.

– Тіян коді эм гортаныд? Колö юörtны, мый тi танi, – Генълы тöдса нин гölöс вöлөм ар кызь вита, вырезнöй чужöма, ыджыдкөд тушаа нылён. Генъ видзöдіс тöдтöм чужöм вылö, да быттьö эз кыв юалöмсö.

– Коді, мися, гортаныд эм?

– Гортын?.. Кань...

– Шутитанныд... сiдзкö, ловъяös... – да бара нин дöзмөмөн содтіс.– Гортса-яссыыд коді эм?

– Ме тай шуи, кань...

– Но, но, шутитöй, – ныv шурс бергёдчис коклябор вылас да вешийис Генълён крöвать дорысь. Генъ бергöдліс жо эсько юрсо сы бörся, да сыліыс эз лэдз, сöмын син бöжнас и колльöдіс.

Нэмсö Генъ оліс гöтыртöгыд, да кольём сёрни нин тайё, а вот мича нывтö синйынытö быттьö окота жо. Кöть эсько лёкинник синъяснад мый нин и аддзан. Но ныv регыдöн и вошис Генълён синмаланiн улыссы, да Генъ бара сатшиc синсö

еджыд пётёлөкас. Пётёлөкыс мыйлакö заводитіс кывтны син водзас. И другыс Гень гёёрвоис, мый бёрдö. Оз весиг бёрд, бёрдлывліс сійö сёмын ёна нин юлывлём бöрын, кор синваыд, став йöсö да асьтö жалитig, ачыс шорён ыльгö, а онi прöстö син гуранъясыс тырёмаöс вайон, да тайö вайс мыйлакö уна рöма, быттьёкö öшкамöшкä. Врачыслон тайö «о-о-о»-ыс, а медсясö нин Геннадий Фёдоровичён ыдждöдлöмис нормöдіс Педёр Геньёс. И тайö Геннадий Фёдоровичалöмис зэв тöдса да... дона. Но гудыр вежöрыс эз öтпирё лэдз мёвпъяссö талунъя-тöрытъясыс водзёджык...

— Кылан, сосед, куритöд...

Гень пыркнитіс синъяс вывсыыс чукöрмöм васö да аддзис аслас крёвать дöрыс прамёя тошкассьöм, сынавтöм юрсия мужичöйöс, öти кокыс сылён вöлi мыйлакö дженыыдджык. Да тайö ёна шензьёдіс дзикöдз на ас садяс вотом Геньёс:

— Кокыд нö...

— А мый кокыд,— бритчытöм мужичöй чорыдджыка мыджисс öти кöстыль вылас, мёднас тошкöдыштіс дженыыд кок помас.— Нога благополучно скончалась. Куритöд, мися... Пель пыктис...

— А-а-а,— Гень быттьё сёмын кыліс мужичöйöс, синъясыс век на вöлiны дженыыдджык кок помас.— Ог курит.

— Он кур-и-и-т? — зэв нин эсқытöма да жальпырыс нюжöдіс мужичöй да, Гень вылö ковтöмтор вылö моз видзöдлiг, вешийис крёвать дöрсис.

— Кылан, э-э, кыдз тэнö,— сувтöдіс Гень вешийис мужичöйöс.— Кутшöм талун лун?

— Четверг,— шыбитіс сувтлытöг кöстыля мужик.

— Четв-e-рг???

— Четверг,— тувиыштіс бритчытöм мужик да кок пöв вылас чеччалiг, чолсийис водзö, крёватьланыыс.

— Понедельник вöлi да...

— Ах-ха-ха,— вом тырнас серöктіс кöстыля мужик, да бёр бергöдчис Геньлань.

— Понедельниксо бура, тыдалö, виччысöмыд... Татчö тай вайöдісны да, муртса эг пöд...

— Мыйыс? — Гень зэв збыльыс чуймис.

— Мыйыс, мыйыс... Зэв чöсқыд кörön övtin да...

— А-а-а,— нюжöдыштіс Гень да ланьтіс. Сэсся другыс бара чепöсийис:

— А очкий менам кöн? Очкий? Сэтшöм... ыджыд... кыз кытша...

— Татчö тай очкитöг вайöдісны-а.

— Кыдзи очкитöг? — Геньлон бара плеш тырыс чепöсийис пöсъ.— Кён либо очкий?

— А мый тан тэныд сыыс. Сейигад паньтö нырад кö он сюй-и,— гылыда серöктіс мужичöй, буракö, аслыс шуöмис ёна кажитчис да сэсся содтис.— Да тэнö öд тані паньёдасны. Но вай тэ куйлы, а менем куритчан колö корсыны.— Сэсся Гень вылö видзöдлlyтöг нин веськöдчис палата öдзöслань да петис. Гень думсыыс нетшытчыліс бöрсянныс, мыйкö юавны ли шуны на кöсийис, но гырк пытшкöсис друг гудыртіс, да бród ва бёр лэдзчысис вольпась вылас.

Здук-мёд мысти Гень сёкыда бергöдыштіс юрсö орчча крёватьсян куйлыс том зонлань да коставлёмён шыасис:

— Извинитöй, ог тöд... кыдз тiянöс шуёны... корой, пöжалуйста... врачöс.

Том зон вичысътёмысла весиг ләптысыштліс вольпась вылас, чуймөмён видзёдліс Генъён вўйём синъяс, тошкассыём чужём вылёр, быттьё эз эски, мый тайё мортыс вермё тадзи сёрнитны, да полёмпырысь шуис:

– Крёвать бокас эм кнопка, сийён позъё корны.– Сэсся аслызмоз шуис: – А. Да-да, – да зэв ёдйё ачыс личкис кадысла рудёдмём кнопка вылёр да, кытчодз котёрён эз пыр медсестра, эз и вешты чуньсö.

– Ти йойминныд ли мый? Мый сэтшома тринъганныд? Мый лои?

– Тайё ме. Меным колё врач, – чорыда шуис Гень.

– Мый лои? – чорыда жё юаліс медсестра.

– Меным колё врач, – дзик сідзи жё мёдпöвъётіс Гень.

– Ме юала, мый лои? – медсестралён гёлөсөс кыпавны мёдіс.

– Меным колё врач, – эз ләдзчысь и Гень.

– Сийё занят.

– Меным... колё... врач.

– Занят сийё.

– А меным! колё!

– Простмас да локтас! – крапкис медбörын медсестра да шуркнитіс-петіс палатаысь.

Мужикъяс палатаын лёнисты. Ставлён юрыс бергёдома Генълань. Том морт бара ләптысыштіс, көсійис мыйкё шуны, но сэсся бёр ләдзчысис. А Гень видзёдіс весьқыда палата ѡдзёслань.

– Геннадий Фёдорович, мый нё зычитанныд? – ѡдзёссö восьтіг на и шыасис врач.

Гень сьёкыда ышлолаліс. Пырысь матыстчис Гень вольпась дорё да мёдыс кывлысис:

– Мый лои, Геннадий Фёдорович?

Генъён лолыс кыськё шеді жё, да нёштаысь пыдісянъ лолыштөмён шыасис.– Извинитой... от тёд... кыдзи тіянös шуёны...

– Иван Петрович.

– Иван Петрович... висъталой меным... пожалуйста... кор ме татчо веськалі, менам вёлі очки?

– Очки? – чуймискодь Иван Петрович.

– Да, очки. Гёгрёс. Кыз пластмасса оправаа.

– Эз, – здук мысти вочавидзис Иван Петрович.

– Но кыдзи нё эз? Кор ме асывнас петі, ме бура помнита, менам вёлі пёшти выль на очки. Коні сийё?

– Геннадий Фёдорович, татшом аварияю веськалём борын бур мый асыныд ловъяюсь колинныд.

– Иван Петрович, ті нином он гёгрвоой, – быттьё эз кыв врачос Гень, – меным очкитогыс некыдз оз позъ. Меным очкитогыс... Меным...

– Ме шулі нин, мый, мися, тан очкисыс, паньтö нырад он кё сюй-и, – сюйис сёрнио кок пёла мужичой, удитома нин öти кокнас бёр воны палатаас, матыстчис Гень крёвать дорё, паркнитіс табак дукён.

– Тіянös оз юавны! – орёдіс сёрнитисьсö Гень.

Мужичой зывёкпрысь, мый пё и ышнясью, чөвтліс синъяссö Гень вылёр, да көсійис вешийны. А Генъён другысь ыльйтіс:

— Мый ті быдлао суитчанныйд? Мый ті гёгёрвоаннныйд? — кыськё и гёлөсүс шедіс, и юрыс лібыштіс, и быттьё весиг синъясыс югзыыштісны.— Мый? Метіянлысь юала, мый? Қыдзи ті оланныйд?! Видзёдлой ас выланыйд!!! Ошъяс моз пемызд гуын туплясянныд, югыдсо он аддзё... — Генъ шыбитчис юрлөс вылас, чужомыс юр гёгёрса бинтъяс кодь жо кельыид, морёсүс гудёкён пасъкалё-векнялёт. Кок пёла мужик татшомторсыйд быттьё измис сулаланінас.

— Ноко,— медсестралён гёлөсүс важ дорысь ёна чорыд, кор и удитома пырныс, шыбитіс Генъ вылысь эшкынсö, эрдöдіс веськыд лядьвейсö, сатшкис укол, лёссоңдыштіс шайга коксо да бёр вевттис эшкыннас.

Некод весиг кыв шуны ээз уdit. Генъ на эськё бара заводитліс.— Мыйла нö тадзи...— но гудёкасысь морёсүс воляникись лёнис, юрыс сьёттаммис и сёмын на поёся сёрнитис суркнитчис-унмовсис.

— Ирина,— медсестра дорё шыёдчис Иван Петрович. — Мед узяс мыйта узяс, некутшом процедура оз ков. Кор садымас, корой менё. Ме талун дежурной, лоатані. А ті,— шыёдчис врач көстүльяс вылас мыджсөмён сулалысь мужик дорё.— И збыль быдлао эн суитчой.

Мёдис мыйкё на кёсийис вочавидзны, весиг вомсö нин восьтыліс, но врач коса чөйтіс «Аддзысылыттöдз» да петіс.

Палатаис петём бёрын врач пырис аслас кабинетö, пуксис пызан саяс, восьтіс Генълысь карточкасö, да дыр мыйкё видзёдіс ас кинас жо гижалём шыпасъясö. Иван Петрович, дерт, тёдіс, мый дыр бөръясын, а тайё мортыс, буракö, оз первой лун ю, татшомыс овлывлö, кор мортыс нинём абусыс вермö вывті ыззыны, но Генълон кывъясыс мыйлакö йиджисны Иван Петровичлы, и сийё дыркодь пукаліс пызан саяс, листаліс Генълысь вөснүйдик на карточкасö, быттьё сәтысь кёсийис корсыны кутшомкё вочакыв. Медбёрын босьтіс телепон трубка да кытчоқё звөнитіс...

Палатаса мужикъяс шызисны жо.

— Вот тайё да,— шедіс жо медбёрын гёлөсүс кок пёла мужиклён, но Ирина-лысь скёр синъяс аддзём бёрын зээв ёдйо ланьтіс. Чорыд гёлёса медсестра нöштасыс синийис палатаын куйлысь мужичойясöс да петіс жо.

Палатаын кутшомкё кад сулаліс чуналана лöнь. Сэсся мужикъяс, коді волі киа-кока, гусьоник, мед оз дзуркнит крёватьыс, чеччалісны да, ота-мёд бөрся матыстчалісны Генълон крёвать дорё. Видзёдісны быттьё кутшомкё аддзывтöм звер вылö, узысылён кельдём чужом вылö, быгзыём вомкотш вылö. Сэсся кок пёла мужик бара на кайтыштіс:

— Вот тайё да...— сэсся лёссоңдыштіс киняулас көстүльсö да чоткыльтіс аслас крёватьлань.

— Тайё, тыдалё, абу тыр сюсь...

— Мыйла нö ті сідзи морт йывсыыс,— кывлысис том зон, код дорё онтай шыёдчыліс Генъ. — Ti од онё тёдой, мый мортыскöд овлö.

— Тэ уна тёдан,— вомаліс сёрнитисыс бара жо сийё кок пёла мужикыс, пуксюма нин крёвать вылас да мыйкё лукйысö аслас тумбочкиын. Недыр мысyt перийис сәтысь кутшомкё кизь да сюйис вомас. Сэсся скёрра тувыйштіс.— Овлö мыйкё тайёискöд. Сіт петмёныс юасны да сэсся вощласьёны...

— Ti кутшомкё... скёрөсь,— ээз отпрысысөн сюр вочакывыйс том зонлы, да сэсся сийё быттьё кёсийтог содтіс.— Юрсинытö көть сыныштінныд да бритчинныд.

— Тә мёдз эн во! — бара пузис кок пёлалыд. Съёкыда чеччис пукаланінсыс да мёддочис том зонлань.— Юрсиёй меным сылы оз қажитчы... бритчытём... Метэкёд окасыны ог кёсай. Да... Ме... ме... тёдан кё, удж вылын дойми, цехын, а эг этайё моз машина улё пыр код юрён... Олёмсо он гётёрвой, — Генёс нерёмён читкыльтчис мужик да сылань бергётчомён и кайтыштіс. — Тә уна гётёрвоан. Эн небось аддзыв съёкыд уджсö, эн, небось, тёдлы... — сэсся дзикёдз ыzzис, гёлосыс кыпаліс, да весиг Гень быттьё неуна ымёстіс.

— Лёнь, лёнь,— суалысьяс пысыс кодкё олыштіс кинас кок пёлалы.— Садьмас...

— Оз,— ыzzыма на вочавидзис мужичой, но век жё, Гень вылё видзёдліг, лёнис да, көстыльнас скёра тотшкиг, бёр вешайис аслас крёвать дорё. Сы борся раздёчинсы и мукодъяс.

Недыр ноксёом бёрын мужичойяс паськёдчинсы асланыс крёватьяс вылё да регыд палата тыри уна сикас ныргорён. Сомын кок пёла мужик некыдз эз вермы лоcьбодны ассыс абутём коксö, да дыр на дзуртіс...

— А помнитанныд, ёртъяс, Пушкинён юбилей волі,— рytланыс друг кыліс Генълён гёлөс. Мужичойяс, коді пукса, коді водса, сізд и кынмисны. Быттьё оні на синмыс куньса волі. Мый бара лоё-а? А Гень водзё: — Он помнитой? Кыксё во тай волі. — Гень кытшовтіс синнас мужикъясöс.— Александр Сергеевич Пушкинён... ыджыд роч поэтлон... волі юбилей,— ичот челядьлы моз, кывиён-кывиён висьталіс Генъ.— Кыксё во. Волі ыджыд, Россия пасыта, праздник. Помнитанныд? — Мужикъяс пысыс некод кыв оз лэдз. А Генъ, укол борад шойччома, зев бодер, кывиыс кокния петё, сомын шурсий-висьтало водзё.— Так вот. Месій жё луннас пасий ассыым юбилей — ветымын арёс. Страна, дерт, эз казяв тайё событиесö, скромнойджыка лои пасийма. Сем Вань воліс. Кык пиво дозюим, да сэсся Пиля Петыр «три топора» вайис. А оргкомитетсö по организации юбилея возглавиті ме ачым.— Гень бара гётёртіс синнас мужикъясöс да гораа серёктіс.

Палатаса мужикъяс видзёдлісны ёта-мёд вылас, сэсся Гень вылё, да серёктыштісны жё, Пушкин юбилей вылё ли, Генълён йой вылё ли — код тёдас.

— Сё ветымын во миян костын, ме да Пушкин костын, а мый историялы сё ветымын во? Сідз, бустор. Мый вежсис тайё сё ветымын вонас миян Россияны? Мый? — Ставён лёньёс, Генёс быттьё некод эз кыв. А Гень оз ѿвсы.— Дерт, мыйкё и вежсис, да унатор на и вежсис, но бара жё думыштлыны кё... — Генълы кывзысыд быттьё оз и ков. Сатшома синъяссö пётёлөккас, да сэтысь быттьё и лыддьё. Ачыс оз вёрзыв ні.— Сэксся Россияны көтү Пушкин коды мортсö пыдди пуктісны, весиг великий государь сыйсыс поліс, да сійён и матыстіс ас дорас, мед, кыдз шуласны, контроль улын волі. А оні кодысь полёны миян саръяс?... — здук-мёд кежлө палатын кыліс сомын пётёлөкса лампаяслон дзижгём. Сэсся Гень бара нүодіс водзё.— Но тайё, кыдз шуласны, мелочи, а главнойыс, главнойыс эз и вежсы — кыдз волі Россия пемыд, сідзи и коли... И некутшом Пушкинъяс сылы оз ковны... — бара заводитіс ыzzыны Генъ, а кок пёла мужик гусьённик вйтіс стенас чурвидзыс кнопкасö...

Регыд и пырис врач. Матыстіс Гень крёвать дорё да пуксыштіс помас. Здук-мёд кыкнанныс чёв олісны. Гень виччысътomyсла эз куж нинём шуны, а

Иван Петрович кыліс Генълысь бёръя кывъяссö да эз жё тöд, колö-ö водзö нуöдны тайö сёрнисö... Да кытчö вайöдас татшöм сяма сёрниыс. Сэсся шуис:

- Медсестра норасис, он по висыталой, коди гортаныд эм. Колоö од юörtны, мый ти танйöс.
- Кань... – шемёса на вочавидзис Генъ. Сэсся быттьö ас выяс воыштис да содтис.– Некод менам абу. Сирёта. Социально-общественной сирёта.

– А карас танi? Карас од ти код дорö кö волинныд? Колоö, налы колоюörtны.

– Танi? Танитö, дерт, эм... Да, – ольштис думсыыс кинас Генъ, – некод менё танi оз корсы ни оз виччысы... Ме важся шахматист другъяс дорö волi, да...

– Мый? Некодöс эн аддзöй?

– Аддзи... Да партияыс ворстом коли.

– Мыйлакö?

– Мыйла? – Генъ ланьтис, быттьö корсис ас пытшсыыс вочакыв врачлон юалём вылö.– Мыйла? А нинём йылысь миян сёрнитнысö... И шахмат йылысь некод оз нин и помнит.

– Сiдзкö, тi радейтанныд шахматасыны?

– Шахматасыны?! Кыдзи тi шуинныд – шахматасыны? – друг ыzzис Генъ да здук мысти зэв кыпыда содтис:

– Ме шахматист!

Иван Петрович кутшöмкö кад чёв олiс. Мужикъяс эз жё шыасыны. Сэсся врач сюся видзöдлiс куйлысь вылö да шуис:

– А вай ми тiянкöд, Геннадий Фёдорович, коркö партия сайö пуксылам.

– Ti... тшöтиш шахматист? – югзисны синъясыс Генълён.

– Но, тайö, гашкö, вывтiджык лоö шуёма, но... фигураяслысь ветлан туйяссö тöда.

– А вай коркö... прöст кадö... – шуис Генъ да ачыс первойён гораа и серёктис.– Менам öni прöст кадыд... Сöмын вот киястöгыд...

– Киясыд тiян абу ёна доймёма, но кутшöмкö кад гипсын видзыштны ковмас. А вай ме тiянлён киясöн лоа, – тшöтиш ыzzис Иван Петрович да быттьö весиг вунöдiс, мыйла локтis висысьдорö.– Тi куттанныд висыставны ходсö, а ме вештавны фигураяссö. Менам гортын весиг часi эм.

– Эм? Вот тайö да! Иван Петрович, а вай аски и ворсам. А? Ворсам?! – Генъ став тушанас вörзис эшкын улас. Сэсся ойöстис да лöняджык нин шуис.– А очкий менам?... Очкитöгыд ме шахматной мирсö ог аддзы.

– Лоас, лоас тiян очки, – лöньёдiс ыzzьём висысьсö Иван Петрович.– Аски локтас окулист, видзöдлас, колоö, сылён сьёрсыыс и лоас тiянлы лöсялана очкийс.

– Аски? – радысла Генъ бара вörзыштис.– Сöмын менам синмыд од зэв лёк.

– Видзöдлас, бёръяс. Сылён уна пöлöс очки сьёррас овлывлö. Сöмын вештисыны, дерт, ковмас.

– Вештисыны... – Генъ думыштчис да сэсся ас кежсыыс моз кутис лыддьöдлыны.– Сем Ваньлы пейсят, Наста баблы сто двадцать, Ольшлы тридцать, магазинö... Но тырмас, гашкö, пенсияö... Иван Петрович, вай аски очкий кö лоас, аски жö и ворсам. А сэсся ме гижа гортö, пошта вылö, да мед меным татчö и ыстасны пенсияöс.

– Но вай видзöдлам, кыдзи аскиыс пуксяс, – эз öткажит Иван Петрович.– А öni

шойччой. Тіян организмыд ёна slab, коло шойччыны, – содтіс врач да нюммуніс.– Ворссянныд ёд.– Сәсся бара на тапнитіс Геньёс эшқиналём коктіыс да петіс.

– Тайё лоö матч сезона! – врачлён петём бўрын зэв долыда кытчёк пётолёкас шуис Гень.

Мужикъяс пиысъ некод эз шыась. Сөмын орчча крёватьсяса том зон полёмпрысыс юаліс:

– А мый, ті збыль шахматист?

– А мый, он эски? Час, волас асқиа луныс... – Генълён гёлөсъыс кыпаліс, сійо быттыö пукаліс нин шахмат дёска сайын да думсыыс вешталіс фигураяс.

– А кыдзи нё эсійоыд? – зон ләптіс кисё голя дорас, Гень ордийис:

– Эсійоыд? – Гень көсійис тшотш тшолкнитны чуньнас голяас, но бара на нином эз артмы. Тракнитіс юрнас да содтіс.– Опыт не пропьёшь. Но кутшом молодеч вўлома Иван Петровичыд. Шахматист.

Гень, зэв долыд съёлёма, синъяссö куньомён куйліс аслас вольпась вылас, да сылы быттыö некутшом мог эз ло палатаын куйлысьяс дорёдз, да весиг ѡнтая кок пёла мужиксö вўлі дась простины сылон олёмö сүитчомысъ. «Но, кутшом молодеч Иван Петрович. Аттö, коло жо локны карёдз, веськавны больничай, да тані аддзыны шахматён ворсысьёс...»

Гень, дерт, эз чайт, мый збыль вылас Иван Петрович унджыксо Гень висътлёмись тёдіс нин, ѡнтай нин сійо тшоқтыліс йитчыны бурдёдчанінкод сійо сиктас, кён оліс Гень, да сылы бура унатор висъталісны. И шахмат висъём ыывсыс тшотш. Но Иван Петровичлы, коты и бурдёдчис сійо эз нин этша, татшом висъысьясыд зэ-эв гежёда веськавлісны, и сылы лои окота аслыс сёрнитыштыны сыкёд. И ѡні врачлён пытшкёсас быттыö вўрзис кутшомкё йортёд, сійо быттыö аддзис асьсо томнас, велёдчигас, кор татшом жо ёдйо ызвыліс, радейтліс пося сёрнитны. Да и бўрнасджык, уджалігас нин, эз другысъён сійо ло мёдджык мортён. Иван Петровичлы лои сэтшом окота кыдзё отсавны тайё мортыслы. И сійо бара кутчысис телепон трубкаю.

А Генълён рытыс ёнакодь нюжаліс. Первой сійо юрас бергёдліс кымынкө ворсан ног. Мый-мый, а вот шахмат партиястö сійо помнитіс бура. Коді кодкод ворсліс, кутшом воын, кутшом ногён. Эз ёд прости ассыыс ичотик жырсö том-дырсяныс тырт шахмат ылысья небогъясон. Оні эсъко мукоддышрииыс, кор дзик нин топодлас пёкмелляыс, и рад кодлыкё вузавны коты ѿти небог, да вот ньюбысыс ньютчыд на эз сюрлы. Кык мужик и вўлі сиктас, кодъяскод позъё вўлі пуксыывны шахмат дёска сайё да, стопкаяс пёрлодліг, коллявны рытъяс. Коты эсъко выйті бура найё эз ворсны, но Генълы ковмыліс такод мириччыны. Асқодыд ёд он ворс. А Генълы шахматыс висъём кодь. Көсйиліс воча чойыслыс ныивсö «висъмёдны» шахматнас, да чойыс эз тшоқты, вётломён вётлывліс гортсыыс, суас кё вўлі нылыскод еджыда-съода поёв саяс... Сійон и карас думыштіс волыны, важся ёртъясыскод вочаасыны да съёлём бурмытёдз «тышкасыны». Но со кыдзи тай артмис... Гень рытывбыд бергёдліс юрас быдсяма мёвпъяссö. Мёвпъясыс бергалісны съёкыда, быттыö сімём изки...

Палатаын мужикъяс негораа сёрнитісны ас костаныс, Геньёс эз вўрёдны. Сөмын орччон куйлысь зон корсюр чётлывліс синъяссö Гень вылёр, но эз жо кывлысь.

Коркё вайлісны сёян, да Гень откаждитчис. Сестравыс эз жо ёна и вўзый,

тыдалё, силы абу жё ёна окота пань помысь паньёдны тайё гёгёрвотём мүжиксө. Одйоктэ и чукортіс вайом сёянсö да петіс палатасты.

Сэсся Генъён мёвпъясыс заводитісны гудрасьны. То силы кажитчис, мый сій мамыслон на кынёмын первойсь воис сій сиктас, кёні став олём-вылёмис и каттысис-муніс. Гень мыйлакö зэв ясыда, көть и мамыс кынёмсянъ, кыліс, кыздзі керкәö пырём борын мамыслон чойясыс ланьтісны мыйлакö... Узян уколсо вращыс, буракö, дугдома. Кутшомкó укол тай эсько бытшлодлісны на, дойсö лёньёдьссь, буракö. А збыль, кутшомкó ыджыд дой Гень эз кыв. Сомын зэв окота волі чеччыны казенной вольпась вывсыс да кытчоö мунны. А кытчо, Гень и ачыс бура эз гёгёрво... Быдмыштём борас тёдмаліс, мый мамыс пукало ма... Мый мамыс вочома мыйкó зэв лёкттор. А кутшом лёкттор вермис вочны силён мамыс, силён шань, мелі кияса мамыс, Гень онёдз на эз вермы гёгёрвоны. Ачыс мамыс ёнасö та йыллыс сёрнитны эз радейт, а сиктасяс эз жё ёна казтывлыны сій кадъяссö. Кывсыліс жё тай, пуксьёдлёмайс поекарняясь пызы вошом вёсна, а збыль-ö волём делайс, кыздзі вошома пызыыс, некод прамоясö эз тёд, а сәкся следствиевидлы öд кодбскö кё пуксьёдлёмайс и, ладнö... Конкё сэні и көвъялому мамыс öтка писё, да ыджыд кынёмён нин и воис гортас. Сәксянъ тайё ичотик сиктыс и лои Генълы и горт пыдди, и ыджыд мир пыдди. А, збыль, быттьö некытчо абу и ветлышсюма... тані и олымыс кольёма. А збыль вылас öд вит во чёж Гень оліс карын, велодчис университетын, зэв на бура и велодчис, гёрд диплом эсько эз босыт, но и «три»-яс дипломас эз жё вовны... Дыр тадз шойтіс мёвпъяснас Гень, но сэсся бара воис локтан шахмат партия дорö. Мый нин вермас вөзйыны силы тайё олома мортыс, кыздзі сій кутас тәчны ворсомсö...

— Дыр нин юанныд, Геннадий Фёдорович?

Гень некутшома нин эз думайт тарыт бара на аддзысыны врачкод да шойбовиши виччыситомысла да юаломысла. Да весиг нином шунысö первойсö эз куж. Сэсся пыркнитіс юрнас да серам сорён вочавидзис:

— Тані тай мый дыра куйла, да некод на эз кисытлы.

— Таёдз дыр-ö юинныд?

— А мый дырсö? — Гень мыйкó думыштчис, быттьö лыддис думсыс. Силы, веськыда кё шуны, ньёти эз вов окота водзö нүйдны тайё сёрнис. Но врач матыстчис Гень вольпась дорö да лёня виччысис, и Генълы бытть лои вочавидзны.— Во кызы сайын первойсь юи, а сэсся пёкмеляйтча,— да сэсся гылыда сероктіс.

— Гажа ті морт, Геннадий Фёдорович.

— А мый меным шогсынысö,— куйлысылён синъясыс дзирдыштісны. — Куйла со, югыд, шоныд, пес ни ва пыртны оз ков, вердёны... Сомын дыр-ö татшом шудыс менам лоö?

— Татшом шудыд, зонмё, эсько мед эз и вов да. — Зэв серьеңнөя вочавидзис Иван Петрович да содтіс.— А куйлыштны ковмас. Кокыд тай доймома ёнакодь... Гашкё, и операцияёдз воас. Видзодлам...

— Операция? — эсқитома юаліс Гень да сэсся другыс мыйлакö гажаа сероктіс.— Сідзкё, ми лоам коллегаяс... Э-э,— думсыс кок пёла мужиклы городіс Гень.— Э-э, коллега...

Но кок пёла мужик куйліс вörзьёдчывтöг.

– Сідзкё, операция, – мёдысь шуис Гень. Здук-мёд чёв олём бёрын содтіс.– Но мый лоаналыс ло. Шахматнад ворсны кок оз ков... А сэні...

– Геннадий Фёдорович... – торкис Геньös врач.

– Иван Петрович, – быттьё эз и кыв врачös Гень, – ті вайинныд шахматтö? А, забыль, кёні менам пöйвой, менам öд сьорысь шахматыд вölі жö.

– Кызд шуласны, сы йылысь ковмас вунöдны... Кöть и пұысы вöвъясыд, а вот жугаломаöс жö...

– Сідзкё, тадзи, да?

Иван Петрович довкйöдлыштіс юрнас. Гень лöнис. Мыйкё дыра Иван Петрович моз жö довкйöдліс юрнас да сэсся бара на шуис:

– Сідзкё, тадзи... Но-но... Но мый, Иван Петрович, кутам сідзкё тіян шахматон ворсны, кызд шуласны, мортыдлон век эм запасной аэрором... Да, Иван Петрович?

– Шуим жö аски ворсны... – бурдöдчысь быттьё эз гöгöрво Геньлысь кывъяссö да ассыс водзö нүöдіс. Вештыштіс Геньлысь веськыд коксö, да пускис вольлась дорышас.– Ме со мыйла пыри бара. Ме аддза, ті тölка морт... колök, бурдом бöрад вöзъям тіянöс карса наркологияö? Кызди думайтанныд?

Тайö кывъяс бёрын Гень дзикöдз ланьтіс. Сійö некызд эз виччысь татшöмтор, кор сійö нин дасьтысис ыджыд ворсом дорö, да став онія сёрнисö лыддис дзик ковтöмөн, а тайö бöрбя кывъяссö дзик нин сконъялісны морттö, и та вöсна сійö и кöсийис эськö шмонь пыр дугöдны тайö сёрнисö.

Но Иван Петрович эз сетчи Геньлön шмонитöм улö. Сійö зэв зумыш чужöма пукаліс Геньлön вольлась вылын, и Геньлы бытъ ковмис дугöдчыны шмонысь.

– Иван Петрович, ме коркö лыдди, мый великой шахматистъясон по лöёны сöмын йöз, кодлон абу некутшöм вöля. Ме öд тöда, мый меись кындзи менö некод оз вермы бурдöдны, а ме... менам, честнöя кö шуны, некутшöм желанньё абу...

– Но мыйла?

– Ог кöсий.

– Но кыздзи... Овны колö садь юрён, сэки öд олöмыс югыдджыкön кажитчö...

– Эх, Иван Петрович, Иван Петрович... – Геньлön гöлöсас вölі мыйкё сэтшöмтор, мый Иван Петрович эз и куж мый шуныссö, вöрзыштіс крöвать помас, быттьё кöсийис чеччины, да сэсся бара на кывлысис:

– Ме ог тöд, кытысь ті тайöс лыддинныд, но ме тöда кымынкö зэв прамой шахматистöс, кодъяссö некызд оз позь шуны вöлятöм йöзöн.

– Сідзкё, найö абу талантливой шахматистъяс.

– Код тöдас, коді тайöс определяйтö.

Гень вочакыв пыдди лэптіс синъяссö пöтолёклань.

– Хм. Сідзтö эськö сідз, – сöглас лои Иван Петрович да неуна чöлалöм бёрын бара кывлысис.– А мортыс нö ачыс мый? Мортыс? Сы сайын нö мый?

– Мортыд слаб.

– Слаб? Шуёны тай, öкмисдас прöчент морт саяс, сöмын дасыс вылісянъ сетьсö.

Геньлы вölі сэтшöм окота горöдчыны: «Иван Петрович, вай ог та йылысь, аски öд миян шахмат партия, ме сэтшöм дыр сійöс виччыси, вай ого кутой торкны сійöс ковтöм сёрниясон», но сійö зэв бура гöгöрвоис, мый Иван Петрович абу Сем Вань, и сійöс сідз-тадзнад он бергöд. Сэки Гень здук-мёд чёв оліс, а сэсся бара на видліс бергöдны сёрнисö:

– Иван Петрович, кымын тіян арös?

– Менýм? – неуна чаймёмён юаліс врач да вочавидзис жё.– Квайтымын вит локтö.

– Ти шуда морт. А Россиянын по мужичойяслён олан кадыс ветымын сизим.

– Ме мый, выйті нин ола?

– Да олой мöд та мында. Менýм мöдтор окота тöдны – мыйла миян сиктын нелямын ароса мужикъясо биттö ытшкö кодкö.

– Геннадий Фёдорович, да, оломыс, дерт, ёна вежсис, ёна сьоктаммис, но, мед öд шулі нин – унатор и ас саяд. Вот тi...

– Менýм ветымын кык, сідзкö, коли овны вит во. Мыйкö дыра тайö вит восьыс тан вальмасынта, а сэсся кок пöвнам кыдзкö ѡстальнойсö нин чотікта...

– Ме тай шуи, мися, гашкö, ковмас, операция, а, колоk, и сідз артмас... – бара дугöдіс Геньёс врач да содтiс.– Геннадий Фёдорович, ме век жö вöзъя тіянлы прамёя думыштны миян сёрни йылсы. Позялнуныс менам тіянлы отсавны эм... Ме звöнитлі нин, тіянёс босътасны...

– Иван Петрович, вай эновтам тайö сёрнисö, тölкыс оз ло... Ме... Вай бурджык аски шахматнад ворсам...

– Ворсам, – дженыда шуис врач да сэсся биттö сöмын думыштöмтор вöзийис.– А вай, Геннадий Фёдорович, на спор. Ме кö ворсся, тіян ног мед лоас... Но а тi кö ворссянныд, ковмас ме ногён вöчны... А, Геннадий Фёдорович? Мый шуаныд?

– Видзöдлам... – эз жö кут сэсся пыксыны Гень.

– Но сідзкö, аскиöдз, – шуис Иван Петрович да палатаын мукöд куйлысьяслы юрнас довкнитöмён петiс.

Пыраліс медсестра, вöчаліс рытъя уколъяс да разöдіс лекарствояс. Генълы вичмис жö аслас пайыс. Медсестра петöм бöрын мужикъяс заводитісны лöсъöдчыны вой кежлö. Кодкö газетён гатшён водiс, кодкö палатаас вайöм дзоляник телевизор дорö лöсъöдчис. А Геньёс врачкöд сёрниыс бара на ыzzьöдіс. Мый нин эсько сiйö Генълыс важён нин пытшкö тувъялём мёвпъяссö бара кöсйö эрдöдны... Коркö, дерт, Гень татшöмасö эз ю... А школаас уджалiгöн весиг вомас эз босътлы... Збыльысьсö Гень неуна завидтiс сиктса мужичойяслы, кодъяс юыштасны, косясясны, а асқинас биттö нином абу вöлöма – бара водзö. Гень мукöддырыиыс сэтшöма кöсийис овны на ног, но сiйö тадзисö овны эз куж. Уна тöдись мортыдлы биттö век колiс тöдны нöшта на унджык, мыйкö гögöрвоны олёмсыс, кодкöдкö вензыштны, да кöть нин сьёлём пöтмён сёрнитыштны. А вензыштны, сёрнитыштны некодкöд. Ставöн сиктас олiсны ас олёмён, и Гень вылын пыр ёнджыка и ёнджыка сералiсны – кодкö гусьён, а кодкö и явö... Сэки Гень и заводитiс видлавны бутылка пыдостö... А сы бöрын кутшöмсюрö мужикъяскöд, кодъяс эз жö отдортны курыдтортö, да биттö эз ёна отдортны и Геньёс, кутiс тшöкыдджақи и тшöкыдджақи. И биттö збыль кокниджык лои... Кутшöм на спор, кодкöд тайö тölка биттö мортыс вöзйö сылы вензыны... Этша ли мый сiйö ачыс аскöдys вензылыс... Биттö Гень оз тöд, мый некутшöм вен сылы öni оз нин отсав. Сiйö мый вынсыс зiлис лишнöйис не палявлыны, мед сöмын важ мёвпъясыс бара оз пöдтыны, мед нин кыдзкö öдйöджык кольö луны... Дыр тадзи мёвпалiс сёстöммыштöм вежёрнас Гень, а сэсся телевизор горсö веitтиг бара шыасис:

— А кыланныйд, ёртъяс, — ачыс серёктіс. Садь юрнас ээз радейт Гень, кор сійөс кодкө аддзис шуштёмён. Век быттьё сылы медбура овсьё. Да бура унаён збыль сізді и чайтісны. — Кыланныйд?

Мужикъяс, кодъяс ээз на удитны ланьтны, бергёдчисны Генълань.

— Помнитанныйд, волі тай миян общество борьбы за трезвость. Сәки миян став грэздсö пыртісны тайо обществоас. Ставлы сетісны значокъяс. Ме тшотш кайи сельсоветö, кори татшом жö значоксö. Пысалі пинжак лацканö. Тöданыйд, кутшом волі приятнö: асывнас чеччан, юрыд висьё, пасъталан тайо пинжаксö, каян магазинö да зэв торжественнöя шуан: Ме председатель общества борьбы за трезвость, но юр сё равнö висьё. Сетасны ѡд волі... председательыдлы...

Мужикъяс серёктісны. А телевизор видзöдись олома нин мужичой видзöдліс экранö, сэсся вештіс синъяссö сэтысь да көсийис мыйкö шуны, но кок пола мужик кыпöдчыштіс места вывсыыс да зэв скöра шуис:

— Мый тэ бара нин сёран. Тэнйд ѡд сомын на шуисны, операция по ковмас, гашкö, вöчны, а тэ... бывган нином абусö...

— Ме тай шуи, коллегаяс, мися, лоам тіянкöд,— орёдіс сёрнитысьёс Гень.— Лои миян кык вылö кык кок.

Кок пола мужик сьольыштіс, бёр нюжöдчис крёвать вылас да бергёдчис стенланыыс. А олома мужичой нöröвитыштіс да бара на кывлысис:

— Миян волі жö, волі. Сомын миян мужикъяс некод ээз пыравны некутшом обществоö. Мый прöстö йöйтö песны...

— Но кыдзи нö,— торкис сійös Гень.— Миян странаын колö овны кыдз ставён, сэки...

— Тэ ли мый олан ставыс моз? — бергёдчис Генълань кок пола мужик.— Мися жö... Уджалан став прамой йöзыс моз кёнкö...

— О-о-о,— нюжöдыштіс Гень.— Да ти тай, зонъяс... Ме тöда, кыдзи колö овны миян странаын? Мунёны ставён мавзолей — колö мунны, пырёны ставён обществоясö — колö пырны, корёны бöйысъны — колö мунны. А кыдзи нö? Мöд ног ог позь.

— Оз жö ѡд сэсся ставён тадзи овны, — бара на кывлысис телевизор видзöдись мужичой.

— Оз,— согласитчис Гень.— Вот ме. Тöда, мый колö, тöда... А ог кёсйы. А тöданыйд мыйла?

— Вай синтö кунь да узь,— бара на зыртчыштіс кок пола мужик.

— Тöданыйд? — синнас весиг ээз лапнитлы Гень мужик шүём вылö да ассыыс водзö нүöдіс.— Мортлы колö аслыс нүöдны ассыыс визь, сомын сылы лöсялана олом визь. А оз... оз баля моз мунны сэтчö, кытчö ставён.

— Но,— татчö нин и ээз ло соглас телевизор видзöдись мужичой.— Дзик öтнаслы мортлы оз жö позь овны.

— А ме ог и шу, мый дзик öтнаслы... кöть эсъкё тайо абу жö лёк. Ме ог шу, мый дзик öтнаслы... но... — Гень недыр чöв усылі, сэсся бара на кутчысис сёрниö.— Ме уна та йылысь думайті. Да...— помавнысö Гень ээз удит — кок пола мужик бара на суйтчис:

— Ёна, кёнкö, ыджыд мёвпъяссыыд мудзин.

Гень чöвтліс синсö шуысь вылö, кёсийис скöрмыны, но сэсся ас кежсыыс дұмыштіс «а, ладнö, мед кызвö, ёна нин тай пысасьё»:

– Ыджыд не ыджыд, а ставыс аслам. Ме уна думайті, а мыйла, мися, миян странаас татшом оломуыс.

– Уджавнысöй ызысылы дыш лои, сийён и оломуыс татшом, – бара на тувыйштіс кок пöла мужик.– Тэ вот эсько эн ю, да этшаджык думайтін, сәки эсько и мортон волін.

– Вот, вот, – ыззис Гень.– Ti кö сэтшом тölкаöсь, висыталой, пожалуйста, меным, мыйла миян мөвпалысь морт некодлы оз ков? – Кок пöла мужик мыйкö көсийис шуны, но Гень эз сет.– Мыйла миян ставон долженось мыркны кутшомкö сбöд удж, мед сийös морт пыдди пуктисны...

Телевизор видзöдись мужичой сюся видзöдліс Гень вылö, сэсся ышловзис да шуис:

– Дзик уджтöгыд мортыдлы оз жö позь.

– Да öд ме тшöтш уджала, сöмын юрон... Мыйла тадзи? Мыйла? Морт оломуыс öд абу сöмын кынöм тыртöмын... Но некодлы мукöдтор оз ков. Вот и гудыртан юртö, мед не думайтын, мед нин извилинаясыд пöдасны винаас. Вот тадзи! – друг помаліс сёргисö Гень да видзöдліс палатаса суседъяс вылö. Кодсюрö нин, вöлём, ланьтöмаöсь, сöмын телевизор видзöдись олöма мужичой мыйкö ёна довкйöдліс юрнас да кок пöла мужик пукалö крöвать вылас. А орчча крöвать вылын куйлысь том зон тöгрöстчом синъясöн видзöдö Гень вылö.

– А тi мый он узьöй? Со тай ызысы узьöны, – шыасис Гень том морт дорö.– Узь вай, аски бара на ковмас овны, – сэсся пыдисянь ышловзис, бергöдис юрсö стенланыс да кунис синъяссö, но друг кылïс: – Мыйла ковмас? – да бöр бергöдис юрсö кывлысысылань.

Том морт став синнас видзöдіс Гень вылö да синъясас вöлі кутшомкö дзирадана чиръяс. Сийö казяліс, мый Гень кывзö сийös да нюöдіс водзö: – Мыйла ковмас? Ме эсько онi радпрысы чеччи водз асывнас, кор шондывыс сöмын на кöсий палаявны, босытi рytсяныс дасытöм чери кыян кöлүй, пажына ноптор да котртi миян ю дорö... Сэтшома гажой бырёма ставсыыс... Асывнас локтан ю дорö, руыс гыясöн ю вылас, быттöю юыс кыптöма да кык пöв ыджыдджақ лобома...

Гень кывзiс том зонмöс, и друг сылы мöдіс кажитчыны, мый сийö кывтö пыжöн. Аслас эсько Генълон некор пыж ни мотор эз вöвлы, да и мыйла сылы тайö зааралльыс, черитö кыйны томджыкнас вугыр шайтöн берегö на лäччывлiс-а, а онi нин важöн ва дорас весиг матöсö эз лäччыв. Во-мöд сайын гажа юрнас усylä ваас да, тöкötö эз пöд, петiс жö эсько кыздзö, ботинки пöвсö тай вавыс босытiс сöмын. А онi кытчöкö кывтö, быттöю куйлö пыж пыдöсас гатшöн да колльöдö синнас лäбись кымörторъяс... А кутшом вöлём кымörтäсыс аслыспöлöбöссы. Гень весиг чуймаліс, мыйла водзынсö сийö некор быттöю эз и аддзыв татшомторсö. А со öд кутшоммöс – кокниöс, кывтöны-лäбöны, оз, небось, миян моз уявны сьöдас...

Том зонлöн гöлöсис друг вошиc, и Гень палаяліс. Небыдик кымörтäяс разалiс-ны, Гень куйлiс аслас вольпасыын, а орчча вольпасыын сiдз жö куйлiс том зон.

– Да тi поэт, – дженеңыда шуис Гень.

– Абу, – яндысяна вочавидзис зон.– Прöстö ме ёна радайта миянлысъ вöрвасö, а нöшта... нöшта... – зон неуна ланьтлiс, тадзи ланьтлöны сэж, кор кöсийöны висыставны мыйкö дзебасаöс. Да сэсся пöшти шöпкöдiс. – Ме ёна радайта лыддьысыны.

– А мыйла гусьён висъталан?

– Да... – зон бара ланыліс, а сэсся ёдйокодь шуис.– Узьёны нин. Бара кутасны зыксыны.

– Лыддысыны – сійö бур, сомын колö тёдны мый лыддыны, мед юртö быдторнас не тыртны.

– Гёгёрвоа, – лёня вочавидзис зон.

Весьқыда кё шуны, Гень эсьkö и ачыс нин эз вывті эскы аслас кывъяслы, но мыйлакö тайö том зонмыслы волі окота эскыны, эскыны, мый тайö сөстöм на сиктса зонмыс, коді тшётшъяяссыс, тыдалö, гусьён, мед оз серам выв лэптыны, лыддысыö, вермас чегны олёмсö, вермас, и лоё Генъысь шудаён, и Гень дзик кёсийтöг друг вöйис:

– Тöдан, менам гортын эм сы мында книга, кызд öні шуёны, небög, да тайö абу кутшомсюрø книгаяс. Вай вöчам тадз. Тэ босыт менсым горта адресöс. Кызд шуёны менö, тöдан.

– Да, Геннадий Фёдорович.

– Вот, – соглас лои Гень.– А тэнад нимыд?

– Витя.

– А бурджык вöчам тадз. Вот, Витя, татыс тэ петан, бурак, меysыс водзджык. Тэ звöнитлывлы Иван Петровичлы, юась, кор менö лэдзасны, а сэсся локтан карас, и ми тэкод шутёвтлам миянö. Сета ме тэныд уна бур книга... Велöдчыны, Витя, колö... Велöдчытöм мортыд... – Гень бара гёгёрвоис, мый оз эскы аслас кывъяслы, пыдісянь ышловзис да дзик нин лёня помаліс.– А öні вай узям... Аски менам ыджыд лун.

Том зон мыйkö дыра вöрыштis на, сэсся, кылö, ланытis. А Генъён бара кысыкю юр вемсыс дзулькийны заводитiсны мёвпъяс... Университетсö помалём бöрын Генълыс некод ёнасö эз и юась – кыдзи да мый сійö думайтö, кыдзи да мый кёсий ассыс олёмсö тэчны. Кузь пызан сайын пукалыс комиssиялон, буракö, вочакывыйис дась нин волём – чургисны киас кабалатор – тадзи по, зонмö, тшöктö партия да государство – мун да уджав, сюй сиктса челядьлы юраныс тёдомлунъяс. А збыль вылас Гень ёнасö эз и мёвпавлы водзö вылö, тёдис öд гырысъджык ёртъяссянь – думайт эн думайт, сё равно кытчöк «сюясны». Генълы мойвиис аслас районас локны, эз сомын аслас сиктас-а. Мый сэсся? Öтuv вынтö он, небось, берт. Арнас кутшомсюрø кёлуй нопъяс тэчис, вылиас книгаяссö да шахмат пöвсö лöссыöдис да и шутёвтis «ыджыд олёмö»... Гень куйлiс аслас вольпасяс, а öшиң сайын лун и вой увгис-бувгис кар, кодлы некутшом мог эз вöв ни Генъöдз, ни палатаас мукöд куйлысъöдз... Воляникись Генъён мёвпъяс бара вуджисны том зонлён висътасьöмö, сylён сөстöм эскöмö... И друг Генъён син водзас быттьö ловъя сувтis Витялён астья ю вылын вуграсъомыс, и сылы бара мёдис кажитчыны, мый сійö кытвö пыжын, а юр весътас кымöрторъясыс сэтшом небыдöс, сэтшом кокниöс. Пыж лайкйöдлём улö Гень коркö и унмовис...

Асынвас палатаса олысъясöс садьмёдис гиля-голякылём. Гень восътis синъяссö да аддзис, кызд палата джодж шöрын сулалö кöрт ведра, а пемылдöз калата ныvbaba зэв шурыда олалö ветека швабраён. Мукöд куйлысъяслыс крёвать увъяс мысъкалём бöрын коркö и матыстчис Гень крёвать дорö. Сувтöдис швабрасö крёвать юр дорас, шлопкис-ветлiс ведраысла, сэсся ветексö кык-куимысъ ваас

сюйлём бёрын, бара пысаліс швабра вылас. Генъ лёня видзёдіс ныvbабалён ноксьём вылёр, а сэсся юаліс:

- Мый нö талун асывводзяныс гольёдчанныд?
- Мый, мый? Прöверка по локтö.
- Мый нин тан прöверяйтнысö?
- Мый, мый, – бара дёжналіс Генъёс мыськасьысь да сэсся дёзмомпрырысь содтіс.– Видзёдлёны, оз-о вывті тіянөс тані лечитны.
- А Иван Петрович кёні?
- Ог тöд, меным начальство оз докладывайт.
- Оз, дерт, – миричана шуис Генъ.– Пыравны тай кёсийис да, сiйон юала-а.
- Кёсийис кё, пыралас, – кывкорталіс калатаыд да выльысь босытчис шурскöднү ва ветекнас.

Генъ сэсся эз жö кут досадитны уджалысылы, бара сатшиc синсö пötölöкаc да лёнис. ... Талун öд Иван Петрович кёсийис шахмат вайны, ваяс жö öд, кёнкё. Генълы чунъяс луддзытöдз лои окота инмёдчывны шоныд pu фигураяс дорö. Син водзас сувтіс сьода-еджыда шахмат пöвыйс. Воськовтан – еджыdas сулалан, воськовтан – сьёдас, кыдзи öд воськовтнысö артмас. Коркё ачыд ыджыдыс, коркё и невöляясь ковмас воськовтö вöчны. Олёмас тай, буракö, тадзи жö и овлö...

- Но мый, Геннадий Фёдорович, öти партия видлам.
- А, Иван Петрович, – Генъ тöдса кывсыыд öдйö и паляліс. Пыркнитіс юрнас, шахмат пöвсö аддзис да синъясыс югзисны.– Иван Петрович... Вот тайö да... Но а тіян жö кутшöмкö прöверка локтö...
- Öбед бöрас тай шуисны...
- Но либö вай öти партия видлам.
- На спор? – бара казтыштіс сёргисö Иван Петрович.
- Но мед лоас на спор, – сёгласитчис и Генъ.

Иван Петрович восьтіс шахмат пöвсö, pu вöвъяс да ферзъяс гиля-голякылёмён киссисны еджыд вольлась вылёр.

- А очкиыд, Иван Петрович?
- Очкыид сомын аски лоö, окулист, вöлём, талун оз вермы волыныс, звöнитліс, аски по быть.

Генълы тайö юёрсыыс сэтшöм деливö лои, быттьö сылы, ичёт кагалы моз, кёсийисини да пöръялісны. Еджыд вольлась вылын куйлысь слёнъяс да вöвъяс солькнитчисны öти руд чукёрö, еджыд ни сьёд оз тыдав...

- Но мый нö, Геннадий Фёдорович, дзик очкитöгыд он аддзы?
- Ог. Да веськыда кё шуны, нинём ёнасö ог и кёсйы аддзыны. Вот сомын шахматсö окота на аддзыны, кёть нин думыштöм миrsö, кор збыльыс ставыс кажитчö сьёд...
- Ti, Геннадий Фёдорович, философ, а олёмыс ёнджыкасö корё кутшöмкö практичность...

– Приспособляемость, прагматичность... – дзикöдз нин рочасыны заводитіс Педёр Генъ, а овлывліс тадз сомын вывті нин ыззьём бёрын.– Одинокий образ жизни способствует к размышлению. Да менам размышлениеяясьыс олёмыслы пось ни кöдзыд. Вот кывзöй, Иван Петрович, ме аслам олёмён гёгöрвои со мый – мортыслы чужёмсяныс шўома овны клеткаын, вот зверъясöс вермёны жö йёршиит-

ны клеткаö, а вермёны и не. А вот мортыд аслас клеткаысь некытчö оз вермы пышыйны.

– Но мыйла тi энö видлöй мынтöдчыны аслад клеткаысь? Мыйла энö мунöй сиктсыс? Ме öд гöгöрвоа, мый йылысь тi сёрнитанныд. Морт ас вöляссыс йöршитö ассыс клеткаö, а шуöма сылы овны вöляяя, сiёö öд мёвпавны вермьис.

– Да, дерт, сиктын ме кодь мортыд оз ков. Но кытысь нö, Иван Петрович, тi аддзылiнныд, мый миян кёнкö колёны мёвпалысь йöз... Нэмис вежис, а ми кыдз вöлiм «винтикъясöн», сiдз и колим...

– Но...

– Иван Петрович, ме öд прав, прав... А вай видлам тадзи петны тайö клеткасыс. Со, ме öнi очкитöм, нинём ог аддзы, а вай видлам ворсны, колёк, артмас. Паметысь кута ворсны.

– Но вай, видлам и эм. Эг öд прёста шахматсо гортысь кыски.– Иван Петрович весиг пыдiсянь лолыштiс, сылы тайö сёрниыс вöлi Генълы моз жö сьöкыд, сiёö öд, зэв кö нин ёна бандöны ассыс, тадзи жö кымын мёвпалiс, но сы пыдди сiёö бандöис шахмат пöвсö, лöсъöдiс вольпась вылö, радён сувтöдалiс фигураяс, бара пыдiсянь ышловзис да шуис.– Но мый, белые начинают и...

– Эн на тэрмасьöй, Иван Петрович, то, что белые начинают, тайö ерунда. Сьöдъясыд ёна на вынаöс вермёны лоны. Значит, тi белыми, а ме сiдзкö, чёрными... Но, гашкö, тайö и справедливö. Кыдз шуласны, кесарю кесарево. Итак, заводитчö матч века. – Гень зэв кыпыда заводитiс сёрнисö, сэсся друг думыштчис, быттьö мыйкö ёна ыджыдтор кёсийис казытышты.

– Мый нö, Геннадий Фёдорович, татшöма думайтанныд? Ог öд мирöвой чемпионат ворсöй.

– Быд матч колё ворсны сiдз, быттьö сiёö медбörъя...

Вочавидзны Иван Петрович эз удит – öдзöсис гурыйив вossис, котöрон пырис öнтая джодж мыськалысыс:

– Иван Петрович, Иван Петрович, воисны, воисны.

– Но вот, эг удитöй шахматасьны.

– Ме тай шуи – клетка. Клетка. – Гень вештiс синсö шахмат пöв вылысь да бара на содтiс.– Клетка. А тi шуанныд – спор...

Но Иван Петрович сiёöс эз нин кыв. Кытысь олёма мортлы татшöм öдöбыс – здук – и сiёö öдзöс саяс нин. Гень весиг синнас лапнитны эз удит. Пу фигураяс врачлон öдйö чеччöмьис бара тури-тари киссисны вольпась вылö.

– Мый морös ветлöдлоны, мый и корсöёны татысь,– кывлысис кодкö куй-лисысьяс пыясь.

– Быдлайн должен лоны пöрадок,– öдйö и вомалiс шуысътö кок пöла мужи-кыд.

– Да, бур миян пöрадок, мися жö, коктöг колин,– эз ледзчысь и мёдыс.

– Менам кок пыдди государство мынтас меным компенсация.

– А-а, но-но,– быттьö соглас лои сёрнитысыд, а сэсся содтiс.– Миян, бурак, ковмас ассынмös по частям вузавны государствоыдлы, мукöд ног сiёö миянös оз нин казяв.

Гень тайö сёрниас эз пырёдчы, сёмын думсыс соглас вöлi мужичойкöд. ...Да, буракö, тадзи и артмö. Ме со ассыым юр вемös донтöм донысь жö вöзий государ-стволы, а кор сылы эг кут ковны – шыбитiс... Күим во и уджалiс Гень сiёö

школаас. Да и бёръя восё одва и кыскис... Лун космён волі корлывлё ас дорас школаса директор. Вывті по тіян урокъяс вылын шума. Тадзи по школалын оз позь... Кыдз нö оз – тайё од челядь, налы кö интереснö, найё ыzzъёны... Коло по кутны дисциплина... Кутшом дисциплина? Кор челядь кызвёны кутшомкó ыджыд важ тыштъяс ыйлысь, найё асынысö пыр жö представляйтёны сiй тыштъясса геройясон. Дерт, ыzzъёны... Тi онö гёгөрвöй школаса требованиеяс. Ми долженöс воспитайтынны странаса бур гражданаоë... А кыдз нö челядьлын фантазия, воображение?.. Мед первой лоасны бур гражданинъясон. Вывті ыджыд фантазиясы нинём... Выдтiс тай государствоыд гражданаоë, а сэсся көвтöм понйös моз шыбитiс... Юрас öтитор сюйис, а сэсся овны тшöктiс мёд ног... Эз од прёста дzonь поколение другысь юсы... Тэчом керкатö другон од он разь... Ме кö, государство местаын, тайё пёръялём поколениеыслы эсько мынтi компенсация пёръялёмсыс... А сэсся кодi нин кыдзи кужё...

Друг Генъён мёвпъясыс орисны, и син водзас сувтiс важён, быттьё некор нин вёвлытöм, кольёмтор. Да сэтшом языда, мый Гень весиг кынмис крёвать вылас.

– Видза оланныд, челядь. Менё шуёны Геннадий Фёдорович. Ме тіян выль учитель, и кута нүодны история урокъяс. Тi тёданныд, мый сэтшомыс история?

– История – тайё важён вёвлытöмтор, – зэв збоя и кывлысис еджыд юрсия зонка.

– Позьё шуны и тадз. «Зэв нö тай тёдса, кёдлон и эм? Мить Ёльёш кодь тай нöк юрыс». Кыдзи тэнад овыд? Абу Трофимов?

– Сергей Трофимов, – важ мозыс жö збоя вочавидзис зонка да морёсвывса гёрд галстуксö лёсъёдiг воча юалiс.– Геннадий Фёдорович, а тi велёдчинныд унвиси... унен... – дзикöдз дзугсис юасысь да, класслон гораа серёктöмись гёрдöдис да ланьтiс.

– Да, Серёжа, университетын, – быттьё эз и кыв класслыс вочасон гусяммём серамсö велёдысь, матыстчис Серёжалань, малыштiс еджыд юрсö да лёньём зонкаос ышёдом могысь содтiс. – Зэв бур, Серёжа, мый тэ кёсъян унатор тёдны. Бура кö кутан велёдчыны школаад, и тэ верман велёдчыны университетын.

– Да сiй миян ленин юр, – кылiс бёръя партаяссянь ёсь голёс. Сергей кулакъяссö чабыртöмён одйö бергöдчis бёрвыв, но велёдысь небыда кутiс зонкаос пельпомёдис, видзёдлiс класс помлань, кён пырдыхык пукавлiсны збоялысьяс, да негораа шуис. – А нимтысъны абу лёсъыд.

Класс лёнис. Кутшомкó тешкодь волi тайё велёдысьыс. Эз горзы, эз пинясь. А Геннадий Фёдорович вешийис доскалань да заводитiс ассыс первой урок.– Тi оланныд онi тайё грэздас, тіян эм бать-мам, поль-пöч, чойлас да вокъяс, тi ветланнныд школаö, ворсанныд, гожомнас купайтчанныд, а тi тёданныд, мый волi танi сё, сурс во сайын? – велёдысь кызвызыштiс класс лёняс да сёрнитiс водзö.– Ми кö тёдмалам, мый волi танi да кыдзи сёвмис грэздыс, ми тёдмалам сылысь история. Тадзи жö позьё тёдмавны и мукöд грэздъяслыс, каръяслыс, странаяслыс, ўозлыс история...

Звöнёк бёрын класс күшмис. Геннадий Фёдорович коли öтнас. Сiй помёдз эз на гёгөрво, мый лоис... Сылон первои урок. Первой. Сiй учитель. Учитель. Дерт, практика дырии сiй сетлiс нин урокъяс, но сэки од мукöд велёдысьяс син улын, а талун, талун сiй ачыс, öтнас, дзик öтнас сетiс дzonь урок. Урок! Лолыс

тöрьтъя студент Геннадий Козловлён пессис, эз тöр морёс пытшас, кытчöкöй кöсäис лäбны да нүöдäс аскöдäс сылысь вежöрсö, сямсö, кытчöкöй водзö, вылö... Ылö...

Школаысь ковмис мунны. Видлïс жö эсъкö дисциплинатö пуктыны классас, весиг кузь пу линейка киас босытлïс, но челядь зэв нин эскутöма видзöдлïсны сы вылö, да линейкаыс быттьö ачыс бёр водïс пызан вылас...

Бёр локтïс гортас. Öтилаö-мöдлаö пыралïс жö уджавны, но некызд эз вермы гöгöрвоны, мый йöзыслы колö, мыйён олöны найö... Сïйö вочасон гöгöрвоис, мый сылён удж кыпыйдуныс некодлы ковтöм, сылён мёвпъясысыс некодлы пось ни кöдзыд, мöдарö, йöзыс кутисны видзöдны Гень вылö коньёр вылö моз... А сëсся юрыс заводитïс пыр тшöкыдджыка и тшöкыдджыка висьны, медбöрын комиссия шуис: инвалид... Öти шахматыс и коли Гень пай вылö тайö олöмас...

– Со тани миян мужичой жö палата. Куйлöны квайтöн.– Гень кылïс Иван Петровичлысь гöлöссö да мёвпъясыс орисны.

Врачкöд тшöтш пырис руд костюма морт. Том на, но пельпом вылас плавгöм еджыд калатыс тöдчöдäс нин кыз рушкусö. Юрыс кушмыны заводитöма. Пырысь зэв тöдчанаа гöгöртïс синнас первой куйлысъясöс, сëсся палата стенъяс, пöтöлök, öттшöтш крукыштïс синнас и Иван Петровичöс да сы дорын лöня суалысь медсестраиöс. Сëсся кызöктïс да шуис:

– Но мый, ме думайта, Владимир Иванович лöй дöвöлен. Да, а кыздзи лекарствоясöн?

– Бур, бур ставыс, Сергей Алексеевич. А кор виччысъны министртö, Владимир Ивановичтö?

– Серёжа?

Костюма морт став тушанас бергöдчис кывлысысылань:

– Сергей Алексеевич.

– Дерт, дерть, прöститöй, Сергей Алексеевич.– Гень став тушанас нюжöдчис костюма мортлань.– Энö тöдöй?

– Ме... ме тïянöс ог тöд,— коса вочавидзис мöдys.

– Серёжа, – бара на артмис Генълён. – Геннадий Фёдорович ме...

Костюма морт быдсöн тракнитчис, здук-мöд видзöдäс Генълён сьöд, бритчытöм чужöм вылас, сëсся öдва кывмöн лäдзис:

– Геннадий... Фёдорович... тi?

– Ме, Серёжа, ме...

– Мый тïянкöд?

– Да вот, веськал i тай.

Сергей Алексеевич матыстчис Генълён крöвать дорас, вешталïс кисьтöм шахмат фигураяссö да пуксис дорыш вылас. Генълы лои сэтшöм яндзим аслас бритчытöм чужöмись, думыштлïс öд бритчöм йывсъыс, да кыздзö эз ло лöссыд йöзсö корны бритны ассыö, да сïйö жалитïс нин, мый кывлысис. Но пукалысь быттьö мыйкö виччысис, да Генълы бытть ковмис шыасыни:

– Серёжа... Сергей Алексеевич... тэ... тi... мый? кёнi?

– Ме... минздравын... помощник...

– А... мыйкö... – Генълён бара став кывыйыс кытчöкö дзумгыльтчис.– Мыйкö...

А университетыд?

– Универтö ме помалi...

– Помалін? – Гень шызис. – Исторической?

– Да. Исторической.

– И мый?..

– Мый?

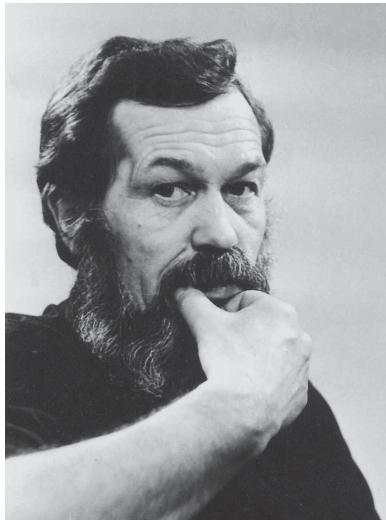
– Серёжа... Тэ ёд сэтшома радейтін история... Тэнад ёд волі сэтшом бур паметь, тэ ёд... – Геньльён мөвпъясыс котортісны сэтшом ёдон, мый көзяинис эз удит на бёрся, сёрниыс ёдъяммис, быттьё оти здуко сылы коло волі төдны Сергейлысь став олём-вылёмсö, сылысь став мөвпъяссö да олём гөгөрвоöмсö. Сий мый вынсыыс шашаритчис Сергейлы синъясас. – Ме надейтчи, тэ пырёдчан ыджыд наукаö... лоан ыджыд ученойён, и ме... ме коркё кута гордитчыны тэён... Кёты нин тэ... Мукёдис ёд... А тэ... помощник...

– Кутшом наука, Геннадий Фёдорович, кутшом наука? – зэв эскёдана чуймис Сергей.– Кутшом учёной... Ти му мёдарас ли мый оланныд?.. – Сергей весиг сероктыштіс. Сэсся быттьё паляліс.– А тэ... ти... кыдзи... колоқ, отсöг коло кутшомкё... но... тані... Ме ёд верма...

Но Гень вештіс нин кусом синъяссö «Серёжайысь» да быттьё вунёдіс си йылышы:

– Иван Петрович, вай кисьтой меным оти стопка спирт, так сказать, для разгона крови, да ворсам оти партия... А ти шуанныд – на спор... Клетка.

Николай Коняев

Коняев Николай Михайлович, писатель, главный редактор журнала «Аврора», автор многочисленных книг. Его повесть «Потерянная родина» рассказывает о судьбе серёговских и усть-вымских родственников, о корнях, которые связывают писателя с землёй Коми. Живёт в Санкт-Петербурге.

Потерянная родина

Начало в № 3 2008 года

10

Было бы неверно думать, что местные начальники в Яренске, в Усть-Сысольске, в Серёгово, в Гаме, в Усть-Выми лишь покорно исполняли кремлёвские директивы.

Дело происходило в национальном районе, и коми-зырянская проблематика придавала событиям особую окраску.

В 1917 году в Яренске начинает подниматься звезда Дмитрия Александровича Батиева. На политическом поприще он появился в качестве члена партии эсеров, но скоро перешёл в РКП(б), хотя принципиального значения это и не имело, поскольку Батиев и будучи эсером, и будучи коммунистом оставался членом общества «Коми котыр», которое помимо просветительства преследовало и вполне политические цели.

Родился и вырос Батиев в селе Гам, где жила и наша семья, до революции успел поучиться в учительской семинарии, а после Октябрьского переворота с головой ушёл в политику.

Член Яренского уездного исполнкома, член военревкома, председатель Коми представительства в Москве, зампредревкома, член комиссии ВЧК по установлению концентрационных лагерей, член редколлегии журнала «Коми му»...

Карьера бурная и весьма успешная для молодого, двадцатилетнего человека. Были в этой карьере взлёты, были перерывы — Батиев несколько раз пытался

продолжить своё обучение. Были и падения — за растрату казённых денег в 1922 году Батиева исключили из ВКП(б).

Завершилась карьера в 1932 году, когда Д.А. Батиев был арестован и через несколько лет осуждён по статье 58, пункты 10 и 11.

К делу Батиева, по которому проходили сразу трое Коняевых, я ещё вернусь, а пока хотелось бы рассказать о программе Дмитрия Александровича...

«Я являлся и являюсь активным сторонником вопроса объединения всех угро-финских племён в самостоятельную административную единицу в Коми республику — под протекторатом Финляндии».

Не менее интересно и описание методов, с помощью которых добивался Дмитрий Александрович со своими единомышленниками реализации этих программ.

«С 1923 года постепенно отходя от общественно-политической работы, как указано выше, от национальной политики я не отошёл, а был основным руководителем этого дела, активно участвуя в печати, давая научное обоснование и доклады обл. плану, обл. исполнкому и другим организациям, так как считался наиболее знающим в этом вопросе человеком.

В конечном счёте, я являлся вдохновителем в национальном вопросе до 1929 года, то есть до присоединения области в состав Северного края. И не только в узком кругу интеллигенции из националов, но и у добродушной части Коми парторганизации и советской общественности.

В 1929 году ЦК ВКП(б) резко изменил курс политики в области сельского хозяйства и промышленности: начал вводить коллективизацию и в связи с этим ликвидацию кулачества как класса. По Северному краю вообще и Коми области в частности страшно увеличился план лесозаготовки, что породило везде, в том числе и в Коми области, ряд перегибов (насильственная коллективизация, рассложение крестьянства по личным счётам местных властей, суды без всяких оснований и т.д.). Крестьяне стали сильно недовольны существующей политикой, и поскольку это положение совпало с включением Коми области в состав Северного края, то тем легче были все эти недоразумения свалить на Северное краевое руководство (Архангельск) и перевести это дело на национальные рельсы.

Именно в силу этого через год почти всё население области было уверено в том, что виной всего создавшегося положения и особенно трудностей по продовольствию является Архангельск, то есть потеря власти Коми народа, то есть победа великорусского шовинизма».

Как мы видим, принцип «чем хуже, тем лучше» исповедовали не только хозяева Кремля...

— Было решено,— рассказывал на допросах Д.А. Батиев,— подготовить людей на местах и путём давления на выборах изменить состав Советов и потом провести протокольно волеизъявление народа по национальному вопросу...

Разумеется, понимание национальных интересов у Д.А. Батиева было весьма далёким от этих самых национальных интересов коми, но другим оно и не могло быть, потому что, говоря о интересах народа, Дмитрий Александрович преследовал прежде всего свои, сугубо меркантильные цели:

«Моё неотъемлемое желание и мечта, как истого коми национала,— объединить в самостоятельную административную единицу — в Коми республику — все угро-финские племена под протекторатом Финляндии и стать во главе данной

республики президентом, на что я имел полное основание рассчитывать, так как более соответствующей кандидатуры, чем я, на пост президента в Коми нет».

Заметим тут, что хотя от скромности Дмитрий Александрович, конечно, не страдал, но план его и в самом деле был весьма ловко задуман... Во всяком случае в девяностые годы, по подобному сценарию, «протокольно» и проводилось волеизъявление народов по национальному вопросу, а затем оформлялось в законодательном порядке в Беловежской пуще...

Но тогда время для протокольного национального волеизъявления ещё не наступило.

«Этот номер» на выборах не прошёл, так как «Советы избирались без участия населения партийными и комсомольскими ячейками лишь при формальном участии советских активистов».

Все эти откровения сделаны Дмитрием Александровичем на допросах в НКВД в начале тридцатых годов.

Пытки уже были в ходу.

Описание их можно найти в следственном деле двоюродного брата моего отца Степана Алексеевича Коняева.

В кассационной жалобе, поданной в Верховный суд РСФСР, он пишет:

«Мучительское следствие меня следователем Карелиным началось с 28 августа 1938 года. Следователь поставил передо мною бумажку, где было написано, что я — член контрреволюционной группы, и всё заставлял меня подписать и наклеветать на других, чего я сделать не мог. За это Карелин заставлял меня стоять все круглые 24 часа, не отпуская в тюремную камеру. Сам уходит, оставит другого дежурного, чтобы я не сидел в течение этого времени. Заставлял сидеть на угле табуретки самым задним проходом. Сам навалится грудью на мою шею и сворачивает, как жернов. Это он делал за сутки по десять раз и больше от 20 до 45 минут. Топтал ногами меня, кулаком рёбра наталкивал и всё лицо и тело моё искалечил до невозможности. Я опух, стал, как тумбочка. Ночью Карелин выбьет меня, а на день обливает лицо одеколоном, очищает от синих пятен, чтобы ударов не заметно было...

Однажды надел на мой затылок очки и повёл в кабинет Андреева, где тот сидел, и говорит: «Привёл каменного быка».

Андреев подошёл ко мне и приказывает: опусти штаны, отрежу яйца! В руке он держал опасную бритву.

Но как-то не отрезал, а повёл опять в другую комнату, где было много следователей и среди них следователь Якуб. Поставил в угол. Якуб быстро подошёл ко мне и стал задавать вопросы иностранным языкам, который я не мог понять. Якуб вытянул руку с растопыренными пальцами к моим глазам и говорит: «Что такое будет поц?»

Я ответил, что гражданин следователь, я этого не знаю.

Тогда Якуб начертил на табуретке угол и говорит: «Садись, вытяни ноги. Час посидишь и будешь знать!»

Я сидел на углу табуретки 45 минут и не мог на этот вопрос ответить. Пришёл Якуб и говорит: «Это у кобылы будет х....!»

Я молчал, опять стоял... Тогда на четверть длины отвисла у меня из заднего прохода кишка».

Степана Алексеевича Коняева арестовали после того, как Д.А. Батиев назвал на допросе его фамилию:

«Коняев Степан Алексеевич — крестьянин, середняк-единоличник, беспартийный, с низшим образованием, но довольно развитый, занимаясь сельским хозяйством, в то же время служил во многих советских должностях, вплоть до председателя сельсовета. По убеждениям — национал-шовинист, вербовал его брат — Коняев Семён, который и давал ему задания, но и я, как знавший его очень давно, давал иногда установки по к.-р. организации».

Своё знакомство с Батиевым Степан Алексеевич не отрицал, но насчёт установок, которые они в Гаму получали от Батиева, был иного мнения.

«Батиев,— рассказывал он на допросе,— взял ссуду из Комсель-банка в сумме 2000 рублей на имя артели. Даже не сказал членам артели, что взято денег, употреблял на свои надобности и пропил. А банк за это через суд взыскивал с членов товарищества. Он, Батиев, мошенник, плут и вечный пьянник¹...»

Надо сказать, что эта характеристика Батиева не расходится и с впечатлениями, которые оставил Дмитрий Александрович у Ивана Алексеевича Шергина.

«Не помню, в 1919 или 1920 году в дом мой вошли два коммуниста Чеусов и Батиев. Чеусов спросил мои книги, и я дал ему пять брошюр. Книги пожелал взять и Батиев. Я исполнил его просьбу. Чеусов за книги мне заплатил, а Батиев обещал уплатить табаком, но надул...»

Понятно, что в следственных камерах НКВД ломались и честные, сильные люди. Но вот мы видим, что Степан Алексеевич Коняев, хотя и прошёл он через весь ад пыток и унижений, превратившись в «каменного быка», не сломался. Никого не оговорил, более того — нашёл в себе мужество и описал зверства следователей-чекистов в кассационной жалобе, когда ещё находился во власти чекистов.

Батиев же и в НКВД думал прежде всего о себе, точно так же, как и во времена расцвета своей карьеры, думал не столько о самоопределении Коми, а — и это прежде всего! — о себе, о том, как ему *«стать во главе данной республики президентом»*.

Из бесхитростных показаний Степана Алексеевича Коняева видно, насколько откровенно продажно (в самом прямом смысле этого слова) вёл себя Батиев на допросах в НКВД.

«Когда меня позвали на очную ставку с Батиевым, я зашёл и вижу, сидит Батиев, кушает из тарелки белый хлеб, две штуки огурцов, два помидора, жареной селёдки и чай стакан.

Следователь Карелин наперво предупредил меня, что молчи, ни слова, я буду читать. И стал читать очень быстро, некоторые слова даже не полностью говорил. Я ничего не понял и говорю следователю: дай, я сам почитаю тихонько. Он положил на стол этот протокол. Я беру и начал читать, тогда следователь Каре-

¹ пьяница.

лин обратно его из моей руки выдернул и говорит: не дам его читать. Это вас не касается»¹.

Разумеется, обед, поданный Батиеву за оговор ещё одного невинного человека, не может сравниться с теми спецтайками, которыми пользовался Дмитрий Александрович раньше, но ведь и не в своём кабинете Кomi представительства в Москве вкушал его Дмитрий Александрович...

Я рассказываю здесь только о судьбе Коняевых, проходивших по делу Батиева, но это не значит, что к другим подельникам Дмитрий Александрович относился иначе.

Он сдавал всех подряд.

Краеведов и партийных работников, писателей и крестьян...

Разгорающееся при виде еды воображение Батиева работало на полную силу. Наверное, он и сам уже не вполне понимал, где правда, а где вымысел, ловко перемешивая живых людей с созданными его воображением сюжетами.

Родного брата Степана Алексеевича — Семёна Алексеевича Коняева он заложил ещё 29 апреля 1933 года, включив его в руководящий центр организации: Д.А. Батиев, С.Ф. Матюшев, С.М. Можаев, Н.А. Соснин, С.А. Коняев, Ф. Челпанов, Д.А. Пантелеев.

Не поскупился Дмитрий Александрович и на характеристику Семёна Алексеевича.

«Сын крестьянина, отец его был волостным старшиной, по национальности коми. Коняева я знаю с детства, так как мы с ним однолетки и из одной деревни уроженцы. Коняев имеет среднее образование, но получил его только в 1921 году. В Февральской и Октябрьской революции не участвовал. В империалистическую войну был музыкантом. В гражданской войне почти не участвовал. После того, как белые освободили Гамский сельсовет, Коняев Семён занимался мелкой спекуляцией. Не раз попадался за растрату под суд, за присвоение казённых вещей и товаров, чем он и спекулировал...

Будучи с ним знакомым с детства и последние пять лет в Сыктывкаре, мне очень часто приходилось с ним беседовать на политические темы, иногда он просто оставался у меня ночевать. В этих беседах Коняев всегда горячо отстаивал вопрос о создании своего государства на буржуазных началах, где в скрытой форме проскальзывала тенденция к тому, чтобы ему сделаться человеком, имеющим отношение к торговому миру. Начиная с ноября-декабря 1931 года мы не раз говорили о необходимости создания руководящего центра, который бы возглавил и объединил все контрреволюционные силы в Кomi области для совместной активной борьбы с советской властью.

Нужно сказать, что мысль, возникшая у меня о необходимости создания к.-р. организации, впервые была высказана именно Коняеву Семёну примерно в октябре-ноябре 1931 года у него на квартире, на что Коняев сразу согласился.

И уже после того, как спустя некоторое время мы, опять-таки с Коняевым, пришли к необходимости сформировать руководящий центр, я попросил его подобрать для организации группу людей более ему известных и одинаково с нами мыслящих, на что Коняев согласился, а я же, в свою очередь, сам приступил к подысканию людей для организации...

¹ Архив Сыктывкарского управления КГБ, Дело Дмитрия Ивановича Онькова и др., лл. 89-90.

В силу своей ненависти к Советской власти, в своё время скрытой спекуляции, Коняев выработал в себе положительного типа конспиратора и, как грубый человек, являлся самым подходящим организатором боевой дружины. Полностью о составе контрреволюционной группы, руководимой в своё время Размановым, Коняев мне не сказал, но в отношении некоторых лиц указал, что входили туда:

1. Он — Коняев Семён Алексеевич

2. Бессонов Василий Исакович

3. Полев Иван Николаевич

4. Два брата жены Коняева по фамилии Поповы, которых я не знаю, за исключением того, что они из крестьян и, по моему предположению, являются самыми подходящими кандидатурами для боевой дружины.

Короче говоря, Коняев Семён является одним из активных и серьёзных членов руководящего центра нашей организации»¹.

Видимо, нет нужды говорить о том, что вся боевая дружина была лишь плодом воспламенившегося при виде тарелки с едой воображения Дмитрия Александровича Батиева. Нет нужды говорить и о тех последствиях, что грозили упомянутым им людям. Ни один из моих родственников, проходивших по делу Д.А. Батиева (оно, кстати сказать, называлось дело Онькова и других), не вернулся после ареста. Все погибли или под пытками, или в лагерях. И зная это, как-то иначе воспринимаешь и самого Д.А. Батиева. Не дополнительную пайку (столь скрупулёзно описанную Степаном Алексеевичем Коняевым) торопливо пожирал он в кабинете следователя Карелина, а сами жизни оговариваемых им в обмен на жратву приятелей, знакомых, просто сослуживцев...

Да-да, я понимаю, что жизнь Дмитрия Александровича в тюрьме НКВД — следствие по его делу тянулось несколько лет — не была мёdom, и осуждать человека, оказавшегося в его положении, конечно же, нам, не знающим тех ужасов, не пристало.

Это так... Но ведь никуда не уйти и от того, что это не Дмитрий Иванович Оньков, не Семён Алексеевич или Степан Алексеевич Коняевы устанавливали эту власть, не они организовывали первые концлагеря, а всё тот же Дмитрий Александрович Батиев.

И это ведь не они на допросах вдохновенно, упиваясь собственной значительностью, врали про несуществующую организацию, а опять-таки Дмитрий Александрович Батиев.

И не уйти, не уйти от мысли, что и во времена своей силы и власти вёл он себя точно так же, как и в кабинете следователя Карелина.

Рассказывая о деле Д.А. Батиева, мы сильно забежали вперёд, поэтому вернёмся сейчас назад в двадцатые годы, когда грабили и расстреливали крестьян, когда разоряли монастыри, когда подобные Д.А. Батиеву коммунисты-националисты, мечтавшие создать республику под протекторатом Финляндии, весь творимый ими самими беспредел пытались свалить на великолдержавный шовинизм Северного краевого руководства.

¹ Архив Сыктывкарского управления КГБ, Дело Дмитрия Ивановича Онькова и др., лл. 50-52.

Многое из того, о чём я рассказываю сейчас, стало известно мне из архивных дел Министерства безопасности Республики Коми. Начиная с двадцатых годов, мои здешние родственники в большинстве своём превратились в подозреваемых, а затем и подследственных. Десятки пухлых томов, хранящихся в сыктывкарском архиве, впитали в себя их кровь, их жизни...

И вот читаешь написанный рукою внештатного осведомителя информатора Матвеева рапорт:

«Совершенно секретно. Уполномоченному оботдела ГПУ по Усть-Вымскому уезду.

В доме бывшего урядника контрреволюционера, где и собирался кружок евангелистов, гражданина Гамской волости и села Коняева Максима Степановича живёт уже около полутора месяцев какой-то тайный адвокат, старик с постриженной седой бородой. По слухам выясняется, будто бы из Серёгова — Шергин Иван Алексеевич, который ведёт какую-то тайную работу, разъезжая по волостям, собирает всякие сведения, критикуя власть, а особенно коммунистов.

Кроме того, замечается: устраиваются тайные совещания-сборища в доме гра-на Коняева Максима Степановича, которые посещают самые вредные и опасные элементы как для советской власти, так же для коммунистов, как-то:

1. Козлов Иван Иванович, исключённый член из рядов РКП(б).

2. Отев Василий Николаевич, бывший нарсудья, исключённый член из рядов РКП(б).

3. Коняев Семён Алексеевич — анархист-эсер.

4. Туркина Клавдия Александровна — акушерка Гамского участка, дочь кулака, бывшего купца-торговца.

Таковые являются замечены только в эти дни, но принятые меры следить за движением дела, о чём будет информировано.

14.3.1925.

Внештатный информатор Матвеев»

И замирает сердце, когда заглядываешь в тот мартовский день далёкого двадцать пятого года...

Ведь «бывший урядник-контрреволюционер» тут — мой дед, Коняев Максим Степанович; «старик с постриженной седой бородкой» — скрывающийся в бегах от ГПУ Иван Алексеевич Шергин.

И где-то там, в доме, не удостоенный внештатным информатором упоминания из-за юного — ему тогда было шестнадцать лет — возраста, отец...

Он слушает, не может не слышать разговоры отца, по прежней своей должности навечно записанного в контрреволюционеры, дяди — «бывшего при царизме адвоката и писателя» (я цитирую здесь выписку из протокола закрытого собрания Гамской партичейки), и двоюродного брата — анархиста-эсера, и исключённых «членов из рядов РКП(б)»...

Люди собрались неглупые, довольно образованные, немало повидавшие на своё веку. Национальности у них разные, но это не имеет никакого значения. Они — в одной семье, а главное — в одной беде.

И тянутся, тянутся бесконечные разговоры о новостях, которые день ото дня всё чернее, о нищете, о надвигающемся голоде и, конечно же, об извечно-русском «что делать?», и о новом, коми национальном, об этих мыслях, привезённых из Сыктывкара, что хоть отдельной республикой, но хорошо бы свалить куда-нибудь от большевиков и чекистов.

И хотя никто из собравшихся не знает, что именно в эти минуты — «Установить тайный политнадзор, вменив всем членам РКП(б) зорко следить за указанными лицами и доносить срочно в ячейку» — пишется постановление, но безнадёжностью и тоскою веет от разговоров...

Право же, читая эти документы, я начинал понимать, почему так не хотелось отцу вспоминать оставленную родину, почему стремился он навсегда позабыть всё оставшееся там.

И ещё...

Листая пухлые тома дел, не раз ловил я себя на том, что испытываю — как это ни кощунственно звучит! — даже некую признательность сотрудникам ГПУ-НКВД, ведь это благодаря их поистине титаническому труду и удалось мне заглянуть в затянутое неразличимой тьмой беспамятства прошлое семьи. Читая эти дела, я узнавал имена родственников, про которых никогда и ничего не слышал, различал их голоса. Летописцы, затянутые в форму сотрудников НКВД, сохранили их мысли и живые чувства...

Мысль эта очень страшная, но как бы дико она ни звучала — метаморфоза палачей-летописцев несёт и некий высший смысл. Компания Ленина и Троцкого создавала органы не только для того, чтобы уничтожить недовольных советской властью. Нет, планировалось уничтожить саму память людей — и семейную, и историческую. Народ должен был погрузиться в беспамятство, служдая по которому, разучился бы различать добро и зло, свет и тьму...

Сатанинский замысел этот почти и удалось осуществить.

Муж моей двоюродной сестры Али (дочка тёти Мани) рассказывал мне о своём отце Илье Николаевиче Шергине, прожившем всю жизнь в Серёгове с поговоркой: «Опасение — половина спасения». «Ешь пирог с грибами и держи язык за зубами», — говорил он и все разговоры сводил к погоде да рыбалке. И разве он один был такой?

Мой отец так не говорил. Он просто старательно пытался забыть то, что было в прежней жизни...

12

Я был последним ребёнком в семье.

Когда я родился, отцу было больше сорока лет. Он казался мне очень старым. Ведь даже не десятилетия, а целые эпохи разделяли его и мое детство...

Отчётливо остался в памяти весенний вечер пятьдесят четвёртого года...

Мы с сестрой жгли в костре старую ботву. Дым стлался над землёй, застревая в голых прутьях малины.

Мать и тётушка копали огород, а отец возился в бане. Слышино было, как перебирает он за тоненькой из неструганных досок стенкой предбанника старые веники.

— Отец! — спросила мать, прерывая работу.— Скоро баня-то?

— Уже трубу закрыл...— отец вышел из бани и помотал головой, освобождая глаза от набившегося дыма. Потом пожаловался: — Веники худые стали, лист сыплется...

— Уже год тем веникам, дак будут сыпаться...— сказал мать.

— А вовремя надо было ломать...— не удержалась и укорила отца тётушка. Оставив лопату, она развязала платок и вытерла пот с лица.— Добрые-то люди когда ломают? Когда лист потемнеть не успел. А нам некогда было, не вся водка ещё была выпита.

— Глупостей-то не говори, Шура...— отец вытащил папироску и уселся на порожек бани.— А что, Маруся, не мешало бы после бани взять...

Мать смущённо посмотрела на тётушку, потом тяжело вздохнула.

— Надо, Маруся, бутылочку взять...— глядя на стелющийся над пустой землёй дым, повторил отец.— Как же после бани не посидеть?

— А сиди уж, бутылка! — снова не утерпела тётушка.— Тебе, Миша, только бутылки и пить.

Мы с сестрой возле костра замерли — так и начинались всегда ссоры родителей.

В жизни много ужасного, но что ещё вызывает большее отчаяние в человеке, чем взаимонепонимание близких, родных людей? И у мамы, и у тётушки, и у отца была своя правда.

Тётушка, потерявшая на войне мужа, уже тогда, кажется, записала всех неубитых на войне мужиков в ловкачей, отиравшихся всю войну по тылам. И, конечно, её раздражало, что эти-то, так она их называла, ещё и водку хлещут в своё удовольствие.

Своя правда была у отца. С баней у него было связано что-то ритуальное. С утра он покупал маленькую и, пока топил баню, успевал неторопливо уговорить её. Эти минуты, в ещё холодной бане, когда он как бы освобождался и от школы, и от семьи, были особенно дороги ему. И, разумеется, он заслужил эти минуты...

Мать тоже можно понять. Она разрывалась между сестрой и мужем. Понимала, что отец заслужил недолгие минуты отдыха, что сестра не права, но и смириться с выпивкой тоже не могла, как не могла освободиться от нелепого чувства виноватости перед оставшейся вдовою сестрой.

И самое страшное, что эти правды не знали и не хотели знать друг друга, и скандал — неизбежно и неожиданно — разгорался посреди тихого весеннего вечера.

Отец выматюгаялся и, выбросив недокуренную папироску, зашагал к дому. Мать смотрела ему вслед, и было видно, как мучительно хочется ей догнать отца. И может быть, так и поступила бы она, и догнала бы, и всё бы кончилось хорошо, но тут тётушка метнулась к бане и тут же выскочила назад с пустой маленькой в руке.

— Гляди! — торжествующе объявила она.— Вот что он делает, а ты ещё и потакаешь ему!

Наверное, маме нужно было оборвать её, твёрдо сказать, что не тётушкино это дело считать пустые бутылки чужого мужа, но мать не сумела сделать этого.

Зачем-то начала оправдываться, что, может быть, бутылка старая, непохоже, вроде как трезвый отец...

Тётушка не дала ей договорить.

— А и живи тогда со своим пьяницеей! — обиженно заявила она. Обиделась тётушка всерьёз, потому что по-своему она жалела мать и всегда обижалась, когда ей казалось, что мать не понимает этого...

В тот вечер в баню мы так и не попали.

Отец ушёл в посёлок и пропал, а в первый пар — это признавала даже тётушка — должен был идти хозяин. Вернулся отец, уже когда стемнело, пьяный.

Тётушка — всё случилось, как она и предсказывала! — начала было ругаться, мать не выдержала, обругала её, тётушка заплакала и ушла в свою комнату, мать обругала заодно и отца, который что-то пытался объяснить ей. Отец схватил висевшее на стене ружьё и убежал в баню...

Шёл тогда пятьдесят четвёртый год... Мужики ещё донашивали фронтовые гимнастёрки и по-пьянке всегда хватались за ружья. Незадолго перед тем посадили в тюрьму дядю Толю, который осенью, напившись, принял стрелять по проходящему мимо дома пароходу — «чего это они тут ходят?» А зимой другой мужик на краю посёлка забрался в баню и застрелился там.

Трезвый, отец не прикасался к ружью.

Он был очень уравновешенным человеком, и не похоже, что даже спьяну подумывал он о самоубийстве... И эта его постоянная беготня с ружьём после семейных скандалов до сих пор загадка для меня. Что мерещилось ему в пьяной темноте? От кого собирался отстреливаться, убегая в баню с ружьём?

Может быть, вставали в памяти те дни на передке, когда отец с остатками роты чуть было не попал в окружение и когда только на винтовку, как говорил он, и оставалась надежда...

Или же это подкрадывались к нему сквозь уснувшее дневное сознание те воспоминания детства и юности, что так старательно пытался забыть он... Те мартовские дни двадцать пятого года, когда, скрываясь, прятался в их доме в Гаму Иван Алексеевич Шергин?

Мать тогда долго плакала. Потом послала меня и сестру в баньку, посмотреть, что делает отец.

Уже была ночь.

Освещённая луною земля огорода казалась дикой и незнакомой.

Держась друг за друга и вздрагивая от страха, шли мы к бане.

Отец спал на полу.

Ружьё — ствол его тускло поблескивал в лунном свете — лежало на лавке.

Мы долго стояли в дверях, но так и не решились войти в заполненную страшной темнотой баню.

Это потом мать сходила и забрала ружьё...

И ещё она отругала нас, что мы испугались. Она редко ругала нас, а на меня, кажется, и никогда не повышала голоса, хотя ругать, конечно, было за что.

Но сейчас отругала.

И не за то, что испугались, а за то, что испугались отца. Почему-то для матери это было очень важным, чтобы мы его не боялись...

Что такое страх?

Это всегда, даже когда мы и не можем объяснить его, сигнал опасности. Не случайно слабые дети чаще всего подвержены страху.

Но эти страхи простые, физиологические. Сложнее со страхами, которые, кажется, и не имеют под собой никаких оснований. Страх тишины пустого дома, страх одиночества куда сильнее для взрослого человека, чем страх столкнуться с грабителем или хулиганом.

Впервые такой страх я ощутил после восьмого класса, как раз, когда начал интересоваться историей семьи. Совпадение это случайное, но случайное только на уровне рационалистической логики. Видимо, уже тогда невозможность заглянуть в своё прошлое, хотя и не осознавалась отчётливо, но уже реализовывалась на уровне подсознания.

После смерти матери я неожиданно для себя обнаружил, что боюсь оставаться в одиночестве в нашем Вознесенском доме. А после смерти отца перспектива провести там одному ночь сделалась просто невыносимой.

С точки зрения здравого смысла невозможно объяснить, отчего замирает от страха сердце, едва я вхожу во двор, где знаком мне каждый камушек, в пространстве, которое всегда было для меня самым родным и безопасным.

Но повторю, что страх — всегда сигнал опасности. И чем неотчётливее она, тем сильнее страх. Опасность, что надвигалась на меня, тоже была неявной. Ничем не грозило мне — времена, слава Богу, переменились, и я понимал это — неизвестное прошлое нашей семьи. К середине шестидесятых годов всё уже так перемешалось в нашей стране, что, действительно, становилась реальностью новая общность советских людей — людей, ничего не знающих и не желающих знать о самих себе.

Это было противоестественно, как противоестественно было и то, что, закончив школу, я стал совершенно самостоятельным человеком. Родители продолжали помогать мне, но всё остальное — где учиться и учиться ли вообще — я решал для себя сам, волен был по собственному разумению определять свой жизненный путь... И отчего я не заблудился, не забрёл в жизненную болотину, из которой уже нет возврата, я не понимаю до сих пор...

Когда после школы, сдав приёмные экзамены в Политехническом институте, я вернулся в Вознесене, несколько дней перебирал бумажки — архивные справки, собственные записи,— а потом, не умея выстроить их в нужном порядке, собрал в папки и засунул подальше в шкаф. Ничего не удавалось мне разглядеть сквозь мутноватую толщу десятилетий.

И конечно, это тоже случайность, что было мне тогда столько же лет, сколько и отцу, когда он слушал зимними вечерами 1926 года разговоры собравшихся на огонёк деревенских контрреволюционеров.

Но случайность — тоже только с точки зрения так называемого здравого смысла. Если же мы не будем сводить семью к простой биологической смене поколений, то, быть может, совсем и не случайным окажется это совпадение...

14

Гонения на Ивана Алексеевича Шергина в 1926 году были связаны с событиями в Кылтовской детской колонии. Об этом говорит сам Шергин в заявлении от 10 марта 1925 года:

«Я писал о страшных заболеваниях детей Кылтовской детской колонии и пригрозил, что пошлю эти материалы через патриарха Тихона за границу».

Положение детей воистину было удручающим, но почему именно заметки по поводу колонии вызвали переполох — не ясно. Как мы знаем. Иван Алексеевич отличался уникальной способностью наступать на самые больные мозоли больших и маленьких начальников... Непонятно и то, почему Ивана Алексеевича так и не расстреляли тогда, не отправили в лагерь, а вскоре благополучно отпустили на свободу.

Считается, что освобождён он был по амнистии, но тут тоже неясности.

Ведь в 1925 году И.А. Шергин был не осуждён, прекращено было само расследование по его делу, которое так и не вышло за пределы Усть-Вымского района.

Причина этого странного отношения к Шергину, с одной стороны злобного, а с другой — столь гуманного, кроется, как мне кажется, во взаимоотношениях коммунистов-националистов из Усть-Сысольска с «коммунистами-шовинистами» из Архангельска, о которых так подробно рассказывал на допросах Д.А. Батиев.

Шергин в этой борьбе, разумеется, не участвовал, но борьба эта самым непосредственным образом отражалась на его судьбе.

Напомним, что Кылтовская колония самим своим рождением во многом обяжана Д.А. Батиеву. Среди сотрудников её было немало людей, искренне разделяющих убеждения Батиева. Как, впрочем, и среди руководства Усть-Сысольска...

Народного возмущения люди, собирающиеся «протокольно провести волеизъявление по национальному вопросу», не опасались, но понимали, что материалы Шергина могли быть использованы против них партийными товарищами, в руководстве Северной области.

Поэтому-то и управиться с Шергином нужно было местными силами.

1 марта в его доме в Серёгово был сделан обыск. Компрометирующий материал «в виде литературных статей» изъяли, а Шергину вручили повестку явиться в ГПУ.

Шергин являться не захотел.

Опыт подобный у него уже был.

Ещё в 1922 году он отмазался таким вот нехитрым способом от ареста. В ответ на повестку он отправил тогда письмо:

«14 мая 1922 года я получил повестку, вызывающую меня 2 мая 1922 года для допроса в помещение Обзырчека. Кроме того, что повестка пришла с опозданием, я не имею трёх с половиной миллионов рублей на проезд из с. Серёгово до г. Усть-Сысольска (в оба конца). Поэтому, если я нужен, благоволите выслать бесплатный проездной билет».

Так он поступает и на этот раз.

Ударившись в бега, он вступил в переписку с ГПУ...

И хотя времена изменились, и уже 5 марта 1925 года начальнику раймилиции было отдано распоряжение: «Срочно арестуйте гр-на с. Серёгово Шергина И.А., который находится в данный момент в Коквицкой волости. Приметы: седой старик лет пятидесяти, в рваной одежде. Пишет жалобы гражданам», — Шергин как бы и не замечает этого.

10 марта он отправляет письмо:

«Уполномоченному ГПУ.

Заявляю, что я — нищий и хлеба нет. А так как за частые мои обличения злодеев, подрывающих и позорящих власть, меня хотят арестовать, о чём давно уже благовестят вовсю усть-вымские судьи и прокуроры, напевающие всем, дескать, «мы ловим арестовать Шергина»... я, чтобы не оставить жену без хлеба, ухожу на несколько дней из дома, а затем сам явлюсь. Бежать и скрываться мне, слава Богу, нечего. Семь лет я безмездно и честно разоблачал злодеев трудовой власти. Вот и теперь я отправил в Москву материал и жду... А пока вы можете арестовать меня, но только не раньше 20 или 25 марта».

Зачем нужен был Шергину срок до 25 марта, он сам разъясняет в следующем письме в ГПУ:

«Я написал в эти две-три недели целую книгу и отправил председателям ВЦИК и СНК и теперь жду ответа. Прошу вас, товарищ Осипов¹, до распоряжения из ВЦИК оставить меня в покое».

Иван Алексеевич был писателем и, как всякий писатель, несколько преувеличивал силу воздействия своих произведений. И всё же так и непонятно, действительно ли Шергин надеялся, что, прочитав правдивое повествование о творящихся на севере беспорядках, кремлёвские упыри проявят сочувствие, или просто сознательно запутывал генеушников.

Так или иначе, но это отчасти ему удалось.

Хотя его всё-таки арестовали и доставили в Усть-Сысольск, уже 1 апреля уполномоченный Секретного отдела Коми Облотдела ОГПУ Ларионов, рассмотрев следственное дело гр. Шергина И.А. по обвинению его в систематических преступлениях, предусмотренных 57-73 и 90 ст. УК, мерой пресечения избрал подписку о невыезде Шергина из Усть-Сысольска.

А 13 апреля Шергин даёт подписку не выезжать из села Серёгово и возвращается домой.

«Какую кутерьму поднял в массе народный слух об аресте меня и бегстве... — пишет он в письме. — Я слышал, что при бегстве я подстрелен. По другой версии — разгуливаю нищим. Это последнее, пожалуй, близко к истине».

Дело Ивана Алексеевича было прекращено.

Он устоял и на этот раз, хотя какой ценой досталась ему эта победа, свидетельствует другое письмо его, датированное 1926 годом:

«Никогда ничего писать больше не намерен и не буду. Только прошу не беспокоить меня и оставить несчастного старика в покое».

¹ Уполномоченный Усть-Вымского райотдела ГПУ.

15

У нас в семье не сохранилось ни одной фотографии Ивана Алексеевича Шергина. Так что знаю я его только по милицейской ориентировке: «седой старик... в рваной одежде...»

Это единственный портрет Ивана Алексеевича.

Но, думая о нём, я вижу берега Выми и Вычегды — холодную северную воду, леса, крутые береговые склоны — тот пейзаж, в который и превратился шестидесятичетырёхлетний зэк на пути к Соловкам, тот пейзаж, в который превратились тогда сотни тысяч подобных ему...

Иван Алексеевич не сдержал зарока, снова начал писать.

«Морально ленинско-коммунистическая власть пала... — начинается его статья «Ленинско-коммунистическое самооболванивание». — Лишь на широких полях разворнутого строительства социализма вызревают плоды-недоноски ленинского рассудка под палиющими лучами общественной насмешки. Фактически власть держится страшным напряжением сил самосохранения, черпает неограниченные средства огромной страны террором...»

Статья эта большая — несколько печатных листов. Столь же объёмны и другие произведения И.А. Шергина тех лет — статьи «Строительство социализма», «Верхоглядство и бюрократизм»...

«Скоро явившееся хлебное изобилие освобождённого от гнёта продразвёрстки крестьянского труда вместе с обличением ленинского одичания показало, что оно не только создало опасность самосохранению большевистской власти, но что оно само опасно», — подчёркнуто красным карандашом следователя.

В принципе, в поисках антисоветского компромата можно было подчеркнуть в работах Шергина последних лет всё от первого до последнего слова. Следователь же подчеркнул именно это место, потому что мысль Шергина поразила его.

Поражает она и нас.

Опасно хлебное изобилие, а вместе с ним и сытость. Не для людей, конечно, а для той власти, которую установили Ленины и Троцкие, той власти, при которой протокольно можно было провести любое волеизъявление.

Кстати, и об этом тоже писал Шергин.

«...Крестьяне не давали никаких постановлений на учреждение области Коми, а смастерили область... На сельских собраниях крестьяне хоть и бывают, но решает всё кучка коммунистов, а крестьяне только трясут бородами, кривят рты да качают головами».

Кроме статей, посыпать которые было некуда, Шергин пишет великое множество писем:

«Вы, товарищ Калинин, рассуждаете по старой тарабарщине и решительно не замечаете зла, а целиком выстраиваете свои великолепные сооружения на песке. Вам советские газеты поют дифирамбы, и в угаре самовосхваления вы решительно не понимаете то, что творите. Это та же отрава, ещё хуже самогонки, которая отправляет только того, кто эту отраву поглотил...»

Увы... Товарищ Калинин так и не прочитал адресованного ему письма. Вместе с самодельным конвертом, в который Шергин запечатал письмо, подшито оно трудолюбивым усть-вымским гепеушником в дело.

«Препровождая материал по Шергину И.А., сообщаю, что мною задерживались все его письма,— признавался потом Осипов,— так как в таковых Шергин старается дискредитировать сов. власть и ком. партию».

Письма изымались все.

И все они подшивались в папку.

Долгими зимними вечерами писал их Иван Алексеевич, укладывая в строчки свои мысли, свою боль, свой гнев, свою иронию. Потом клеил самодельный конверт и вёз письма в Усть-Вымь, на почту.

Покупал марку и сдавал пакет.

Работник почты улыбался ему и откладывал пакет в сторону, для Осипова. Тот приходил и уносил письмо в свой кабинет, доставал папку с делом Шергина и вшивал письмо туда. Скорее всего, он даже не читал их, потому что Шергина не трогали целых четыре года.

Но ведь это ещё страшнее. Человек говорит, и в ответ он обязательно должен что-то услышать. Даже если не соглашаются с ним, даже если грубо, с руганью, обрывают. Это тоже ответ. Страшнее, когда тебе вообще не отвечают. Когда ты говоришь, и тебя не слышат. Говорят, что в одиночных камерах заключённые сходят с ума, перестают понимать, кто они...

Наверное, Иван Алексеевич тоже сходил с ума.

Тяжёлый снег лежал на земле, пусто и холодно вокруг, и только одно, посреди бескрайней ночи, светится окно — в доме у Шергиних. Над столом, над листом бумаги склонился Иван Алексеевич, и всё быстрей, всё неразборчивей бегут строчки, и вот, я, читающий эти письма спустя семьдесят лет, ничего не могу разобрать в путанице скорописи... Так неужели стали бы разбирать эти закорючки чиновники, на столы которых должны были лечь эти письма? Или — страшно и ужасно думать об этом! — и сам Иван Алексеевич понимал, что никто не будет читать его, потому что письма здесь и останутся и никуда не уйдут, хоть и купит он положенную марку.

Я уже говорил, что ещё в школе, когда первый раз начал читать в Публичной библиотеке книги Ивана Алексеевича Шергина, во мне возникло странное ощущение, будто эти книги для меня и написаны.

И вот теперь, перелистывая посеревшие, как затаившийся в глубокой чаще снег, листки, я ловил себя на мысли, что не испытываю никакого волнения, хотя ровно тридцать лет добивался возможности взглянуть на них, хотя ведь получается, что для меня и писались эти письма — вряд ли кто-то ещё заинтересуется ими...

Так откуда же равнодушие, что же случилось?..

Нет, виною этому не Иван Алексеевич Шергин, не его скоропись, не нагромождение цифр. В бумагах Ивана Алексеевича множество интереснейших эпизодов, глубоких мыслей, порою улыбаешься, порою хочется заплакать. И наверняка из этих пухлых папок можно было бы составить вполне приличную книгу, честно

рассказывающую, что происходило тогда на берегах Вычегды. И едва ли причина равнодушия скрыта во мне, мне порою кажется, что я ничуть и не изменился со школьных лет.

По-видимому, дело — в другом.

Когда я читал первый раз книги Шергина, мы, даже и разделённые тридцати годами и войной, всё еще находились в одной эпохе.

Теперь — уже в разных...

Мы, живущие сейчас, ещё не осознали этого, но это так. А не осознали, потому что и невозможно осознать такое, бродя в лабиринтах беспамятства...

Почему я так подробно рассказываю о судьбе неведомого никому, кроме меня, писателя? Наверное, потому, что и сам не могу понять, почему он, живший и при царе, и при временном правительстве, и при большевиках, — всё время находился в оппозиции, всё время преследовался властями, хотя эти власти и были такими разными. Наверняка ведь у самого Ивана Алексеевича, при всей его поперечности, появлялось желание жить как-то иначе. И он ведь, действительно, в семнадцатом году думал, что большевики принесут счастье и ему, и всему народу.

Объяснение тут простое — Иван Алексеевич не умел так быстро и искренне менять убеждения, как требовалось.

Русские люди вообще мало способны к этому. Тем более те из них, которые ощущают себя, как Иван Алексеевич, «народниками», то есть неотъемлемой частью народа.

Теоретики марксизма считали Россию отсталой страной. Речь шла не столько об экономике или техническом прогрессе — в этих областях российская отсталость была не столь очевидной, — сколько об общественных отношениях. Россия, не прошедшая через века Ренессанса, Просвещения и Реформации, сумела сохранить себя как православную страну. Протестантская идеология рационализма, полезности в России оказалась усвоенной только маргинальными группами населения, но не самим народом, который ко всем общественным переустройлениям относился и продолжает относиться с равнодушным безразличием, совершенно справедливо считая всю здешнюю жизнь — временным состоянием перед жизнью вечной. Причём осуществляется это даже не на уровне развитого религиозного сознания, а в самом менталитете народа.

Вот поэтому-то, вопреки пессимизму классиков научного коммунизма, и оказалась Россия самой удобной страной для социалистического строительства. Общественное переустройство делалось здесь не в интересах всего народа, а в интересах узкой группы, к которой примкнула и маргинально настроенная русская интеллигенция, и это они и воспользовались плодами великой социалистической революции.

Укрепить свою власть над захваченной страной эти люди могли, только обманув народ, а обман мог совершаться лишь в условиях полной безгласности. Достичь этого, разумеется, не удалось, но попытки — весьма серьёзные — делались.

И в этом смысле судьба Ивана Алексеевича Шергина типична. Местные начальники ненавидели его, боясь разоблачений, московские — считали ненужной и вредной саму обратную связь, которая могла бы осуществиться через таких людей, как Шергин.

Повторю, что революция делалась не в интересах русского народа, и русский народ, по замыслу её организаторов, должен был стать безгласным...

16

Я не хочу сказать, что Иван Алексеевич отчётливо и ясно понимал то, что я говорю сейчас.

Наверное, не понимал...

Но, перечитывая его статьи и письма, ясно видишь, что думать об этом думал. И эти мысли и сводили его с ума.

Нет, он не был сумасшедшим в обычном, бытовом понимании. Но если под сумасшествием понимать утрату чувства самосохранения, то есть одну из самых главных функций человеческого ума, поведение Шергина напоминает настоящую клинику. Ничем ведь кроме сумасшествия не объяснить поездку Ивана Алексеевича летом 1929 года в Москву.

«В июне месяце 1929 года,— рассказывал он на допросе,— я ездил в Москву с книгой «Самоедская жизнь» с целью напечатания её в Госиздате, но книгу взял назад для переписки и обработки... Останавливался там в Коми представительстве, ходил в Госиздат, в издательство «Крестьянской газеты». В иностранные консульства не заходил и, прожив в Москве три дня, выехал на родину в село Серёгово».

Фактологически тут всё правильно, но кое о чём Иван Алексеевич умалчивает. Изъятая при обыске рукопись книги «Самоедская жизнь» частично сохранилась в деле, и по этим кускам можно судить, какое изумление она должна была вызвать у сотрудника издательства, взявшегося ознакомиться с ней. Такое тогда не только не печатали, но уже и не носили в издательства. Даже бегло перелистывая книгу, сотрудник издательства понял, что перед ним стоит тот самый затаившийся классовый враг, о котором вовсю трубили в газетах.

И только порядочностью этого сотрудника издательства объясняется, что он не позвонил в ГПУ, а просто вернул рукопись для «обработки».

Но Иван Алексеевич или не понимал этого, или не захотел понять. То, что читал он в газетах и журналах, и то, что видел своими глазами, было противоположно, и боясь поверить, что с точки зрения властей так и должно быть, он воспыпал вдруг гневом против писателей и журналистов, решил объяснить им, что происходит на самом деле.

Продолжение следует...

ЮБИЛЕЙ

Вера Латышева

Вера Алексеевна Латышева после сельской Объячевской школы закончила Московский гос. университет им. Ломоносова. Одиннадцать лет работала в филиале АН СССР в г. Сыктывкаре, пятнадцать лет — в педагогическом институте.

С 1968 года — кандидат искусствоведения (защита в Ленинградском институте театра, музыки и кино). В 1993 году В.А. Латышевой присвоена степень доктора филологии (Казанский государственный университет). Тема диссертации — «Межнациональная общность и развитие драматургии восточных финно-угров».

Сейчас работает профессором на кафедре филологии в СГУ.

Написала 14 книг и около 300 статей по коми литературе и искусству.

Просветительская роль интеллигенции коми в 1917–1930-е годы

Революция 1917 года обещала народу коми, как и другим финно-уграм, новую счастливую жизнь. Идея солнца, света, зари новой жизни царит в художественных произведениях этой поры. Сама революция воспринималась как освобождение из тьмы, пробуждение от сна. Любое проявление сил возрождающегося народа означало наступление новой жизни.

«Проснись! Разбей свои цепи рабских страданий, брат-зырянин!» — обращаясь к народу русский матрос Андрианов в письме к солдатам-зырянам (газета «Зырянская жизнь», 1918, № 6).

«Зарница воли, видишь, там блеснула,
Довольно спать...»

.....
Вперёд! На свет,
Там счастье, воля,
Там наша доля!

Вперёд! На свет! — восклицал в своём стихотворении поэт-правдист Леонтий Котомка (газета «Зырянская жизнь», 1918, № 25).

Н.Шахов в стихотворении «Вперёд!» (газета «Зырянская жизнь», 1918, № 4) призывал:

«...Югыд кузя, ѹозлы бур кузя
Югыдсо вылó век лэпты!»

«...Ради света, ради добра
Всё время разжигай огонь!»

Варыш («Ястреб») – псевдоним А. Маегова – в стихотворении «Локтё Коммуна» («Грядёт коммуна») звал:

«Югыдлань – водзлань! Тыр-долыд уджлань!..»	«К свету – вперёд, К радостному труду!»
--	--

Символика солнца присутствует в первых поэтических и драматических произведениях Нёбдинса Виттора:

Чолём тэныд, муса вёля! Чолём, югыд шонді...	Привет тебе, милая воля! Привет, ясное солнце...»
---	--

(газета «Зырянская жизнь», 1918, № 41) в стихотворении «Югыдлань!» («К свету»), написанном к годовщине революции, призывающем коми выйти на светлую дорогу новой жизни, в его пьесе «Шонділань!» (1918) – «К солнцу!» – в эскизе к его первой драме «Шонді петігён дзоридз косьмис...» – «На восходе солнца цветок увял...» В эти годы слово «свет» имел другой, более узкий смысл – народного просвещения – но и он составлял лишь часть овеянного романтикой революции главного лозунга «Вперёд! К свету!» – «К возрождению!».

Мунам, кён шондіыс югыда дзирдалё,
Мунам, кён войтырыс, отвыльсь пессьёмён,
Выль олём дорё... Код кёсёй олёмсö
Йёз вёсна пуктыны, код кёсёй вежёрсö
Миянкёд югдёны, – лок татчö,
Кыпёдам вылоджык юр вылё гёрд знамя,
Горёдам му пасьта: «Мувывса том войтыр,
Озыркёд косясьны миянкёд отутвтчой!»

Идёмте туда, где солнце ярко сияет,
Идёмте туда, где народ общими силами
Куёт новую жизнь... Кто хочет свою жизнь
Отдать за людей, кто хочет сознание народа
Просвещать с нами, – идёмте с нами.
Поднимем выше над головою красное знамя,
Крикнем на всю землю: «Молодость земли,
Встань с нами на борьбу с богатыми!»

42 номер «Зырянской жизни» (1918 г.) сообщает о том, что составлена зырянская азбука... Летом 1918 г. на средства устьсысольского и яренского исполнников заказан шрифт для типографии. С ноября в средних учебных заведениях города начал преподаваться зырянский язык. Специально организованной комиссией по созданию зырянской литературы для школ и народа составлялись книги на родном языке. Это были не только буквари и учебники. Придавалось большое значение рождению художественной литературы коми. Объединяли всех уже пишущих по-коми. Поощряли молодых поэтов. Благословили на сцену савинские пьесы. Читка пьес «Ыдҗыд мыж» и «Гудрасьём», эстетически ещё дале-

ко не совершенных, – здесь была принята как многозначительное, торжественное событие зарождения национальной драматургии (журнал «Войвыв кодзув», 1958, № 11, статья В.И. Лыткина).

Для бесписьменного и бесправного в прошлом народа, это было действительно событием огромной важности, поводом для национальной гордости и подъёма новых творческих сил. Комиссия боролась «за здоровое национальное чувство и пробуждение самосознания народа» (газета «Зырянская жизнь», 1919, № 4), переубеждала тех, кто отрицал существование национальной культуры, кто заявлял: «Зырянской литературы нет, если не считать десятка 2–3 сказок и стихотворений, не имеющих для развития человека никакого значения». В статье А.Надеевой в № 1 «Зырянской жизни», 1919, отрицающей необходимость обучения на родном языке, говорится: «Получается очень печальное явление: ученик, плохо владея русским языком, лишён возможности пользоваться богатейшей русской литературой...» Во введении преподавания на родном языке была доля консерватизма.

Но упрекающая «увлекающихся возрождением зырянской нации» Надеева была тоже неправа, не будучи знакома с положением вещей во всем Коми крае. А «лицом» его был не тот почти русский Устьсыольск, который она знала. Огромно было количество неграмотных, малограмотных тёмных зырян, – тысячи детей разного возраста, выраставших в этой сумрачной и культурно отсталой стране должны были приобщиться к великой русской литературе именно через свой родной язык, культуру и литературу. Иначе решить эту проблему было нельзя. И права была редакция газеты, утверждавшая наличие у коми «не бедной народной литературы» и необходимость новой родной литературы, нужной народу, как хлеб.

«Коми комиссия» вместе с уездным отделом народного образования старалась привить любовь и уважение к родному языку, издавая зырянский букварь и первую книгу для чтения... В книгу для чтения вошло много как оригинальных произведений авторов, так и народных, – писала газета. Кроме учебников у Комиссии имеется много зырянских сказок, десятки драматических произведений – как оригинальных (В.А. Савина «Ыджыд мыж», «Шыбель», «Гудрасьём»), так и переводных («Женитьба», «Бедность не порок», «Не плачьте над трупами павших»), которые были отпечатаны на гектографе и в десятках экземпляров распространены по Устьсыольскому уезду... (газета «Зырянская жизнь», 1919, № 59).

«В трудные годы голода, разрухи, свирепствующего сыпняка у коми народа зарождалась и умножалась литература. «Главными» жанрами её были стихотворение и драма. Творцами её – дети трудового народа: В.А. Савин, В.Т. Чисталёв, В.И. Лыткин, А.А. Чеусов, М.Н. Лебедев, А.А. Цембер, А.А. Маегов. Все они жили с народом, соприкасались с ним, кто мало, кто меньше, кто много и больше отдавали дань служения народу в разных видах и формах» (газета «Зырянская жизнь», 1920, № 3). Эти люди были, вместе с тем, ведущими деятелями народного просвещения коми. Вокруг них собирался большой отряд соратников.

Живое слово народных просветителей доходило и до Сибири, где давно обжились переселенцы-зыряне. Вот характерный отклик одного из тех, чьи предки вынуждены были в поисках лучшей доли покинуть родной край:

«Когда мне посчастливило увидеть газету «Зырянская жизнь», – не могу описать, как мое сердце забилось от радости, что и мы, зыряне, не забыты властью рабочих и крестьян. Когда я прочитал «Интернационал», переведённый по-зырянски, с гордостью сказал: «Честь и слава товарищам, которые постарались... Товарищи, все трудящиеся зыряне! Примите как от меня, так и от зырянского населения привет из глухого края Западной Сибири...» (газета «Зырянская жизнь», 1920, № 79).

В самом же коми крае развертывалась борьба за новую культуру: «Поднимемся же все вместе помочь нашим школам, как сможем! Дадим детям свет, пусть скорей сквозь землю провалится прежняя худая жизнь, горькая, тёмная жизнь, – обращался к народу в статье «Всяческое благо – от грамоты» Нёбдинс Виттор» (газета «Зырянская жизнь», 1922, № 158).

В стихотворении без автора «Рано ещё отдыхать» (думы), посвящённом коми коммунарам, говорится: «Мы, покуда живы, пусть устали и недоспали, – всё вперёд шагали, если есть ещё силы. Теперь, когда куётся счастье, ещё нельзя отдыхать. Очень тёмен коми народ; горькое горе всё ещё крутится вокруг него...» (газета «Югыд туй», 1922, № 151).

Заведующий областным архивом А. Цембер, пытаясь исправить «непростительную небрежность» общественности, объявлял в газете: «Собираю газету «Зырянская жизнь» за 1918–20 гг. Прошу оказать содействие в сохранении письменных и печатных памятников Коми края...» (газета «Югыд туй», 1922, № 185).

Профессор А. Грен, вместе с передовой русской интеллигенцией размышлявший о судьбах народа коми, с которым сблизила его жизнь, говорил «об осторожном приобщении коми к культуре»; об актуальности обучения «своих, любящих народ специалистов; о том, что необходимо немедленно же записать всю зырянскую народную литературу, подвергнуть её тщательному исследованию, старательно изучить зырянский лексикон, усиленно работать над зырянскими учебниками, улучшить зырянский театр...» (газета «Югыд туй», 1922, № 95).

На подмостках Народных Домов во время Кomi Рыт ставились комедии В. Савина по-коми. Шли здесь и переводные пьесы, звучали «Интернационал», «Песня о буревестнике» М. Горького,

«Тіянлысь Варыш кодъ
Полысътём съёлёмъяс,
Ошкам ми олём.
Тіянлысь, бордаяс,
Пёткаяс, лэбачьяс,
Сылам ми вылём!»

«Ваших, ястребы,
Бессстрашных сердец
Славим мы житьё.
Вашу, крылатые
Птицы,
Поём мы бытьё!»

Школьники здесь декламировали стихотворение М. Лебедева «Лэдз велёдчыны» («Дай учиться»).

«Хорош, богат, оказывается, наш коми язык, – говорили зрители «Коми Вечеров», ошеломлённые изобилием произведений и разнообразием дарований авторов. – Вот бы в деревнях устраивать такие «Коми Вечера»! Мы в деревне ничего не видим», – горюют сельчане. – По-коми-то вот всё до сердца доходит!» Взошла

уже утренняя заря, когда расходились. Все очень разговорчивы, хвалят «Коми Рыт», – рассказывает о своих впечатлениях автор заметки «Коми Рыт вылын» С.В. (газета «Югыд туй», 1921, № 1).

«Коми Вечера» – концерты вбирали в себя оратории, агит-спектакли, драму, комедию, лирическое стихотворение. Исполненные здесь частушки, народные песни, авторские песни В.Савина сразу становились народными. «Сыылём-ворсöм» (Игры с пением) М.Лебедева впервые ставились на Коми Рыт. Впервые зритель слышал родную речь со сцены. Коми Рыт были первой своеобразной местной формой театрализованных представлений, – театр постепенно вошёл в неё и постепенно затем вновь выделился из этой формы. Вошёл небольшими сценками, одноактными пьесами в качестве номеров концерта. А выделился по существу тогда, когда весь Коми Рыт стал занимать один спектакль, скажем, «Вабергач» В.Савина.

Коми Рыт организовывало и студенчество Москвы, Ленинграда, Перми. Пьесы коми авторов шли здесь с успехом, перемежаясь пением коми и русских песен. На этих вечерах начиналась дружба молодых специалистов финно-угорских народов: «...На вечере присутствовали студенты-удмурты (вотяки), среди которых был удмуртский поэт Герд. Удмурты спели вотские народные песни, поэт Герд продекламировал свои стихотворения на вотском языке. Товарищем Герда была произнесена приветственная речь по случаю I совместного заседания коми и удмуртов, некогда составлявших один народ...» (Илля Вась, газета «Югыд туй», 1922, № 185). В следующем номере газеты было помещено такое приветствие: «Коми студенчество Москвы шлёт горячее поздравление всем трудящимся Области... мы убеждены, что народ коми... будет решительно бороться с темнотой и невежеством... и добьётся полного завершения задач... во имя раскрепощения труда..., освобождения от цепей невежества и для приобщения его к единой семье трудящихся мира» (газета «Югыд туй», 1922, № 186).

Такова была новая интеллигенция. Её поддерживали мыслящие интеллигенты – русские и коми – прежнего поколения, сторонники национальной культуры, обогащённой культурой других народов.

«Как и московские, студенты-зыряне Петрограда «сказали своё слово», – писала газета о коми вечерах, – что народ коми, из среды которого они вышли, претендует на всеобщую культуру, хочет сотрудничать, плакать и смеяться смеем всего человечества!»

В газете «Югыд туй» № 68 (1923) поместил свою статью А.Цембер – русский интеллигент, проживший долгие годы среди народа коми, уважавший и знавший его язык, один из членов «Коми Комиссии». Он начал колебаться в вопросе, кто же прав – сторонники чисто зырянской культуры или сторонники «всеобщей культуры». Его статья интересна своей дискуссионностью:

«Как это красиво, – маленький народ, насчитывающий 1/4 миллиона человек, и у него есть свой язык, своя литература, он имеет возможность изучать на своём языке все науки и искусства. Куда ни пойдёт, везде родной язык: и в канцелярии, и в суде, и в школе, во главе этого народа самые лучшие люди, выходцы из этого народа, говорящие на родном языке...»

Да, мечтал об этом раньше, но суровая действительность разбила мои мечты. Мне говорили, что у зырян нет литературы, а без литературы – это язык дика-

рой, язык мёртвый, что на этом языке современный человек не может выражать своих мыслей. Приводили примеры – самый полный зырянско-немецкий словарь, составленный академиком Видеманом, заключает в себе только 60000 слов, и то половина слов – русского происхождения, тогда как русский, немецкий и английский языки имеют слов в 3–4 раза больше... Чтобы создать литературу, надо иметь издательский аппарат с десятками преданных делу работников, нужно иметь громадные средства, а их нет. А где ваши поэты и писатели? Их насчитывается очень мало, и их поэзия по сравнению с русской не намного дальше ушла от времён Державина, а до Пушкина ещё очень и очень далеко.

Я ничего не мог возразить своим противникам, и стал наблюдать, как относится зырянский народ и большая часть интеллигенции к своему родному языку. Резко отрицательно: «Не нужно нам зырянского языка. Русский язык дал нам всё. С зырянским языком недалеко доедешь». Так говорит интеллигенция.

А что говорит простой народ? Да то же самое. Крестьяне перестали пускать своих детей в школу. Там учат по-зырянски, а нам нужен русский язык, без русского языка мы жить не можем, как рыба не может жить без воды, а зырянский язык мы и так знаем», – говорят они.

Что говорят учёные люди, что говорит история? Они говорят: «Зыряне обрусают очень быстро, зырянский язык на 3/4 обрусл. Целые фразы, произнесённые по-зырянски, состоят из русских слов и понятны русскому, не знающему зырянского языка (поп ёбдня служит, писар клейт марка письмо выло). Если есть ещё женщины-зырянки, не понимающие русского языка, то мужчин-зырян, не умеющих объясняться по-русски, едва ли найдётся».

Все против, а кто же за? Да их очень немного. Вы их всех знаете. Если будете считать по пальцам, то из 10 ещё несколько останется.

Значит, нечего и огород городить, нечего навязывать зырянский язык. Издали приказ: в первые 2 года в школах обучать исключительно на зырянском языке, а обучать-то и не по чему. 2–3 тощие брошюры на зырянском, в них материалу только на 2 месяца, а не на 2 года. А какие трудности представляет из себя зырянский язык с новым зырянским правописанием, вновь составленной зырянской грамматикой, ведь это в тысячу раз хуже буквы Ѳ, и вот всем этим хотят затуманить детские головы.

Я начинаю соглашаться с теми, которые говорят, что зырянский язык – мертворожденное дитя. Если это так, то предоставим мертвца мертвцам, а мы, живые, пойдём через русский язык к всемирному языку» (газета «Югыд туй», 1923, № 68).

При всём своём благонамерении Цембер поддаётся противоположным взглядам.

Да, народ вынужден был чуть ли не проклинать свой язык, страдая от чиновниччьего государственного аппарата на протяжении многих десятилетий, не зная русского языка.

Искусство коми было ещё неотделимо от народного быта. Литература ещё не могла доказать своё право на существование, – можно заявить о своей жизнеспособности. Среди национальной интеллигенции были такие люди, как Агния Андреевна Суханова, учительница Поддельной волости. Она болела душой за детей

коми крестьян, заботилась о том, чтобы они учились, посыпала продолжать учёбу, уделяя на это деньги из своего жалованья (газета «Югыд туй», 1925, № 193). Суханова вела просветительскую работу и среди женщин коми.

В.Савин писал: «Агния Ондреевна зэв ёна радейтліс коми театр. Унась ачыс тшょштш ворслывліс, весиг гижліс коми пьесаяс дзик коми олёмьсь. Сылысь пьеса «Югыдлань» (челядь олём йылысь), ме чайта, уна сиктын ворслісны. Пыр волі тшょктö миянлы съёлёмысьджык босытчыны коми театр паськёдны, коми спектакльяс вёчавны.., шулывліс: «Менам эм юрын зэв лёсыйд тема эськё да, вай тi, Виктор Ольёксеевич, сiёйс гиж, ме тэнүйд коркё та йылысь висытала» (А.Суханова скончалась 3 августа 1925 г.) (ОНЬЁ АГНИЁС КАЗЫТЫЛЁМ. Газета «Югыд туй», 1925, № 130).

В 1923 г. Коми книжное издательство выпустило перевод драмы А.Неверова «Бабы», над которым работали В.Савин, А.Суханова и А.А. Чессов. Работа подобного рода не только учила писателей совершенствовать ремесло драматурга, но искать ценности родного языка, видеть характеры.

Споры о литературе и языке продолжались. Разговоры о «всемирном языке» и «всеобщей культуре» одних противостояли тем, кто стремился к национальной ограниченности. Не совсем прав был и «Коми морт», когда в своей статье «Грустная картина» (газета «Зырянская жизнь», 1918, № 42) говорил: «Кто знает наших устьысольских сельских учителей, фельдшеров, акушерок и проч., тот может подтвердить, что все они горят любовью к отечеству, готовы «положить живот» в борьбе за свободу..., устраивают любительские спектакли с постановкою пьес на зырянском языке.., но дальше этих узаконенных обычаем проявлений «народолюбия» дело не идёт, ибо идти дальше – это значит принять ближайшее участие в делах подлинного, а не воображаемого народа, жить его радостями и печалями, быть его бескорыстным другом-учителем, а не только учителем-аристократом, тип которого, к сожалению, так распространён среди зырянской интеллигенции».

Новая интеллигенция стремилась «от чистого сердца положить свои силы и знания на алтарь служения родине, на возвышение и просвещение земли коми» (газета «Югыд туй», 1924, № 39. «Мый шуисны коми студентъяс коми олём тёдмалём йылысь»). В своей деятельности она учитывала достижения русской культуры и стремилась «образовать» коми народ с их помощью.

А.А. Чессов подчёркивал гибкость и образность языка, богатого отлагольными формами. «Из каждого глагола с производными словами получается до 400 слов-мыслей, как в монгольском языке», – говорил он о своих наблюдениях над родным языком. Он отмечал прелесть «белых народных форм» стиха, подчёркивал особенно характерные для языка (с преобладающим в словах ударением на первом слоге) дактилический и хореический размеры. Он считал, что литература коми существует уже достаточное время, но только эта сторона её и изучается коми общественностью, что все выступления о коми литературе, к сожалению.., являются низкопробной публицистикой» (газета «Югыд туй», 1924, № 50). В ответ противникам издания литературно-художественного журнала, считающих его «роскошью интеллигенции», автор статьи заявляет, что журнал для «издания художественных произведений слова не является роскошью бедности, а грозной необходимостью в познании жизни людей».

В августе 1923 г. состоялась первая конференция писателей, которая постановила выпускать каждый месяц журнал «Парма ёль», который до сих пор выходил раз в 2 года. Это постановление не было проведено в жизнь в силу отсутствия средств (газета «Югыд туй», 1924, № 92).

В деревне люди тоже стремились к культуре, организовывали избы-читальни, собирая по две копейки с каждого на газету. Один из номеров газеты («Югыд туй», 1924, № 234) сообщает об особенной активности в этом деле женщин, которые поддерживали избу-читальню, собирая для этого масло, яйца, кудель. Громкое чтение газет привлекало старого и малого и превращало вечера в задушевные беседы обо всём, интересующем коми человека (газета «Югыд туй», 1925, № 19).

Неграмотные старики выписывали газету, которую им читали грамотные (газета «Югыд туй», 1925, № 78). Скоро эту функцию газеты стало исполнять радио (газета «Югыд туй», 1927, № 145).

Почта приносила в издательство много писем из воинских частей, в которых коми красноармейцы просили выслать газеты и литературу на родном языке (газета «Югыд туй», 1925, № 6).

В деревнях ставились спектакли по Савинским пьесам: «Гудрасьбом» (Переполох), «Шонді петігён дзоридз косьмис...» (На восходе солнца цветок увял...)

Проходили «суды над поджигателем леса», где в стихах и прозе обсуждался виновный «перед зданием сельсовета с красным флагом» и за столом, «покрытым красной материей», произносилось обвинение виновному. Инсценировка могла идти и под открытым небом (газета «Коми сикт», 1925, №№ 1, 3, 4).

Для сцены переделывали произведения русских писателей и поэтов-современников. Виктор Савин сделал, например, коми произведением «Гимн 1 мая» Вл. Кириллова. Он же инсценировал 5-актную драму Чижевского «Паук».

Вот как пишет некий Мих. Бойцов в своих «Дорожных набросках» об избачитальне одной из деревень: «В избе, опрятно и чистенько убранной, несколько человек молодёжи готовятся к спектаклю-вечеру... Прекрасно чувствуется, что работа кипит. Библиотека бедна новой литературой. Много читателей. Среди них – поп, который усиленно интересуется «Безбожником». Разве это не симптоматично?» (газета «Югыд туй», 1925, № 11).

Кооперативы, трактор, электричество, изба-читальня, кино, радио, спорт постепенно становятся обычными для деревни.

Илля Вась в стихотворении «Видза тэныд!» (Привет тебе!) – возвеличивал действительность, давшую всё это народу. Образы зари и солнца по-прежнему живут в художественных произведениях (газета «Коми сикт», 1926, № 19).

В.Т. Чисталёв взывал к самосознанию «лесных обитателей», ещё не откликнувшихся на «коми кыпöд» (коми возрождение):

«Пармаса войтыр,
Чудъ-коми котыр,
Морт-туйё
Асынтыö пуктой!...»

(газета «Коми сикт», 1926, №№ 25, 29)

Серьёзную роль в деле просвещения народа играло по-прежнему учительство. К учителю первому шли со своими печалями крестьяне. Учитель обнадёживал их, помогал, объяснял. Он вёл за собой молодое поколение коми. Образцом народного учителя был В.Т. Чисталёв из Помоздино – не только любимец молодёжи, но и всего населения волости, образованный и гуманный человек, талантливый поэт и прозаик. К нему шли со всем непонятным и новым: и с вопросами политики, и с бивнями мамонта, найденными на речке Чер-ю (газета «Коми сикт», 1927, № 33).

Нужен был крестьянину не только сельскохозяйственный календарь, который настоятельно пропагандировался Н.Шаховым, но и общественно-художественный журнал, из которого крестьянин мог бы почитать о сельском хозяйстве, о борьбе с болезнями, о жизни всех народов страны, где бы помещались стихотворения коми и коми-пермяцких поэтов, – те и другие «ждали такой журнал, как ясного солнца», – пишет Илля Вась в статье «Аддзой коми журнал!» (газета «Югыд туй», 1925, № 193). Автор возлагал на это издание большие надежды: «По-нашему, ещё одну очень большую работу проделает такой журнал: наш коми литературный язык ведь теперь, как топор, взятый из кузницы. Чтобы он рубил, его надо отшлифовать, наточить. Вот благодаря этому журналу наш коми язык станет острее, станет крепким, красивым будет. Окрепнет заодно и коми литература... – вокруг того журнала объединятся все коми писатели...» (газета «Югыд туй», 1925, № 193). Автор статьи попутно отмечает неопределённое положение коми театральной труппы, терпевшей кризис: она ждала помощи, без которой не могла продолжать свою деятельность. Илля Вась в затруднении: «Не знаю, кто виноват в этом... Не знаю и того, как будет дальше...» (там же).

В эти годы культурной интеллигенцией коми начинается переоценка того наследия, которое оставили философы, просветители и писатели прошлого века, выходцы из коми. В 39–40 номерах «Югыд туй» (1926 г.) помещается заметка, в которой даётся биография «европейски известного учёного, Георгия Степановича Лыткина, самого выдающегося до сего времени коми филолога, положившего основание коми литературному языку».

В 46 № газеты «Югыд туй» (1928) А.Чеусов пишет «Несколько слов о К.Ф. Жакове», определяя его как идеалиста-философа, «бесконечно далёкого от коми народа, от нашей эпохи». Но А.Чеусов считает, что К.Жаков для нас ценен тем, что «вложил свою лепту в дело создания коми литературы... Хотя он и писал на русском языке, но его великолепные рассказы и поэмы из коми быта, его мифология, навсегда останутся ценным вкладом в коми культуру».

В 1924 году вышел первый номер журнала «Ордым» (Тропа). Перед коми литературой, перед этим «малым дитя», которое ещё косноязычно, застенчиво, робко, – ведь оно нигде не бывало, кроме своей семьи (газета «Югыд туй», 1928, № 28, Илля Вась), открылось новое будущее. Теперь она могла придти к ещё большему числу читателей и к тем, кто просил через газету: «Дайте книгу ижмопечорскому крестьянству!» (газета «Югыд туй», 1928, № 15).

Родная литература с трудом проникала в народ. В избах-читальнях книг коми не доставало. Больше всего – по свидетельству селькоров – ощущался недостаток в пьесах и песнях. «Крестьяне интересуются родной литературой.

Просят спектаклей на коми языке, но постановка имеющихся пьес на деревенской сцене часто бывает затруднительна», – пишет Пахом Бабин из с.Краснобрск Ижмо-Печорского уезда.

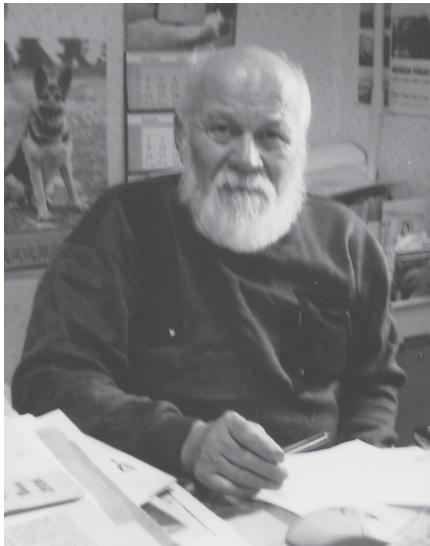
Серёговский селькор призывал, чтобы больше внимания уделялось чтению книг и газет, разделял возмущение пожилых посетителей избы-читальни села бесконечными репетициями спектаклей в ней. Тяга к книге не ослабевала. К коми национальной литературе люди начали предъявлять всё большие требования и в отношении количества и качества её.

Значительные успехи литературы вызвали к ней внимание учёных зарубежных родственных народов. В венгерском журнале «Madyar hylvöй» (№ 9–10, ноябрь–декабрь, 1925) была напечатана статья лингвиста Давида Фокоша под заглавием «Новая зырянская (коми) литература». «Если у остальных угро-финских народов, живущих в центре России, – говорится в статье, – развернётся такая же широкая духовная жизнь, и если у них найдутся трезвые и вместе с тем увлечённые своим делом руководители, как у зырян, то мы можем надеяться на широкий размах и рост угро-финского языкознания. Те записи и собрания отдельных слов и текстов, которые до сих пор собирались лишь с большим трудом во время специальных научных экспедиций, в будущем будут собираться самими научно-подготовленными сынами каждого отдельного народа, а нашим лингвистам останется только научно обработать предложенный ими в готовом виде материал» (газета «Югыд туй», 1928, № 28).

В мае 1929 г., в годовщину коми автономии, были премированы 5 лучших коми художественных произведений. Это историческая драма В.Савина «Кулёмдинса бунт», «Ён тыш» (Крепкий бой) Ичот Ивана, «Трипан Вась» В.Чисталёва как «прекрасное художественное произведение, рисующее психологию коми трудащегося крестьянина», «Сольё Микулай» Бия Ёгыра, коми поэта, по мотивам ненецких сказок, «Калым» Иливапыса, начинающего писателя (газета «Югыд туй», 1929, № 66).

Так постепенно набирала силы просветительская деятельность новой интеллигенции коми, – поэтов, драматургов, прозаиков, учителей, журналистов, собирателей, авторов первых букварей, словарей, публицистов, критиков, лингвистов, журналистов. Это был путь, полный лишений, препятствий, трудностей, недостатка, но, – мы видим, – начало его шло поступательно, вдохновляемое надеждой на неизбежность лучших времён.

Виктор Демидов

Виктор Демидов – журналист, поэт, писатель, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Автор повестей для детей «Росица в Розовой долине», «Росица едет на Север», «Ламмия – земля леммингов», нескольких сборников стихов... Возглавляя Интинское отделение «Мемориала», нередко посещал Адак – место ссылки Виктора Савина, организовал установку и освящение на месте инвалидного лагпункта памятного креста...

К 170-летию со дня рождения коми поэта мы печатаем воспоминания Виктора Демидова, посвящённые савинской теме.

Колючие звёзды Адака

Глава 1. Первое приобщение

«Ты в малице родился, корреспондент!»

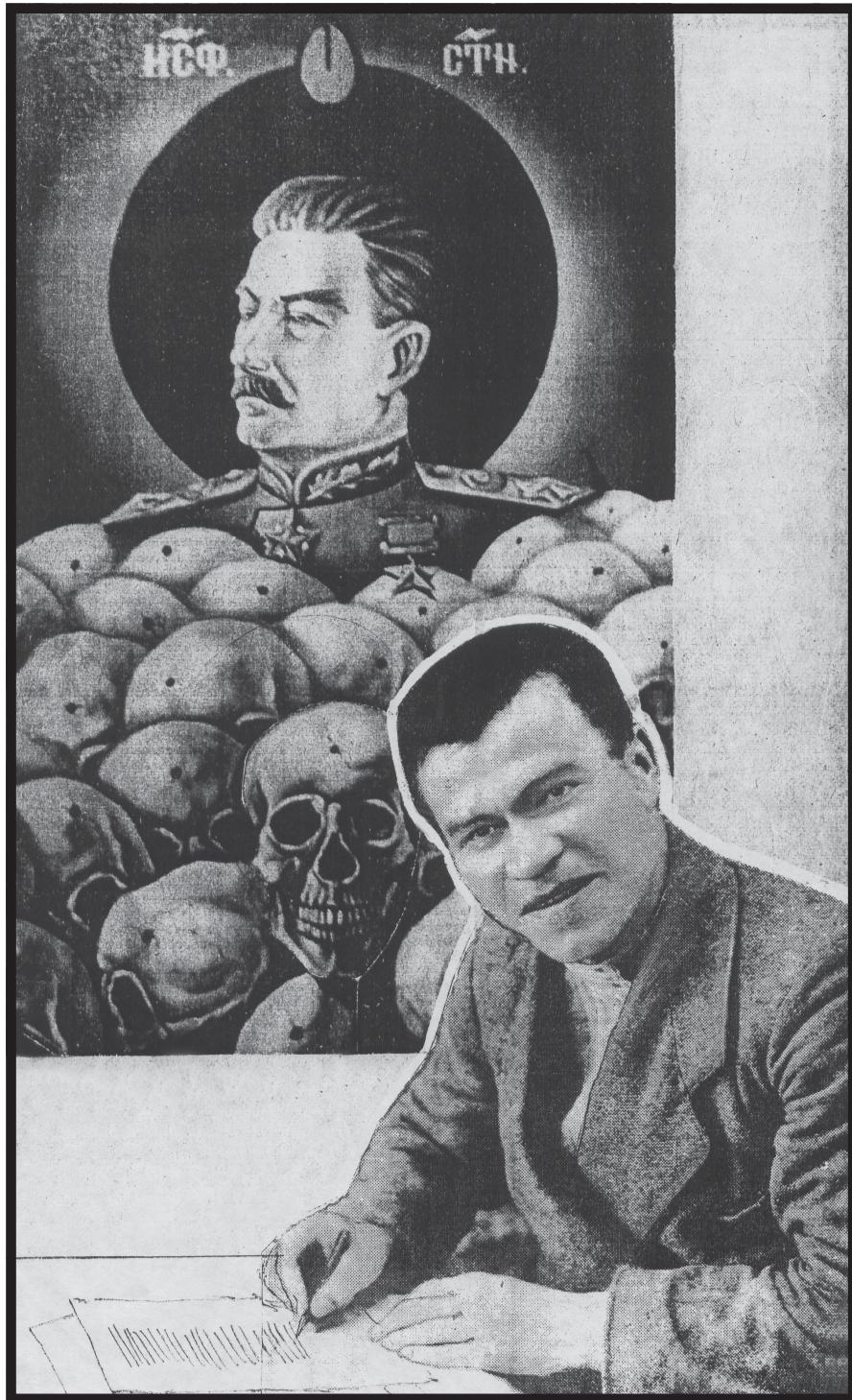
Водное крещение в Усе. Здравствуй, Адак!..

Впервые колючие звёзды Адака я увидел в конце апреля 1962 года и, может быть, только сейчас осознал их.

Красно-зелёные и крупные, точно зыбучие морские звёзды, колыхались они в чёрной и тяжёлой усинской воде. Серовато-зелёный парок курился над промоиной. В ней мокли носки моих валенок, а сам я по-пластунски выгребался из снежной каши подальше от истончённого льда. Туда, где щупленький, похожий на подростка, и горластый возница успокаивал храпящую мохноногую лошадёнку. В критическую минуту, когда подломился лёд, он гикнул-свистнул на неё, как сказочный Соловей-разбойник, и перепуганная Сивка-бурка чудом вздрогнула нашу грузовую нарту вверх, на матёрый лёд, с подломившегося закрайка... Всё произошло настолько быстро, что я даже не успел сообразить: сам ли я катапультировался вправо от полыни или выбросило меня от резкого рывка лошадки...

– Шевелись, корреспондент, – подбадривал возница, – ты в малице родился!.. Долго жить будешь!..

Ощущив под собой твёрдую корку наста, я осторожно встал, вытряхнул из рукавов набившийся в них снег... На вялых, подгибающихся ногах подошёл к задку нарты и плюхнулся на него. Снял один валенок, второй... Вытряхнул влажную снежную... Всё случилось так быстро, что вода, по счастью, не попала

внутрь, а снаружи схватилась ледяной корочкой. Можно жить и радоваться жизни.

...Мой ясовей – ведущий – поправил перепутавшуюся сбrouю, втянул руку внутрь старенькой малицы, пошарил там, вытащил портсигар и щёлкнул крышкой:

– Кури, корреспондент!..

Влажные спички ломались и гасли. Наконец мы раскурили копеечные папироски-«гвоздики», уняли запоздалую дрожь в коленках... И тогда старик показал рукой в сторону коварной промоины и произнёс со значением:

– Вот оно это самое бучило-кружило и есть. Самый омутице!.. Адак, – одним словом... Сколько жизней, сколько судеб тут поломано, – не счасть!..

Помолчал, вспоминая ему одному известное, цыкнул на лошадёнку, и мы со скрипом – мороз крепчал – тронулись...

Дорога укачивала, убаюкивала, но нельзя, ни в коем случае нельзя было засыпать... Вскоре она пошла в гору, в полусонные глаза приветливо мигнул мутный огонёк в окне... Возница крикнул «Тпру!», лошадь встала, открылась войлоком обитая дверь, и мы вошли в контору Адакской зверофермы...

В ней было натоплено и сумеречно. На печке стоял большой чайник. Рослый, похожий на складной деревянный метр, директор Владимир Зезегов нас взбодрил, угостил густым и пахучим чаем, занёс из коридорчика охапку берёзовых дровишек:

– Покажется прохладно, – подтопите!..

Бросил на дощатый самодельный диванчик белый совик из оленевых шкур:

– Устраивайтесь!..

Не раздеваясь, в брюках и свитере, я нырнул в совик, как в спальный мешок, и поплыл в нём, будто в ладье по заснеженной реке. Неспокойно спалось мне. Всю ночь, казалось, вздыхал дом, поскрипывал дощатый диванчик, шептались в углах смутные тени...

Раненько, ещё за окном не меркли крупные и колючие звёзды, разбудил меня возница. Мы с северной основательностью попили чаю, осмотрели в клетках песцовое и чёрно-бурове лисье хозяйство Владимира Александровича и по морозцу тронулись в путь.

...Вспоминаю самодельный стол, за которым мы чаевали. Такой же диванчик, на котором я провёл ночь... И теперь понимаю: они достались звероферме в наследство от инвалидного ОЛПа, то есть отдельного лагпункта... Они могли хранить тепло рук и дыхание Виктора Савина. Но тогда я не был готов их расслышать...

Глава 2. «Солнцеликая ты, жизнь!»

Первая встреча со стихами Виктора Савина

Роскошны северные снега ночью. Кажется, что не снегом, а лучистым звёздным светом усыпана просторная Уса. Блистательно – нестерпимо для глаз – сияют они в лучах низкого зимнего солнца. Каждая снежинка смотрится гранёным алмазом и разлагает свет на радужные составляющие.

– Не засматривайся – заболеешь снежной слепотой, – предостерегает возница. Сам он слепил веки пууще ненца и лишь иногда сквозь узёхонькие щёлочки

посверкивает голубыми иголочками взглядов. Заинdevелая, подкормившаяся и отдохнувшая за ночь лошадка бодро семенит по хрусткому санному следу. Он проложен по неторопливому плёсу, лёд здесь ещё надёжен, можно доверится её чутью...

Но как не залюбоваться извилистыми голубыми кромками леса, тут и там вспархивающими стаями куропаток – тогда они были ещё тысячными!.. Полярные птахи белее розовых – на свету – и голубых – в тени – снегов!.. Как не залюбоваться покатыми волнами сугробов – ни сориночки, ни пылиночки – совершенная, сверкающая, блестательная чистота!..

Поворот, ещё поворот... Зафыркала, прибавила шагу Сивка-бурка... Долинный сквознячок ударил по ноздрям запахом берёзового дымка. А вот и столбы дымов подпирают золотисто розовое небо...

Деревня Адзьва, в отличие от Адака, расположилась на низменном берегу и снизу – со льда – смотрится неким градом-Китижем, поднимающимся из самой реки. Тем более, что заснеженные Уса и берег слились воедино.

В Адзьве мы попали с «корабля – то есть с нарты – на бал»: вся деревня сгрудилась в одной керке. Адзьвавомский сокол – высокий симпатичный парнишка – высмотрел и высовывал в их селе чернобровую «белу лебёдушку». Свадьба ещё не пела и не плясала. Она шумно взыхала... В запечи бабушки, похожие на княгинь в парчовых сарафанах и высоких кокошниках, расплетали невестушке её косы. И навзрыд причитали при этом, будто не на любовь, не на радость, не на счастье провожают её, а на муки, на погост ногами вперёд собираются выносить...

Возница перевёл речетатив бабушек: «Туда дорожка вольная, вдвоём на зорьке торена, оттуда тропка узкая – не убежишь и шустрая...» Его смысл, как и в русских обрядовых песнях, – тяжкая женская доля замужем. Мужики, дескать, там все злые, топорами секутся, и по будням там дождь, и по праздникам дождь...

Хотелось бабушкам возразить, но в чужой монастыре со своим уставом не ходят. Да и не дали нам рта раскрыть. Набежали дружки и подружки, освободили место за столом рядом с родными. Поднесли по стакану горячего чёрного чаю и по стопке самогона – испытанное средство, чтобы выгнать напрочь стужу зимнего пути...

А там гармонист развернул алые меха гармони, молодые грязнули «Шондібаной»...

Шоныд паччёр вылын
Пöрысь пöчö дзёрö.
Мыйкё, кылё, сылё,
Муртса вомыс вörö:
«Шондібаной...»

Немудрено, что бабушки стушевались. В переводе Глеба Пагирева отрывок звучит так:

«На печи сидит старуха,
Вся трясётся, а поёт.
Напевает бабка глухо,
Еле раскрывая рот:
«Солнцеликая...»

Свадьбе стало тесно в душных стенах, она выкатилась на улицу, на специаль- но расчищенную от снега площадку, в мороз за сорок градусов... Задорное, пожа- луй, даже задиристое пение и бурный пляс продолжались прямо среди сугробов... С губ поющих и танцующих спархивали белые фонтанчики дыхания. Гармонист наяривал широкими аккордами, сжатыми щепотью пальцами через узорчатые вязаные варежки. Стар и млад раскраснелись, развеселились... Парни и девчонки дурачились, перекидывались комками снега, валялись в нём...

– Запомни, корреспондент, это имя – Нёбдинса Виттор-Виктор Савин... Гово- рят, что Савин сгиб и похоронен на Адаке... Но имя его не затерялось в снегах. Потому что никто лучше него не передал жизнелюбия коми морта – коми челове- ка...

И ещё запомни имя и отчество вон той девчоночки, что скромнёхонько сидит на печи, – скорей всего, в честь Савина её назвали Поэмой Викторовной... Может, она ещё напишет и напоёт свои «Шондібаной»...

Вместе со всеми мы навеселились, наугодились варёной и мороженой олени- ной, рыбной и мясной строганиной, тёмным варёным куропачьим мясом и янтар- ной морошкой... Командировочное задание подстёгивало...

Вниз по Усе, в Адзъявом – родную деревню жениха, мы ехали, как плыли, не в низких розвальнях, а опять же – в нарте на высоких копыльях... Розовато- голубые снега шептались, источали влагу, она собиралась в подснежные струй- ки... Казалось, само апрельское солнце нашептывает пробуждающейся реке по- таённые песни весны... Возница мой был задумчив и даже чуточку печален.

Наверно, в эти минуты постучалась в мою душу первая строчка стихов: «Он стал водой, он стал травой, скулой отвесной кручи...» И вторая: его – Виктора Савина – уж нет, но он живой строкой своей певучей...

Глава 3. Вячеслав Канев по прозвищу Крокодил

*Первая и единственная встреча подневольного
вольняшки из Косьювома с невольником Савиным в Адаке*

Поныне, к счастью, здравствующий и мойуважаемый первый редактор Интин- ской городской газеты «Искра» Василий Алексеевич Пыстин понимал и поддер- живал молодых сотрудников. Он запросто превращал их в зубастых «волков» и «зубров» журналистики.

Брал за шкирку и бросал в ледянную воду: – Плыvите!..

И мы плыли. Нам ничего кроме его доверия и не требовалось.

Однажды Василий Алексеевич вызвал меня в кабинет, задумчиво потеребил чёрные атласные нарукавники, защищавшие белоснежные рукава рубашки от липкой типографской краски, и поставил задачу:

– Поезжай-ка ты, Виктор Иванович, в Косьювом, найди там инвалида Вячес- лава Канева, хорошенъко распроси его и привези материал о том, как встречался он с Виктором Савиным в Адаке...

Я перелистал подшивки республиканских газет, взял на заметку всё доброе, написанное ими в последнее время о Савине... И назавтра, ближе к полудню, уже

подъезжал на совхозной лошадке к Косьювому, тогда ещё сплошь бревенчатому, разбросавшемуся по косогору при впадении Перекатистой Реки – Косью в полно-водную Усу... Бросил мохнатой и рыжей лошадке охапку сенца, чтоб подкормилась на обратную дорогу, и привязал её у сельсовета.

Александр Иванович Пархачев, тогдашний директор школы-интерната, согласился проводить меня к Вячеславу Каневу и сыграть роль переводчика с коми языка на русский...

Вячеслав Канев как-то боком сидел у окошка, выходившего на заснеженную и освещённую солнцем Косью, попыхивал «беломориной»... Для него это было окно в большой и малодоступный мир. Односельчане довольно точно прозвали его Крокодилом – был он полупарализован, целыми днями то сидел у окна, как бы в засаде, то бочком-бочком перемещался от окна к столу, от стола к кровати... Да были, видимо, и какие-то внутренние черты характера, подтверждавшие деревенское прозвище... Говорят же на селе: не будь, как крокодил, всё к себе да к себе, а будь, как пила, – то к себе, то к товарищу...

Общими усилиями мы с Александром Ивановичем разговорили хозяина и узнали следующее.

С детства подрастал он хилым и болезненным... Призывной комиссии с одногодками не прошёл. А когда здоровых односельчан призвали на фронт, его направили в Кочмес, сельскохозяйственный ОЛП, чуть выше по течению Усы... В силу физического нездоровья от него немного было проку в охране, но зато он был усидчив, удобен в кантоне и его сделали писарем. Однажды из «Инталага», из посёлка, ещё не ставшего городом, приехала «двойка», которой предстояло вершить скорый суд в инвалидном лагпункте Адак. Для пущей «законности» писаря Канева взяли с собой «третьим».

В составе «тройки» он и попал за колючие ворота Адака. И первым человеком, которого встретил там Канев в жилой зоне, был Виктор Савин. В своё время они встречались с Савиным в Ижме по каким-то комсомольским делам. Канев не сразу узнал исхудавшего, седой бородой заросшего Савина. Но у него хватило мужества не отказаться от знакомства, а наскоро перемолвиться с ээком. Хоть и вольняшкой Канев прибыл в лагпункт, но – по сути – таким же подневольным человеком только с другой стороны колючей проволоки. Вячеслав успел изумиться: «Вы тут?!»

«Как видишь», – ответил Савин. В потрёпанной фуфайке и растоптанных валенках, в повидавшей виды шапке-ушанке выглядел ээк Савин серым, усталым. В глазах таилась боль, но не угас живой огонёк. «Может ему, – Канев показал большим пальцем вверх, – надо написать?!» Савин безнадёжно махнул рукой. Дескать, обращались уже многие к отцу народов, – и всё без толку...

Канев успел тайком сунуть в руку Савина обломок пайкового сухаря...

После скорого и неправого суда «тройка» сразу уехала в Косьювом, потом – в Инту, а Канев вернулся в Кочмес, в лагерь, где служил писарем. Ныне известно, что некоторое время Виктор Савина проездом пребывал в Кочмесском лагпункте, возможно, по дороге к станции Абэзь, откуда, скорее всего, начался его долгий и трудный путь в Сибирь, в феврале 1943 года. Но Канев ничего об этом не сказал. Видимо, кратковременный заезд Савина в Кочмес и служба Канева не совпали по времени.

У этой истории было и по сей день остаётся загадочное продолжение.

В том же 1943, скорее всего, в апреле Вячеславу Каневу подвернулась оказия вновь побывать в Адаке. А может её – эту поездку – подстроили с некой тайной целью. Ехал туда Канев с тайной надеждой проведать Виктора Савина. И был там огорожен сообщением знакомого старшины-инвалида: не то хромоногого, не то одноногого. Как бы по большому секрету, тот поведал ему:

– Знакомец-то твой приказал долго жить: дистрофия да язва подкосили...

В этом нельзя было усомниться, поскольку доходяги умирали там, как муhi. Цитирую Мартиролог «Покаяние»: «... Начальник лагеря (с 1938 по 1943 год) капитан безопасности Тарханов Л. А. распорядился сразу же отправить инвалидов на лагерную командировку в Адак. К этому времени такая практика была уже обычной. Лагпункт Адак надолго становился чисто инвалидным. Никто из его обитателей обратно на волю не вышел...»*

– Ты ведь – коми... Пойдём, могилку покажу, – позвал старшина. И Канев, как потерянный, побрёл за ним в сторону пекарни, потом – за ручей.

– Тут он и успокоился, – подтвердил старшина у отдельного, хорошо ухоженного холмика. И не на горке за бараками и колючкой, где хоронили всех, оставивших неправый мир, а на цветастом пригорочке за текучим ручьём Малым Адаком... Лет через десять я нашёл ту – предполагаемую савинскую могилку – в полной исправности и положил на неё неподалеку – на любимых покосах Виктора Савина сорванные белые ромашки, голубые незабудки, колокольчики и алые метёлки иван-чая... Это – явно персональное – захоронение отличалось от других тем, что было обложено по бокам окатанными валунчиками с берега Усы, и полевые цветы прорастали меж выбеленных временем камней памяти...

«Я иду зелёными лугами, – вспомнились савинские строки, – там земля усыпана цветами...»

Поговаривали, что хромой или одноногий инвалид-старшина потом служил и прижился с дочерью в Абези. Много раз я пытался найти его, но так и не преуспел. Даже, если бы бывший вохровец и был свидетелем смерти или отправки Виктора Савина тайком по этапу на Абезь или Кожву, он никогда бы не открылся. Поскольку давал подпись о неразглашении служебной тайны. Кто же по доброй воле признаётся в причастности к преступлению против национальной гордости народа коми?!

...Давно уже – официально подтверждено начальником отдела УВД Томского облисполкома А.А. Кормильцевым время и место смерти В.А. Савина: 11 августа 1943 года, лагпункт Тайга Кемеровской области. Летом 2006 года на нём – предполагаемом – побывала маленькая экспедиция Сыктывкарского и Корткеросского «Мемориала». И внук и тезка Нёбдинса Виттора Виктор Савин прибил на массовом захоронении доходяг персональную табличку с именем деда.

Но и по сей день мучает душу сомнение: кому и зачем понадобилось создавать и правдоподобно обставлять до сих пор бытующую легенду о смерти и захоронении Виктора Савина, Нёбдинса Виттора, на просторной Усе, на Адаке?..

---

* Покаяние, Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий, том 1, стр. 85.

Глава 4. Он мне родной в своих делах

Первое приближение в стихах к имени Виктора Савина

Как дома, встарь – в смоленской деревне, я возвращался из Косьювома в Инту, не торопил лошадку, любовался зимними красотами, наслаждался снежной – слегка скрипучей, но не скрипичной – музыкой дороги... Раздумывал над словами Вячеслава Крокодила о том, что он предложил Виктору Савину обратиться с письмом к Сталину. В голове вертелись строчки, навеянные письмом Татьяны к Евгению Онегину: «Я к вам пишу, товарищ Сталин, невольный коми человек, зачем нам шёт дощатый саван неверный наш двадцатый век?...»

Метров полтораста не доезжая до Нечавома, увидел на берёзовом суку над самой дорогой, прямо над собой громадного чёрного глухаря с раскрытым клювом и вывернутым на меня жёлтым глазом... Подхлестнул коня вожжой, ввалился как снег на голову в квартиру к добруму знакомцу Михаилу Филиппову. Тот мгновенно собрался, прихватил ружьё с патронташем и лайку и минут через сорок вернулся с добычей.

А в моей памяти шла невидимая работа, осмысливался разговор с Вячеславом Каневым, что он сказал да как сказал... Перед глазами вставали известковые кручи Адака, пустые глазницы заброшенных печей для обжига известни, развалины кирпичного завода... Оттуда в савинские и послесавинские времена шёл кирпич на строительство так называемого офицерского дома в Инте, на улице Кирова, напротив памятника Сергею Мироновичу...

И постепенно мной овладели другие, когда-то ещё на заледенелой Усе пршедшие сроки. Они обкатывались в душе, как галька в реке, много-много лет, и только сейчас я предлагаю их своему читателю:

Он стал водой, он стал травой, скулой отвесной кручи...	и нерестовый зельди [*] ход, как пел он горд и светел...
Его уж нет, но он живой строкой своей певучей...	Он мне родной в своих делах, в своём бореньи истом, корнями вросший
Восходит день. Душа поёт Усу и алый теплоход,	в наш размах, а короной – в небе мглистом...
подъёмный встречный ветер	

А в Инте, прямо в редакции, судьба готовила мне сюрприз...

---

* Зельдью на Усе называют ряпушку, которая нерестится в Адакской яме и которую, вне всякого сомнения, ловил Виктор Савин в приварок к котловому довольствию начальства и собратьев по несчастью. «В пору такую люблю я ночами, в лодке подальше уйдя от причала, удочкой знатную рыбу ловить, крепкие сети в глубинке травить...» – писал он в добрые времена... А на Усе, я думаю, Виктор Савин шёл бережничим с верёвкой невода или сидел в лодке на одной скамье рядом с таким же подневольным – только солдатом по приказу владельцы окрестных мест – начальника ОЛПа...

Глава 5. Чёрным лесом, белым бором...

Мой первый и, скорее всего, последний перевод стихов из «латинизированной» книжки Виктора Савина...

В минуту особого доверия подошёл ко мне в редакции старый печатник Интинской городской типографии Юрий Алексеевич Сорвачев.

— Ты,— говорит,— вроде Виктором Савиным заинтересовался. А видел ли ты хоть раз его — при жизни изданную — книгу?!

— Не привелось,— отвечаю честно,— в библиотеке-то их не найдёшь!..

— Ну так смотри,— разворачивает клеёнчатую, а затем — рыжую бумажную обёртку, взвешивает на ладони и из рук в руки бережно передаёт довольно объёмистую книгу, излучающую аромат не самых лёгких времён.

Формат — стандартный для учебника. Обложка толстая картонная, то ли затёкшая, то ли поджаренная на огне, то ли то и другое вместе... Уголки будто бы обуглены, точно книжку когда-то выхватили из огня... Бумага толстая, похожая на обёрточную, и от возраста словно бы поржавевшая... Шрифт и привычный — так называемый латинский — и непривычный, поскольку не приходилось мне до того видеть им напечатанные коми стихи...

Выпросил я у Юрия Алексеевича книжку на подержание при условии хранения в сейфе, сам налюбовался и пошёл поделиться радостью к управляющему городской статистикой Феликсу Базову. Я знал, что он довольно просвещённый коми человек и скорее всего владеет «латыницеей»...

Феликс Васильевич так и этак повертел, даже понюхал избранное Виктора Савина и под тем же условием — не затерять, не присвоить — выпросил редкую книжку на недельку-вторую у меня. И я оставил её на пару дней при условии, что непременно сохранит и переведёт на русский хотя бы один стих, который ему самому очень понравится.

Спустя несколько дней Базов зашёл в редакцию. Из возвращённой, тронутой ржавчиной времени, книжки торчал белый-пребелый листок в клеточку... Как оказалось, подстрочник тогда ещё неизвестного в переводе Г.Гончарова стиха «Вырос я в глухой сторонке» («Чужи-быдми сьёд вёр шёрын»)... Мне очень понравился ритм и словесный рисунок стихотворения, его интонационная близость пушкинскому «Буря мглою небо кроет...». Я постоянно твердил его на работе и по дороге домой...

Кстати, как рассказывал Вячеслав Канев, была такая привычка твердить себе под нос свои стихи и переводы чужих в лагере и у Виктора Савина...

...Однажды я спросил у частого автора городской газеты — железнодорожного ревизора Мельниченко: «Как жизнь?» И он сходу ответил пословицей: «Как у гороха при дороге — кто не идёт — тот и щиплет!..» Меня поразила эта фраза. Она точно и образно определяет отношение к Савину литературной критики и политической конъюнктуры, его творческую и житейскую судьбу: серость талантов не жалует!.. Тут же сложилась строка: «У гороха при дороге — ущемлённая судьба...» А за ней — сам собой пришёл и весь перевод...

В один из юбилеев Виктора Савина «Искра» напечатала стихи по-коми и по-русски. И Феликс Базов специально зашёл в редакцию сказать: «А мне твой перевод нравится!.. Ты — молодечь!.. Атьте!..»

По-коми...

Чужи-быдми съёд вёр шёрын,
Деревнясь петі,
Новлі чорыд, сера дёрём,
Визя гач да коті.

Муртса сувті ас кок йылло,
Удж пыр меным вичмис:
Зыбка дорын ёвво съывны,
Ичёт кага видзны.

Кага бёрдо, ачыд бёрдан,
Гораджыка горзан.
Пожом ѹёлён сюрысь вердан,
Косджык рузум корсян.

Бёрдысь кага дыр оз бурась,
Абу сылён ланьтём;
Керка ѡдзёс швачкан бура,
Пыштьян ворсны няйтён.

Үджыд мамыд корсяс тэнё,
Юалас: «Кён вокыд?»
Вёсныыд ньёрийн шлачкас сэні,—
Луддзас кыкнан бокыд.

Рытын мамоуд жысь воас,
Ваяс льём да ѿмид...
Сэтшом волі челядь вояс,
Казытывла на ѿнодз.

И по-русски...

Чёрным лесом, белым бором
нетореные пути...
В лапоточках сирых в гору
пришлось тропочку вести...

У гороха при дороге –
ущемлённая судьба.
Только встал на свои ноги –
запрягла меня изба...

Хочешь есть – так поработай:
зыбки шаткой маята,
до горючего до пота
скрипota и нудота...

– Братик, спи!.. – А братик – рёву...
Он ревёт, и я реву...

Зреет мысль: задать бы дёру
на траву – на мураву!..

Молочком пою – томленье!..
Пеленаю, как могу.
Когда кончится терпенье,
я на выгон убегу...

Заиграюсь... Бабка сыщет:
– Так-то братца бережёшь!..
Прутник жиденъкий просвищет –
бока болью обожжёт...

Ввечеру пылит дорога,
сонно бродят облака...
Вижу мать мою с порога,
необласканный пока...

Она, усталая с работы,
входит с ягодой во двор...
Память детства – память пота
саднит в сердце до сих пор.

...Четверть века прошла с той поры, как сложились эти стихи, но мне они – простые и непритязательные – дороги. Почему?.. Да потому, что в детстве Виктора из Нёбдино я узнал своё – Виктора из Приселья детство, память которого я принёс в этот край... Как сказалось в одном из моих последующих стихов, – судьбой, в которой Север крайний еловым семечком пророс... И я, честно сказать, не знаю чью мать – Виктора Савина Анну Петровну, или Василису Васильевну, мою собственную, пело моё сердце...

А обожжённую огнём прижизненную книгу стихов Нёбдинса Виттора я вернул Юрию Сорвачеву, а он – сохранившей её под стрехой родственнице Нине Александровне Синявской, жившей в ту пору по улице Свободы, во втором доме от улицы Интернациональной... Книга вынырнула из забвенья и ушла в него. И трудно сказать, есть ли хотя бы в Национальной библиотеке другой такой экземпляр?..

Глава 6. Книги, которые жгут, вечно живут

Покаянное слово пионерского активиста, которое проливает свет на возможное происхождение редкой книги

Когда-то Юрий Сорвачев работал в республиканской типографии. Как передовика производства, его направили на укрепление Интинской типографии. Родственница, жившая тогда в Сыктывкаре в частном домике по улице Слободы, как оберег, как семейную реликвию, которую надо непременно сохранить, и вручила ему перед отъездом савинскую книгу. Сама она много лет тайно сберегала её в клеёнчатом пакете под стружкой... Этот маленький подвиг памяти и верности мог бы обойтись ей очень дорого – лет этак в десять Ухтинских или Интинских или Воркутинских лагерей... Она не раскрыла родословную книги, просто строго-настрого наказала племяннику, что ли, дальше хранить её...

Встреча, которая лет двенадцать назад случилась в Корткеросе, может быть, проливает свет на происхождение «латинизированного» сборника стихов Виктора Савина... Как-то в добрую минуту нос к носу столкнулись два хорошо знакомых человека: старожил села Михаил Васильевич Нестеров по прозвищу Еджыд (Белый) Миш и Анатолий Антонович Смилингис – краевед и патриот. И поведал Михаил Васильевич Анатолию Антоновичу историю, которая много лет тяготила его. До-точный Смилингис слово в слово записал и сохранил исповедь Еджыд Миша.

– В Корткеросской средней школе, – рассказывал Михаил Васильевич, – меня считали примерным пионером. Я всегда носил галстук, активно участвовал во всех мероприятиях, мне вообще нравилось быть деятельным...

Не помню, в каком году (скорее всего – в 1938-м), после уроков всех нас созвали на линейку... Перед нами выступил директор школы. Он сказал страшные, невероятные слова о том, что Виктор Савин, стихи которого мы учили и песни которого дружно распевали на уроках, есть враг советского народа... Что он продался международному империализму и даже является фашистским шпионом... Что все его произведения есть оружие буржуазного национализма, с помощью которого он и другие пытаются свергнуть советскую власть. Поэтому всем нам надо быть бдительными...

Потом выступила наша учительница. Она приказала пойти по домам, собрать все книги и учебники, в которых есть произведения Виктора Савина. Кто больше соберёт и принесёт в школу таких книг, будет считаться лучшим пионером – борцом с международной контрреволюцией...

Сначала я перерыл все полки дома и нашёл три книжки, два учебника и газету. Потом обежал соседей и добыл у них ещё несколько книг.

Когда с чувством исполненного долга я подошёл к школе, группа пионеров и учительница складывали принесённые книги в одну кучу во дворе. К вечеру эта горка поднялась мне до пояса. Мы все удивились, как много вредной литературы сумел распространить Савин в нашем селе...

Когда подошли последние сборщики, нас снова построили на линейку, вынесли пионерское знамя... Под звуки горнов и барабанов начался митинг... На этом злополучном митинге похвалили меня и ещё одну девочку. По недомыслию мы умудрились собрать больше всех савинских книг. Во всеуслышание нам объяви-

ли благодарность. А потом мне вручили спички, и под барабанный бой я зажёг эту огромную книжную гору... У жарко полыхающего костра мы пели Интернационал и гордились тем, что принимаем непосредственное участие в борьбе с международным империализмом...

— Стыжусь тем, что тот недобрый день был в моей жизни,— закончил Еджыд Миш покаянное слово.

...Что тут добавить?! Ушли в мир иной и Савин, и те, кто оболгал и осудил его, кто собирал, сжигал и кто выхвачивал из огня его творения, а они живут — неистребимые и нетленные — и учат нас Добру, Справедливости и Милосердию...

Совсем недавно в прочёсанном примерными пионерами Корткеросе мне подкинули к порогу дома прижизненный сборник Виктора Савина: стихи и ноты песен, которые с той далёкой поры и по сей день звучат, как народные... Чтобы его сохранить, хозяева просто сорвали обложку и хранили у всех на виду: ну кто позарится на книжку-растрёпку?! И я думаю, в какой из музеев передать эту реликвию, чтобы сделать её доступной тем, кто пел, поёт и будет петь на языке своего народа.

Глава 7. «В Адаке был такой человек Савин...»

Сколько стоит рассказать анекдот?.. Борису Перельману он обошёлся в десять лет лишения свободы и пять — «по рогам» — поражения в правах. А если бы не рассказал, может, никогда бы и не встретился с товарищем по несчастью Виктором Савиным.

Адрес Бориса Перельмана мне дали в воркутинском отделении «Мемориала», сказали, что он «тянул срок» в инвалидном лагпункте Адака и вполне мог пересечься с Виктором Алексеевичем Савиным. Жил он после освобождения в Пскове, на Комсомольском переулке. И наверняка, в добрую минуту иронизировал над таким зигзагом судьбы: именно в комсомольском возрасте его — бывшего фэзэушника отправили куда Макар телят не гонял за... контрреволюционную пропаганду.... Повод был банальнейшим. Закончив ФЗУ, фабрично-заводское училище, он приехал работать на Смоленщину, на фанерный завод. Дали ему комнату в общежитии. В ней он не поделил койку у окна с такими же, как сам, бывшими «фабзайцами». «Ты ещё пожалеешь об этом!..» — пригрозили те. И однажды, когда он — по юношеской непосредственности — рассказал анекдот, накатали на него донос. Анекдот был совершенно детским. Ну, к примеру, идут слон и муравей по дороге. И говорит муравей спутнику-гиганту: «Ну, слон, мы с тобой и топаем, аж земля колышется...» Следователь долго выпытывал и выколачивал у гражданина Перельмана признание, кого он имел в виду под слоном, хотя это и козе было понятно (ну, конечно, Сталина!), и кого — под муравьём... Суд не стал забираться в политические дебри, припаял Перельману по юности всего десять лет за контрреволюционную пропаганду и в довесок — пятилетку «по рогам»... Так он оказался в Адаке в роли «придурка» — учётчика в бухгалтерии. Не потому, что симулировал, не по блату, а по состоянию здоровья.

Как сопредседатель Интинского «Мемориала» я написал Борису Марковичу, что в планах нашего городского отделения обозначить место их заточения и

массового захоронения памятным крестом. И попросил Перельмана вспомнить Виктора Савина, если их судьбы пересекались. Недели через две получил ответ. Приложу его дословно, за исключением двух-трёх строк, не имеющих прямого отношения к теме нашего разговора:

«18.12.89 г.

Уважаемый тов. Демидов!

В Адаке был такой человек Савин Викт. Алексеевич, он активно участвовал в культурной деятельности лагпункта. Был небольшой струнный оркестр (человек пять-шесть). С ним вместе играл на домре прибывший из Курска (Вольперт Генрих Семенович).

Его (Савина – В.Д.) сочинения были в основном по тематике патриотического свойства. Тогда, в годы войны, всё было направлено на победу злейшего врага, внезапно напавшего на Советский Союз.

Был он невысокого роста, коми по национальности. Очень умный, добрый человек.

В клубе Адака ещё ставили пьесы Островского и других классиков, в которых играли Круковский, Бушуева и др.

Его патриотические частушки были остроумны и злободневны.

Кроме того, он учил остальных сценической работе и ими руководил... Савин, как я раньше писал, ко всем относился по-дружески, имел авторитет.

С приветом Б.Перельман».

Письмо Бориса Марковича я дополнил тем, что по фразе-другой, по намёкам удалось узнать у жителей Адзывы и Адзывавома, в котором находился лазарет «стационар», в котором Савин, в силу слабого здоровья, время от времени подкреплял его. Там – в стационаре, по рассказам, у него за печкой был даже закуток, где он уединялся и писал на клочках бумаги, случайно попавших за колючую проволоку.* Он оставался верен главному принципу своему: работать... Что бы и как бы ни было: работать!.. Как он в добрые годы писал А.Г. Глебову в декабре 1929 года: «Одно утешение – работаю, работал и буду работать в такую великую эпоху перестройки человеческого общества, что все личные невзгоды и недостатки кажутся пылинкой, ничтожеством».

...Интересно, где, в каких тайных катакомбах ГУЛАГа таятся им выстраданные стихи, которые он вынашивал, выбарматывал постоянно?! Или в какой-то коми керке, в каком-нибудь Адзывовоме?.. Или под половицей сгнившего барака, где невольники, по давней традиции, хранили самое дорогое сердцу? Может когда-нибудь, не будем терять надежды, откроется эта великая тайна?!

...В лагпункте, Савин хотя и подневольно, занимался привычным крестьянским трудом: летом косил сено в пойме Малого Адака, где травы вымахивали чуть ли не по плечо ему, не слишком рослому, но коренастому. Зимой вывозил его на лошадках, на волокушах, выбирая из него кисти конского щавеля, которым

* Интересно, чем писал поэт в пылу вдохновенья?.. Художник Николай Миллер (Гегель), на своей шкуре испытавший прелести лагерного быта, вспоминал, что они обжигали до состояния древесного угля веточки берёзы – ими и писали, и рисовали.

защищался от дизентерии и подлечивал застарелую язву желудка... Улучив момент, когда конвойный отвернётся, выдёргивал у лошадки из хвоста длинные волосы, в зоне плёл из них силки, которые по разрешению охраны ставил на опушках ближних к тропе березняков. Белыми перьями куропаток набивали подушки, а чёрным мясом с терпким вкусом берёзовых почек лечились от истощения. В иные сезоны куропаток было видимо-невидимо. Они бередили души вожчиков, шумно взлетая тысячными стаями...

Каэры ездили за сеном
в сопровождении стрелка
и наблюдали непременно
берёзы, ветви, облака...
Стрелок смотрел на них свободно.
Каэр, прищурясь, сквозь слезу...
Не сена воз, а дух свободы,
он думал, в зону я везу...

Иногда ему поручали, конечно, в сопровождении стрелка, работая вёслами, сплавать в Адзывавом за почтой для охраны и зэков... Вместе с сотоварищами, видимо, ему приходилось заготавливать в низкорослом приполярном лесу тощие ели – своими глазами я видел пеньки, оставленные доходягами ослабленными ударами топоров... Не могу утверждать, что его заставляли работать на печах для обжига известняка, на формовке кирпичей на заводике, которые расположены чуть выше лагпункта по течению Усы.

А вот ловля рыбы на знаменитом адакском кружиле, на зимовальном омуте была для него праздником. Об этом он рассказывал, кстати, и Ивану Изъюрову, отбывшему срок и возвращавшемуся домой.

Перед древним промыслом были равны все: и заключённые, и охранники. Бок о бок неводили они рыбку белую: сига, пелянь, чира, хариуса, нельму, зельдь (ряпушку). А для самого большого начальства, конечно, и красную – сёмужку...

Уже в наши дни в этом омуте упрямому рыболову Михаилу Сизякину удалось поймать на обжаренную мышку тайменя весом в двадцать три килограмма. Два с половиной часа рыбак и рыба испытывали характер друг друга!..

Доподлинно известно, что скуден был казённый паёк. И, скорее всего, даже самое, простите, узколобое начальство не запрещало создавать наряды на заготовку на ягельниках белых грибов, а под тёмными елями – ярко оранжевых рыжиков... И возможно, перед его глазами вставали картинки из жизни года 1918, жена и мать детей Лидия Васильевна. «Каждое утро, на восходе солнца, ходила она за грибами и ягодами в лес, расположенный за Тентюковым и Изкаром. Большой семье часто не хватало хлеба, и приходилось довольствоваться одними грибами...»*

И никто – даже сам Господь Бог не мог запретить Нёбдинса Виттору любоваться широченным простором Усы, над которой трепетно звучал вопрос заключённой актрисы Бушуевой в роли Катерины из «Грозы» Александра Островского: «Почему люди не летают?!» Сердце Виктора Савина, переводившего на воле эту

* А.В. Савин. Воспоминания. Виктор Савин. Сыктывкар. 1988 г. Стр.28.

драму на язык коми, летело в эти минуты на Вычегду, в родимое Нёбдино, где он косил луга, где рыбачил с отцом...

Глава 8. «Я к вам пишу, товарищ Сталин, простой советский доходяга-зэк...»

Вячеславу Каневу Савин выразил сомнение: а стоит ли обращаться к «отцу народов»? И всё-таки, со временем, он утвердился в мысли, что надо попытаться, надо хотя бы таким образом донести своё понимание правды времени до того, кто вершит судьбы миллионов.

Трижды, как свидетельствует серьёзный исследователь времени репрессий и реабилитаций Вениамин Полещиков, Виктор Савин обращался с письмами к Иосифу Сталину. И трижды его обращения остались безответными...

Много раз меня будила по ночам настойчивая мысль: что и как бы написал репрессированный поэт и гражданин Виктор Савин «отцу народов»?.. Работа пошла после того, когда в Москве меня случайно занесло в прихожую квартиры художника Налбалдяна, если не ошибаюсь, которому одному из немногих разрешалось рисовать парадные портреты вождя. Слева за входной дверью к стенке был прислонён портрет: черноусый генералиссимус в парадном мундире, при всех орденах, в глянцево блистающих сапогах... Извинившись за ошибку дверью, я спешил вниз по лестнице, на солнечную улицу, пешком на далёкий Ярославский вокзал. Время от времени останавливался и записывал одно-два четверостишия. Окончательно эта маленькая поэмка сложилась через одиннадцать лет, после того как на лесной дорожке, по которой Виктор Савин ездил в пойму Малого Адака за сеном, я подобрал оброненную лошадью подкову, выступил в «Красном знамени» с очерком «Подкова с тропы Виктора Савина». А 24 февраля 1999 года эта газета напечатала подборку: «Виктор Савин пишет письмо Иосифу Сталину» – мои стихи и коллаж художника Аркадия Мошева.

Луг свободы

Каэры ездили за сеном
в сопровождении стрелка
и созерцали непременно
дорогу,
ветви,
облака...

Стрелок смотрел на них спокойно,
каэр, сощурясь, сквозь слезу.
Не сена воз, а дух свободы,
он думал, в зону я везу.

Вдыхал он грудью запах луга,
что спал, сугробами закрыт...
Жизнь надорвалась,
как подпруга,
а миг Свободы не забыт.

И строки прорезались вольно
под шаговитый бряк копыт:
я обронил свою подкову
и, видно, буду здесь зарыт...

Я обронил твою подкову,
Горюха милая, прости
мне эту лагерную школу,
нам неподвластные пути.

...Я к Вам пишу, товарищ Сталин,
поэт и коми человек:
Зачем нам шьёт дощатый саван
жестокий наш двадцатый век

и сокращает дистрофия
нам подневольные пути?!..
И Коми-мать,
и мать-Россия,
не знаю сам, за Что,
прости.

Я к Вам пишу с глухою болью, –
пусть не сносить мне головы –
там – НА ВЕРХУ! – вы все невольны,
и не бессмертны, Сталин, Вы!..

Под пушкой мыслю непредвзято.
Свободен молча песни петь.
Свободен посреди этапа,
обнявши Землю, умереть,
и воспарить душой свободной
над заключенной землёй,
услышать хрип ваш покаянный,
покорных вам шакалов вой...

И в памяти людской остаться,
что справедлива, будто Бог...
А Вам вовек не оправдаться,
Не смыть истории плевок.

...Мороз крепчал. Снега хрустели.
Манил распахнутый простор.
В краю, где гнёзда вьют метели,
нёс крест свой Нёбдинса Виттор.

Не обошли его невзгоды...
В неволе ставил он «Грозу».
Он к нам идёт
сквозь дни и годы,
не пряча гордую слезу.

*Адак–Инта–Нёбдино–Сыктывкар.
1988–1999, 17 февраля.*

...Недели полторы-две понадобилось поэту и драматургу Николаю Щукину, чтобы очень точно перевести поэмку на коми язык. Восемь лет прошло со дня моего обращения к главному редактору журнала «Войывыв кодзув» Михаилу Елькину, а эти стихи в переводе видного коми поэта – нашего современника – так и не напечатаны. А между тем классик коми литературы Виктор Савин заронил в пахоту то зерно, которое породило «Войывыв кодзув». Михаил Андреевич, вам не стыдно?!

Глава 9. «Прости меня, Изъюр Иван...»

Писателю-страдальцу Ивану Изъюрову трижды посчастливилось. Во-первых, его срок заключения закончился 7 октября 1940 года – до того, как в первый день войны нарком внутренних дел, Генеральный комиссар госбезопасности Лаврентий Берия издал совершенно секретный приказ № 00221: «Прекратить освобождение из лагерей, тюрем и колоний контрреволюционеров...» Во-вторых, у Изъюрова хватило сил – после трёх лет воркутинских лагерей! – пешком, по заснеженной Усе добраться до Адака, встретиться с однодельцем и другом Виктором

Савиным. И в-третьих, несмотря на голодуху и упадок сил, он сумел добраться домой – в Сыктывкар, в родную деревеньку Позтыкерос...

Этот день – 7 октября 1940-го – Иван Изъюров запомнил на всю оставшуюся жизнь: ему выдали справку, что трёхлетний срок заключения закончился. Эта дата, как задняя обложка книги, закрыла лицевую обложку папки судебного дела, заполненную в день ареста в начале октября 1937 года. Со слов самого Изъюра Ивана кратко передаю трилогию его лагерной жизни.

Том первый. Пришли незваные гости. Показали ордер на арест, подписанный прокурором. Перевернули весь дом. Забрали книги Коми издательства. Увезли в тюрьму. Держали отдельно от Савина. На допросы вызывали по ночам. Днём не разрешали спать. Встретились с ним уже, будучи осуждёнными: Савин – на пять, Изъюров – на три. «Виктор Алексеевич подошёл ко мне, прижал к себе и спросил: «А тебя за что? Мы что-то уже успели сделать, может, не всё хорошо, но работали...» И определил линию поведения, и нагадал судьбу: «А ты, Изъюр Иван, крепись, не держи зла на советскую власть, вернёшься домой, всё будет хорошо...»

Затем был долгий путь на пароходе вниз по Вычегде, по Северной Двине, десять дней пересылки в Архангельск... И снова – в трюме – на этот раз баржи – по Печорскому морю, вверх по Печоре и Усе – к устью Воркуты. Палатки. Тачки с углём, которые приходилось закатывать на баржу... Для Изъюра Ивана – заготовка тощих заполярных елей на рудстойки и разлука. Маявшегося животом Виктора Савина возвращают вниз по Усе в инвалидный лагпункт Адак... Их разлучили так, что даже махнуть друг другу рукой они не могли.

Том второй. Перебрались в землянки. Заготовка тонкомерных стоек по берегам ручьёв. Весенняя болезнь цынга. Слабость ног. Больница.

Том третий. Двою освободившихся в пути. По этому случаю их приодели в ватные фуфайки, штаны и валенки, свежие рубашки и нижнее бельё... С таким же освободившимся русским, имени которого не помнит, пустились в путь неблизкий – только до Усть-Усы километров триста. Шли по 20–30 километров в день. Питались сухарями и оленевой печёной, купленной по пути у оленеводов... Шли через силу, увязая в снегу, считая за подвиг каждый пройденный километр. Изъюров знал предположительно: где-то посрединке, в каком-то лагпункте – Виктор Савин... Надо навестить. А там – ещё сотни километров вверх по Печоре, с Кожвы до Ухты, Княж-Погоста и т.д.

Видимо, вело его наитие. «В небольшом посёлке, окружённом высоким забором, зашёл в «дежурку». Показал документы, сказал, что после истечения срока иду домой. Спросил, могу ли встретиться с Виктором Савиным. Дежурный улыбнулся и сказал, что есть такой, разговорчивый очень, но часто болеет... Не так быстро произошла встреча с Нёбдинса Виттором. Дежурный позвонил одному, другому... Наконец зашёл Виктор Алексеевич. В лагерной серой шапке, в коротком сером пиджаке, серых валенках, еле узнал его.

«Гражданин дежурный, – по форме обратился он, – Савин Виктор Алексеевич».

«Знаешь этого человека?» – спросил у него дежурный. «Это ты, Изъюр Иван, – от волнения еле выговорил Савин. – Может, уже домой? А мне ещё два года пилить осталось...» И стал вытираять слёзы.

Таким на всю жизнь остался Виктор Савин в памяти Ивана Изъюрова: «Небритый, с бородой, в старых валенках и фуфайке, на голове – серая шапка-ушанка... Пятьдесят два года ему исполнилось, а выглядел он на все восемьдесят. Но это был всё тот же Нёбдінса Виттор, только без весёлого блеска в глазах...» «Очень рад за тебя, Изъюр Иван. Может, когда-то и в моей жизни наступит такой же счастливый день...»

Договорились, что Савин напишет письмо домой, попрощались: «До завтра!»

Оказалось, – расстались навсегда. Назавтра Изъюр Иван зашёл за письмом в ту же дежурку. Дежурный сменился. У нового не было вчерашней доброжелательности. Он сказал, что Савин написал много лишнего, и поэтому письма не будет. И что встретиться с ним нельзя: уехал по наряду за сеном...

...Где-то в самом начале восьмидесятых годов встретились мы в Инте, в редакции городской газеты «Искра» на Полярной, 12 с Иваном Изъюровым и Николаем Дьяконовым. Титулованные писатели были гостями начинающих прозаиков и поэтов нашего литературного объединения. Незадолго до того увидела свет повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Иван Изъюров начал поучать: «Вот как надо писать». Встопорщился я, в ту пору начинающий поэт и студент журфака ЛГУ, потом – прошедшие лагерную школу Иван Далекий, Павел Почиталин: «Да ведь у него в повести все герои – даже комиссар с крейсера «Аврора» – шестёрки». «Да ведь это художественный приём такой – гиперболой называется!..»

«А Виктор Савин, наверно, не допустил бы такой гиперболы». Изъюров смолчал, но обиделся на нас до такой степени, что, уезжая к поезду, шлётпанцы в гостинице забыл. Пришлось нам их высыпать ему вдогонку.

А к Александру Солженицыну у Интинского «Мемориала» и по сей день остаётся вопрос, на который теперь вряд ли кто в состоянии ответить. В одиннадцатом номере журнала «Новый мир» за 1989 год он писал: «А. Б-в рассказывает, как велись казни на Адаке (лагпункт на Печоре). Ночами оппозиционеров брали «с вещами» на этап, за зону. А за зоной стоял домик оперчасти. Обречённых поодиночке заводили в комнату, там на них набрасывались вохровцы. В рот им запихивали мягкое, руки связывали назад верёвками. Потом выводили во двор, где наготове стояли запряжённые подводы. Связанных валили по 5–7 человек на подводу и отвозили на «Горку» – лагерное кладбище. Там сволакивали их в готовые большие ямы и тут же живых закапывали. Не из зверства – нет. А выяснено, что обращаться с живыми – перетаскивать, поднимать – гораздо легче, чем с мёртвыми.

Эта работа велась на Адаке много ночей».

Свежо, как говорится, предание, а верится с трудом. Лично у меня, у моих сотоварищей по Интинскому «Мемориалу», с которыми мы соорудили памятный крест на Адаке, вопрос к Александру Исаевичу: «Во всем ли вы правы, наш уважаемый классик?!» Во-первых, лагпункт Адак был расположен на правом берегу Усы, при устье ручья Малый Адак, на известняковой возвышенности гряды Чернышева. Во-вторых, домик оперчасти на левом берегу этого ручья располагался в тридцати-сорока метрах от так называемой Горки. Не было смысла с подводами «огород городить», проще «пройти этапом» эти финишные сто шагов жизни. Ныне Горка, находившаяся с северной стороны у самой колючей ограды

лагпункта, имеет вполне благообразный и даже цветущий вид. Осели, заросли травой, цветами и едва проглядывают бугорки персональных могил и одно коллективное захоронение – протяженная насыпь, полыхающая пламенными метёлками иван-чая.

Никто из выживших пленников Адака, из местного населения, имевших касательство к нему, не подтвердил сообщения А. Б-ва и утверждения классика. Так что вопрос достоверности массовым тиражом распространённой информации остается открытым.

Видимо, теперь никто на него не в состоянии ответить утвердительно или отрицательно.

Глава 10. Петр Котов. Звезды Адака 1309607

Звёзды Адака Петра Котова

В сколько лет страдания может обойтись стремление узнать отечественную историю чуточку шире Краткого курса истории ВКП(б).. Самой жизни руководителю студенческого кружка Мокридину, которого расстреляли, и десяти лет с поражением в правах его членам. Российский гражданин, прошедший курс закалки Адаком и Иркутской Маклаковкой, поэт и филолог Петр Котов рассказал об этом из Гданьска...

Помнится, адресом этого совершенно удивительного человека меня порадовал Михаил Борисович Рогачев, который встречался с ним впольском портовом городе Гданьске. Откровенно сказать, не верилось, что человек преклонного возраста, сверхзанятый научной, преподавательской и поэтической работой, вообще даст мне хоть какой-то ответ. Но, к счастью, я ошибся. Вскоре, я получил от него сборники стихов: страничка – по-русски, страничка – по-польски. Сам письмом рассказал ему, что такое Адак сегодня. И получил от него подробный очерк, что такое Адак глазами его судьбы, его времени.

Среди морозов и снегов,
На берегу ручья Адака,
Чернеет несколько домов
И шесть бревенчатых бараков...

Можно поражаться жестокой предопределённости того времени. Нужны люди, чтобы разбудить к жизни тот самый Север, к которым, по определению Михайлы Ломоносова, будет прирастать Россия, – и они будут доставлены к нему этапом по сfabрикованным обвинениям неправого суда. Ну чего, казалось бы, проще. Стоило только свистнуть, как во времена Брежневской целины, как комсомольцы-добровольцы и вольные, российские ходоки, вербованные люди, ринулись от безработицы, от бескорыщи, хоть на Север, хоть на Дальний Восток, хоть на какую угодно Чукотку или Камчатку... Пошли бы, как шёл Ермак, как Семен Дежнев... И по доброй воле обустроили бы хоть Воркуту, хоть Норильск, хоть Игарку, хоть Чукотку, хоть Колыму...

Помните:

Будь проклята ты, Колыма,
Что названа чудной планетой...
Сойдёшь поневоле с ума,
Возврата оттуда уж нету...

А ещё:

Чередой за вагоном вагон
В Воркуту и таёжные дали
Спецэтапом идёт эшелон,
Вдаль бредёт он по рельсовой стали...

Не печалься, любимая,
За разлуку прости меня... и т.д.

...В Воронежском педагогическом училище был безобиднейший исторический кружок. Его вёл студент-отличник Мокридин. Готовясь к очередному семинару, студенты откопали в дальних завалах библиотеки книгу профессора Покровского, несколько по-иному трактовавшие исторический процесс, чем Краткий курс ВКП(б), за которым стоял Иосиф Сталин. Суд был короток и жесток: Мокридина расстреляли, участников кружка осудили на десять лет и последующее поражение в правах за «контрреволюционную деятельность». С этим клеймом Петр Котов прибыл в Усть-Воркуту, откуда, как Виктор Савин чуточку раньше, только на костылях спустился на барже в Адак...

Когда мы познакомились чуточку поглубже, когда я рассказал, что такое Адак сегодня, Петр Харитонович прислал мне воспоминания об Адакском периоде своей жизни...

Он нарисовал схему Адакского лагпункта в ту пору, когда его не по доброй воле оставил почти что закончивший срок Виктор Савин. Котов рассказал о быте, нравах и многих невольниках Адака...

Квадратная зона была невелика и компактна: примерно метров 800 на 800. В каждом углу – вышка, на которой днём и ночью дежурили вооружённые вохровцы в полушибаках – между собой их называли попками. Входные и въездные ворота располагались с западной стороны, к ним надо было подниматься довольно высоко на кручу, отчасти по ступеням, укреплённым досками. Перед входом в зону располагалась баня и прачечная. Чуть дальше их, слева от входных ворот – пекарня, на втором этаже её – общежитие вохровцев, на чердаке – комнаты вольнонаёмных...

За двухстенной колючкой, окружённой контрольно-следовой полосой, – первая линия строений. Лицом к реке – женский барак, хлеборезка, изолятор. Вторая линия – перпендикулярно к Усе поставленные контора, бараки №№ 6 и 5, пекарня и кухня...

В третьем ряду – каптёрка и здание КВЧ (клуба). В завершающем, самом северном и близком к Горке ряду, – барак доходяг № 1. Сразу за ним, за двойной колючкой та самая Горка, где доходяги заканчивали жизненный путь. По 25–30 человек в месяц, как достоверно узнал Котов, ставший статистиком санчасти...

Схема
расположения объектов в Адакском лагере

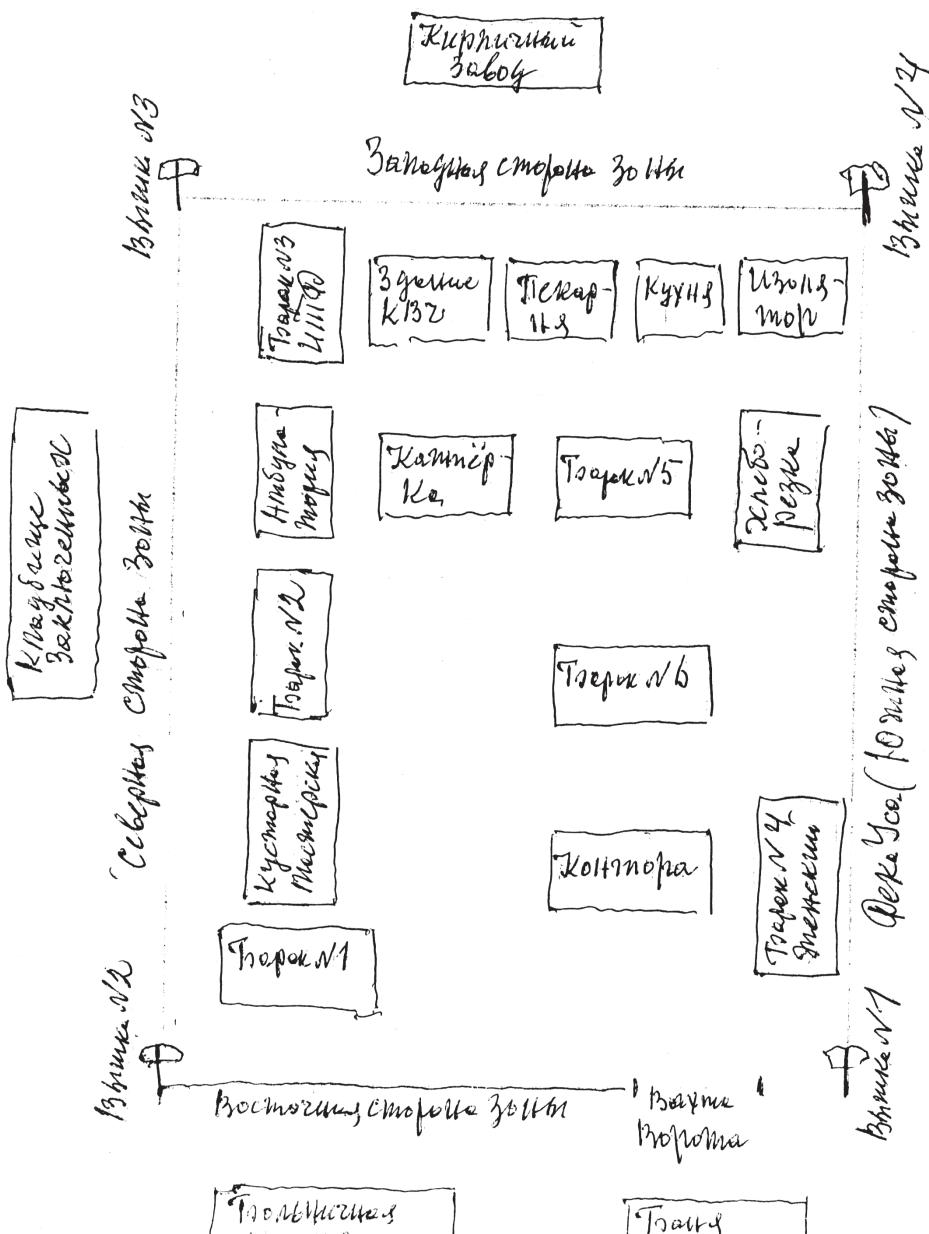

Схема расположения объектов в Адакском лагере.

Среди доходяг были очень даже достойные люди. К примеру, брат Якова Свердлова, совершенно уморивший себя, хотя из Москвы ему присыпали увесистые посылки, которые он отправлял под нары. Не его ли, а не Виктора Савина могила за ручьем Малый Адак?!

Кроме того, в последнем завершающем ряду лагпункта располагалась кустарная мастерская, где талантливые доходяги, мужчины и женщины, делали ивовые корзины, глиняные детские игрушки, а ещё – бараки №№ 2 и 3 (третий – инженерный). Между ними находилась амбулатория...

Петр Котов рассказал немало интересного о том, как кипели меж невольниками Адака научные, исторические и поэтические страсти... Как самозабвенно, по памяти, читали здесь стихи Пушкина, Лермонтова, Есенина... И даже – Аполлинария. Но, главное, он сохранил в памяти немало имён, не щадивших себя во имя здоровья других несчастных...

Вне всякого сомнения, Виктор Савин общался с обаятельной Софьей Дерман-Дальней, поэтессой-правдисткой, опубликовавшей в сборнике «Труд и свобода» несколько стихотворений, пропитанных духом революционного переустройства мира. Между прочим, её допрашивал персонально сам Лаврентий Берия, – и она его загнала в угол тем, что на первых порах не требовалось рекомендаций для вступления в РСДРП, а требовалась только реальная работа в одной из ячеек.

С благодарностью Петр Котов вспоминал медперсонал лагпункта: Александра Георгиевского, врача с большой буквы, старой – чуть ли не чеховской – школы, медсестёр Марию Гурову, Ли迪ю Крылову, Веру Галяеву, Галину Креймерман-Болотину, у которой 8-летняя дочурка Лиля и 12-летний сынишка Володя потерялись в детдомовских дебрях... Вместе с медсёстрами – членами семьи «изменников родины» его поддерживал и медбрат Павел Бачей, который исполнял обязанности ночного дежурного на два барака...

Характерную для того времени историю Петр Харитонович рассказал о грузинке Елене Гогоберидзе, экономистке по специальности, арестованной с двумя братьями: Михаилом, в своё время окончившим Институт Красной профессуры, и другим, который был членом-корреспондентом Грузинской Академии наук. Из трёх репрессированных вернулась домой одна Елена, чтобы похоронить заждавшуюся матерью...

Петр Котов, немножко оклемавшись, стал работать статистиком санчасти. Он называет имена умирающих от дистрофии, от пеллагры и других – вполне естественных причин. При ежемесячной смертности в 25–30 человек, по его мнению, за два года совершенно обновлялся списочный состав в 600–700 человек. Он ничего не слышал о захоронении живых и сомневается в реальности утверждения А. Б-ва: в таком насилии не было никакого смысла. Впрочем, заставить дурака-вохровца молится, – он и лоб разобьёт. Не свой, конечно, а какого-нибудь беззащитного, до крайней степени истощённого профессора-историка...

...Перед моими глазами, в памяти, торчит обложенная камнями могилка за ручьём, обжитая незабудками. Не устаю предполагать, может, именно в ней покончился прах, тихо сгоревшего от дистрофии братца Якова Свердлова?.. Или возможного потомка декабриста Михаила Лунина – Ивана Лунина, умершего от пеллагры, так и не успевшего докопаться до исторических корней своей родословной?.. Ответа нам никогда не узнать.

Закрыв свою Адакскую звероферму, поработав директором Верхне-Интинской заготконторы, Владимир Зезигов как-то приоткрылся и рассказал, как органы заметали следы. Однажды поздней осенью, выглянув в окно конторы зверофермы, он увидел полыхающий на Горке костёр. Отправил туда механика разузнать, кто да что. Несколько одетых в гражданское человек сжигали в костре фанерные бирки с номерами заключённых с могилок. Главный, представившийся начальником Интинской милиции, показал механику Адака одну такую бирку, сказал: «Запоминай – это номер Виктора Савина!..» И отправил дощечку вслед за другими в огонь.

Так сгорела в огне сочинённая в НКВД легенда о захоронении Виктора Савина на Адаке.

Глава 11. Савина сгубила дорога

Люди долго присматриваются, притираются друг к другу. Был в моей жизни человек, похожий на Вениамина Полещикова, прошедший ту же школу. Человек любознательный – он многое знал из жизни Виктора Савина. И однажды, когда мы разговорились о судьбе классика коми литературы, заявил, что она могла бы сложиться по-другому. Если бы главный человек в Коми области – первый секретарь обкома КПСС в начале 1943 года хотя бы промычал что-то похожее на «Да» в ответ на вопрос руководителя НКВД: «Что делать с Савиным?» Первый секретарь обкома помялся и ответил что-то вроде: «У нас и без Савина проблем хватает». Не поднимается рука осуждать его: как никто другой он находился в зависимости от той же системы. Вопрос о Савине вполне мог быть воспринят им, как тест на благонадёжность, и опрокинуть его собственную судьбу. И забот действительно хватало: только что было прорвано кольцо Ленинградской блокады, чтобы поставить освобождённый город на ноги, нужны были хлеб и коми сёла, и уголь строящейся Воркуты...

1 июля 1943 года Виктор пишет, как оказалось, в последнем письме жене и детям:

«Привет, мои дорогие!

Я уже не в Адаке, а судьба забросила далеко-далеко в Сибирь – Новосибирскую область (лагпункт называется Прикулька) около станции Итатка Томской железной дороги. Это будет в пятидесяти километрах от Томска на северо-восток. Климат здесь, конечно, теплее, чем в Адаке, кругом лес – тайга. Из Адака выехал 3 февраля, сюда прибыл только 9 апреля. В дороге совершенно ослаб и заболел (здоровье-то ведь у меня вообще неважное) и вот уже третий месяц нахожусь в стационаре на поправке. Особенно плохо было в дороге с питанием и сильно отощал, а через это и здоровье пошатнулось. Но теперь чувствую себя более окрепшим, возможно, скоро устроюсь на какую-либо посильную по своему состоянию здоровья работу. Я бы очень просил вас прислать мне хоть небольшую продуктовую посылку и табак. Соберитесь-ка все и вышлите старику гостище, буду несказанно рад. Напишите подробно о вашей жизни. Что известно о Стасике, Вене и т.п. Посылаю доплатным это письмо, так как денег не имею, остаюсь пока на прежнем положении, вероятно, до окончания войны. Как живут

Ляля, Майя, Иня? Как, мамочка, твоё здоровье? Крепись, ещё увидимся – надеюсь! Целую всех! Папа.

В.Савин».

Представьте, февраль – «кривые дороги» – самый пуржистый месяц. Где пешком, где на саночках в фуфаечке, зэковской ушаночке и растоптанных валенках движется вниз по Усе. Вполне возможно, что в Адзывавомском «стационаре» его осмотрели, подкормили, снабдили сухим пайком – теми же сухарями. В каких-то ОЛПах этап останавливался. Сынянырд?.. Скорее всего – Усть-Уса. А может, Усть-Лыжа?.. Здесь он вполне мог услышать какие-то отрывочные разговоры о восстании заключённых и его разгроме... И вновь – долгий утомительный путь по ледяной Печоре до Кожвы, где, конечно, пришлось какое-то время двухосной теплушке, если очень повезло, с печуркой посредине. Её топили каким-нибудь попутным древесным хламом, но всё ею излучаемое тепло тут же выдувал ветер... Их останавливали, чтобы пропустить поезда к линии фронта, чуть не у каждого столба. Иногда охране удавалось заполучить кипяток и поделиться с заключёнными.

Два с лишним месяца, которые, конечно, можно приравнять к полугодию. А о том, что и как было дома, в Сыктывкаре, по просьбе Нёбдинской группы «Поиск» рассказала Майя Викторовна Савина (Цветанская): «...Немножко о своём детстве. Когда нашего отца, В.А. Савина арестовали, в 1937 г., наша семья испытала много лишений. Нас, т.е. маму и четверых детей: Станислава – 15 лет, Аврору – 13 лет, меня – 11 лет и Инессу – 9 лет выселили из 3-х комнатной квартиры в подвал того же дома, не пригодный для жилья. Зимой стены покрывались инеем, т.к. не были проштукатурены. Приходилось открывать дверь на улицу, пока топилась печь: она была неисправна, и дым валил в комнату. Зимой спали в пальто, потому что было холодно в подвале. И в этих условиях прожили мы не то 6, не то 7 лет. Некоторые родители не разрешали своим детям дружить с нами, мол, они – дети «врага народа».

Были и хорошие, чуткие к нам люди. Никогда не забуду директора сыктывкарской детской студии Киселеву Марию Степановну. Она нам очень помогла в те тяжёлые для нас дни. Покупала нам продукты и одежду, навещала нас, лечила, если кто-нибудь из нас болел. Мама была нетрудоспособной, т.к. болела ревматизмом суставов. Вот какими невесёлыми воспоминаниями я поделилась с вами».

В том, что здесь каждое слово – правда, я знаю от интинки Евгении Ивановны Мещерякой, которая, будучи подростком, продолжала дружить, кажется с Авророй и делилась с ней всем, чем могла.

Поражаюсь выдержано, терпению, мужеству этих людей. Никто из них духовно не поломался. Все выжили, выросли, остались достойными людьми. И поднимали своих детей, чтоб не перевёлся вполне достойный род Савиных.

У Майи Викторовны выросли дети и подрастили внуки: «...дочь Ирина – старший инженер-программист. У Ирины – дочь Цветана, ей 5 лет. У Серёжи – Катюша, ей 8 лет...» Её муж – болгарин Цветанский Евгений Иванович работал начальником сварочной лаборатории в УМУ-2 треста ВИЗМ.

Жить им да жить и строить своё счастье, помня о прошлом. Как гласит пословица, кто не помнит прошлое, у того нет будущего. Будьте счастливы, незнакомые, но дорогие всем нам люди.

Глава последняя. Адак глазами Петра Котова

После мучительного пути в заблеванном трюме баржи от Усть-Воркуты, ми-нуя Абезь, Петрунь, Кочмес до лагпункта Адак ослабевший Котов, подталкивае-мый под лопатки и пониже, наконец-то выгребся на скользкую палубу. Его осле-пило блистание реки сталистыми цветами побежалости. С живой и текучей воды взгляд скользнул на серый известковый склон береговых выходов гряды акаде-мика Чернышева. У подножия – треугольный лаз куда-то внутрь, через которое из далёкого прошлого выглядела в наш серый и подневольный день пещера – жилище древнего человека... «Неужели мне суждено маяться в этих каменных катакомбах?» – первая мысль Котова. Потом он повёл взгляд выше и увидел серый угловатый бюст из местного камня... «Неужели и тут вождь?» – подумал. Как выяснилось потом – после перекличек у воды, потом – при вводе в зону, бюст был сооружён доходягой-скульптором с гонористого начальника лагпункта Ма-нина (по другим воспоминаниям – Манова, что не имеет особого значения)... Впоследствии зэку Котову пришлось нос к носу столкнуться с гражданином начальником. Эта встреча оставила у него неприятное впечатление и заставила всеми доступными средствами избегать общения. Кстати, Петр Котов и вольнона-ёмная Елена Ивановна Бразиловская-Казакевич вспомнили, с какой бурной ра-достью заключённые разрушили в пух и прах этот бюст, когда Манина (Манова) перевели в Воркуту...

Действительность того времени была контрастной. Часто в ней брал верх принцип: сдохни ты сегодня, а я сдохну завтра. Но то ли это черта его характера, то ли везение, то ли не оборотная, а лицевая закономерность того времени: помо-ги мне сегодня, я тебе помогу завтра. На костылях, одним из последних Котову удалось забраться в трюм баржи и устроиться в проходе, где кто через него перешагивал, а кто и наступал то на руки, то на ноги... И тогда его позвал к себе, в середину трюма такой же, как он, зэк в потрёпанной фуфайке с подогнутым рукавом. Познакомились: его фамилия оказалась Рождественский, сам он был из-под Ленинграда. Будучи призван на действительную, служил в Белоруссии, где в одном из боев подранком попал в плен, каким-то чудом сумел бежать, и не избежал суда неправедного: был осуждён на десять лет по статье КРТД... С сожалением расстался с ним Котов, когда собрата по несчастью повезли баржей дальше, а ему пришлось выйти на берег в Адаке...

Входя в распахнувшиеся ворота зоны, он осмотрелся. Она была квадратной, метров восемьсот на восемьсот... Как писал Котов позже в стихах, изданных сначала на польском, а потом – и русском языках в Гданьске: «Среди морозов и снегов, на берегу реки Адака, чернеет несколько домов и шесть бревенчатых ба-раков... В бараке ровно в пять темно, коптилка там в углу мерцаet: товарищ мой давным-давно там от пеллагры умирает...»*

*Где-то, в чьих-то воспоминаниях, я читал, как в Адаке, в доходяжном бараке умирал от пеллагры брат Якова Свердлова. Ему слали из Москвы продуктовые посылки, а он был настолько немощен, что не мог даже открыть их... И всё же собратья по бараку опасались открыть их и пустить по кругу... Они напустились на них, когда Свердлова-зэка отнесли ногами вперёд на Горку, и чем-то, конечно, сумели полакомиться (американским шокола-дом, например), а что-то выкинули собакам, охранявшим их: авось, какая сдохнет...

Котов был растроган чуткостью, проявленной к нему Татьяной Александровной Войтик. Она нашла для него удобное место на нижних нарах, чтобы он мог лежать на правом боку, спиной к перегородке, лицом к внутреннему пространству барака, где располагались другие, зачастую – очень интересные люди, со своими судьбами, интересами...

С первых дней в зоне Петр Котов познакомился с медицинским и обслуживающим персоналом. Первыми были медсёстры Мария Ивановна Гурова, лет тридцати-тридцати пяти, которую Тройка-ОСО (на лагерном жаргоне она называлась две ручки и одно колесо) осудила на восемь лет, как члена семьи изменника родины (ЧСИР); и Лидия Андреевна Крылова. Она была постарше, с седыми прядками в голове и имела статью посерёзней – относилась к категории КРТД. Ночью в бараки №№ 1 и 2 приходил метбрать Павел Бачей, чтобы оказать первую помощь, если кому-то станет плохо.

Ежедневно, а при необходимости и по два раза в день в бараки заходил главный врач Александр Никанорович Георгиевский. По мнению Котова, врач с большой буквы, по-видимому, ещё старой русской школы, с добрым сердцем и высокими моральными качествами. При обходе он назначал каждому нуждающемуся в подкреплении организма соответствующее больничное питание. Более высокое, чем полагается по нормам котла № 1: 600 граммов хлеба в день (половина из них белого, хорошего качества, три раза в день – по тарелке горячего супа). Но, в зависимости от состояния больного, мог назначить улучшенное питание на две-три недели, – и не больше. По первому котлу полагалось 450 граммов хлеба в день, утром и вечером – по миске жиценького и, как правило, недосоленного супа... Видимо, соль была большой проблемой, потому что иногда по вечерам больным и выздоравливающим выдавали по рыбёшке (зельди-ряпушки?) не засоленной, а томлёной по ижемскому обычая...

Хотя тяжёлый труд, в частности, на обжиге известняка, на кирпичном заводе изнурял, в бараках, в клубе культурно-воспитательной части кипела своя интеллектуальная жизнь. Может, с уходом на этап Виктора Савина она ослабела, приобрела новые черты, но продолжалась и скрашивала нелёгкий быт заключённых.

Елена Михайловна Казакевич, которая в 1943 году работала старшим инспектором культурно-воспитательной части, рассказала корреспонденту городской газеты «Искра» Светлане Колесовой: «...в 1943 году у нас был барак, где мы ставили с заключёнными спектакли. Успели сыграть «Бесприданницу» и «Грозу» Островского...» Как ранее сказано, во времена Виктора Савина, который был режиссёром-постановщиком и воспитателем талантов, репертуар был гораздо шире...

Живи и помни

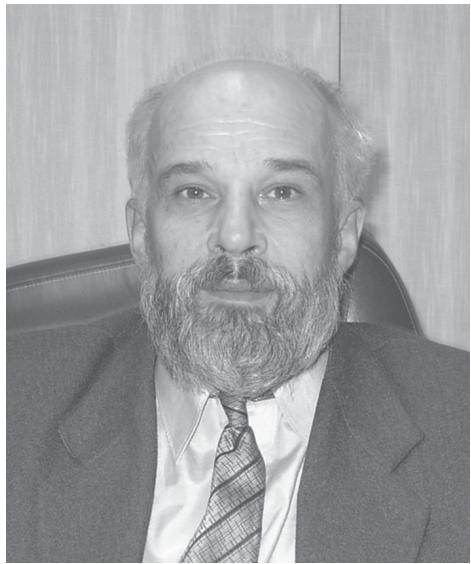
Есть в полноводной реке, в купели Адакского омута особое очарование. Здесь просторно и свежо дышать, здесь хорошо думать словами Роберта Рождественского: «О тех, кто уже не придёт никогда, заклинаю вас: помните!..»

Границы памяти вокруг имени Виктора Савина расширил Анатолий Попов в историческом очерке «Освобождению не подлежит» альманаха «Сыктывкар –

2008». В частности, Анатолий Попов рассказал, что 26 июня 1942 года в деле Савина появилась резолюция: «Подлежит освобождению по директиве НКВД и прокуратуры СССР № 185 от 29 апреля 1942 года». Казалось бы близится конец несвободе. Но в деле появляется вторая резолюция, перечеркнувшая первую: «Освобождению не подлежит, как националист коми, 21 июля...» Что Савин никакой – и ни коми-пермяцкий, и ни русский националист, – как говорится, козе понятно. Он просто талант, уважающий глубинные корни культуры своего народа. Но начальник третьего отдела Чепига и начальник Управления Воркутстроя Тарханов подписали справку о том, что освобождение Савина задержано до конца войны. Известно, что без ведома партии волос с головы не упадёт. Рассказывали, что к тогдашнему первому секретарю обкома ВКП(б) пришёл главный НКВД-ист с вопросом: «С Савиным что делать-то будем – классик всё же?..» Секретарь, что называется, почесал «репу» и изрёк: «В Сибирь его, пусть мозги проветрит!..» «Так не дойдёт ведь!..» «А и хорошо, что не дойдёт... А то ведь он такую трагикомедию напишет!..» Надо быть очень жестоким человеком, чтобы приговорить кое-как одетого больного второй группы инвалидности к этапу по февральским, мартовским снегам «Адак-Сибирь»... Савин превзошёл сам себя, когда на полуоголодном пайке из ржавой селёдки преодолел этот мучительный путь, чудом достиг лагпункта Прикулька около станции Итатка... Но он подкосил его...

...Когда мы с двумя помощниками горноспасателями утвердили памятный крест и хорошенъко обложили камнями его основание, когда над речным простором разнеслись слова молитвы отца Владимира Свободина: «Во имя Отца и Сына, и Святого духа...», в небе над Усой вспыхнула и долго не гасла вертикальная радуга. Мы восприняли это явление, как знак свыше, как некое одобрение доброго дела реальной памяти, которое сделано нами по велению души. И возрадовались. Дай Бог всем нам доброго здоровья и долгой жизни.

Сергей Журавлёв

Сергей Васильевич Журавлёв, поэт, прозаик, драматург, публицист. Автор нескольких поэтических сборников и двух книг прозы, трёх пьес. Кроме того, путешественник – автор трёх путеводителей.

Родился в городе Иваново, детство провёл в селе Усть-Цильма, отчество – в Сыктывкаре, юность – в Ростове-на-Дону. Вернулся в Сыктывкар после учёбы в гидрометеорологическом техникуме в 1982. Занимался в литературном объединении «Сыктывкарская мастерская» Надежды Мирошниченко. В 1990 году поступил в Литературный институт им. М.А. Горького, который закончил в 1995. Член Союза писателей России. Главный редактор газеты «Панорама столицы». Старший тренер по альпинизму Федерации альпинизма Республики Коми, кандидат в мастера спорта.

В зеркале судьбы

Бабье лето

Ещё царит
обманчивый покой
и воздух ночи
сумрачно-прозрачен,
но ветер
предосеннею рукой
уже бросает
солнечные плачи
на плечи
увядающих берёз.

Ещё мы слышим
отголоски гроз,
идём по августу
уверенно и зряче,

но радостную песню
добрый дрозд
нам не поёт...
А вдовий голос осени
звучит,
пусть
еле слышным шепотком,
но властно,
и нити невесомых паутин –
предвестницы
кручинь и ненастья,
по зову вдовьему
срываются в полёт.

Торопятся-спешат
в небесный скит.

* * *

Гнев и гордыню власяницей усмирю:

– Прости, душа, я в прошлом был беспечен.
Путь впереди тягуч и бесконечен.
...Гордыню власяницей усмирю.

В дороге долгой на вселенский суд,
отбросив хлам пожизненных цейтнотов,
восславлю гимном племя донкихотов
в дороге на вселенский суд.

Пора платить за таинство минут,
за буйство ласк неусмиренної плоти,
за дерзость на прелюдном эшафоте,
за каждую... из прожитых минут.

Беспечности дорожной пилигрим,
пришла пора платить долги по счёту!
Не отрекаюсь! Я – любил...
Нет! Я – любим!

– Эй вы, крылатый, не ломайте счёты!

Черепаха (сонет)

Год за годом, презирая прах
слишком торопливых пирамид,
осторожно ползает впöttмах
костью защищённый индивид.

В перехлестах панцирных заплат
шахматная правильность хранит,
добровольно залезая в пат,
письмена погибших Атлантид.

Но под кожной завистью болит
с ломанной ухмылкой на губах
память в воспаленных черепах,

что однажды вспыхнул в небесах
сотнями горящих черепах
неземного странствия болид.

* * *

Ночь плакала. Надрывно. Зло.
Покорно уронив лицо в ладони
и тушь ресниц размазав по щеке.
...Под звёздной шалью вздрагивали крылья.

Ночь плакала. Печальницы-подруги
вели напев торжественно и чисто
и расплетали смоляные косы,
и расстилали звёздную постель.

Ночь плакала. А ветер за окном
гармонью дерзкой будоражил время
и звал в бега на тройке вороных.
...Играли кони. Удила звенели.

Ночь плакала. Но сводница-зима
уже вводила жениха седого,
хозяина богатств неисчислимых –
серебряных лесов, хрустальных рек.

Ночь плакала ноябрьскими слезами.
Под звёздной шалью вздрагивали крылья.

* * *

Ворох прошлых надежд
рассыпается хохотом – звоном.
Отрекаюсь любя:
– Не пиши! Не звони! Не зови!
Я пытался примерить терновый венец...
Не корону.
Я пытался замешивать краски стихов
на крови.

Впрочем, что возомнил о себе...
«Созерцатель миров»
не терновый венец примерял –
а шутовский колпак!
Пробираюсь на площадь людскую
под звон бубенцов,
продираюсь на площадь людскую
под крики зевак:
– Спой нам песню,
подарим тебе неразменный пятак!

И пою. И беру медяки.
 И бросаю в карман.
 В том кармане прореха – дыра...
 Ерунда, не изъян.
 Не беда, что монеты,
     о камни брускатки ударясь,
     звенят, развлекая невежд,
     не беда, что мальчишки окраин,
         крутнув у виска,
             подбирают мои пятаки...
 Во спасенье любви, во спасение вечных надежд.

* * *

Сбросить страх. А страницы исканий
 без сомнений в огонь... По одной.
 Пусть растают холодные грани
 между прошлым и нынешним... Мной.

Пёстрый круг. В хороводе цыганок
 я пляшу, я пою. Я хмельной
 от свободы... Тщеславен и жалок
 мир сожжённых мостов за спиной.

И в глазах утихает не пламень –
 сор стихов о любовном вине.
 Их читает встревоженный ангел
 и печально грустит... Обо мне.

Он туманную зыбь расставаний
 рвёт в лоскутья крылатой рукой...
 Но душа – замороженный камень,
 в бездну падая, ищет покой.

* * *

Я видел в зеркале
 огонь, кирпичную стену.
 Казалось мне, что за спиной
 весь мир идёт ко дну.

Мглу разрывал сухотный хрип
 и чай-то кашель-стон.
 Зеркальным оком из глубин
 глядел холеный... «он».

Ползла позёмкою огня
 шипящая смола,
 ловила за ноги меня
 удавка – кабала.

Но храм познания вины
 построил мой народ,
 к нему со всех сторон страны
 начался крестный ход.

И задрожал горящий змий,
 и скрылся в безднах волн,
 когда над всеми Руси
 начался перезвон.

Я видел: в зеркале судьбы
 крошились кирпичи,
 а с неба падали слова –
 познания ключи.

Апрельская баллада

Весна идёт походкой валкой
по слякоти ночных дорог,
в цветном просторном полуушалке,
в оковах мужниных сапог:

– Обуть другие не смогли –
уж очень ноги отекли.

Одеться помогала мама, –
муж третий месяц на войне,
его начальники упрямо
твердят, что нужен он в Чечне.

А спозаранку, в пять утра,
узнала: подошла пора.

– Волнуется, наверно, мать,
но старшего ж не оставлять
хозяйничать в пустой избе.
... Шалун, каких и не сыскать.

Уж лучше так – шажком, шажком,
опершись в землю батожком.

В руке пакет излишне яркий,
какой нашёлся под рукой,
всё, что просили санитарки
приходится нести самой.

А на пакетеекс-модель
всем предлагает карамель.

Весна идёт походкой валкой,
простой беременной крестьянкой,
и ласково, храня от бед,
шутник-апрель глядит ей вслед.

Он рад, что снова не до сна
красивой женщине по имени...
ВЕСНА.

Сергей Журавлёв: «Стихи должны быть замечательными...»

С писателем Сергеем Журавлёвым я познакомился в ноябре 1987 года на семинаре молодых авторов республики. Думаю, что для нас обоих это творческое мероприятие во многом определило литературную судьбу. После него каждый пошёл своим путём, но при этом всё-таки вместе. Как-то незаметно в туманах самореализации простирая пора первых итогов – пора первых серьёзных юбилеев. Нам всегда есть о чём поговорить, а тут такой знаменательный повод.

– Сергей, что такое 50-летие – неожиданное бремя, новый простор для творческой души или что-то иное?

– Для меня 50 лет – это сакральная цифра. Именно в этом возрасте умер мой отец – поэт Василий Журавлёв-Печорский. Понятие о конечности нашей жизни я ощутил тогда в 1980-м году – 3 апреля. После службы в армии я не приехал домой: восстановился в Ростовском гидрометеорологическом техникуме, ушёл на лето в горы, решая свои спортивные задачи. Думал, что в юбилейный для отца год постараюсь выбраться в Сыктывкар. 7 марта послал телеграмму, поздравил его с днём рождения.

Только близкие друзья знали, что он болен... рак лёгких. К врачам не шёл, предпочитая народные средства и завершение последней повести «Каталкино – тихая пристань». Об этом я узнал уже после его смерти. Мне было – двадцать один с небольшим. В тот чёрный день я вместе с хорошенкой девушкой ходил в театр. В общежитие техникума вернулся поздно, у меня на кровати лежала телеграмма. Ребята сразу вышли из комнаты, а уже через десять минут пошла по кругу шляпа студента из Замбии Джеймса Мвандзы. Вся общага собрала денег, и я поехал в аэропорт. Однако вылететь даже с телеграммой на руках из Ростова было невозможно. Рейсов на Москву уже нет. Самолёт на Сыктывкар будет только через два дня, на Киров – на следующий день. Какими путями выбраться из южного города?! Дальше произошло что-то мистическое – вдруг объявляют чартерный рейс для вахтовиков: Грозный – Ростов – Йошкар-Ола – Сыктывкар – Нарьян-Мар. Подхожу к бригадиру, рассказываю ему о своём горе, и он меня вписывает в списки пассажиров. Мне помогли те люди, о которых отец писал – о буровиках, о геологах, тех, кто осваивал Север.

...С мамой я встретился в аэропорту Сыктывкара, она пришла узнать, когда полетит самолёт в Усть-Цильму, где должны были пройти похороны. Потерю отца я сильно переживал, в 21 год это очень тяжело принять. Я перед ним ни в чём не реализовался, он даже не знал, что я серьёзно занимаюсь альпинизмом.

– Отец знал, что ты пишешь стихи?

– Первая подборка моих стихов была опубликована в газете «Красная Печора» в 1978 году. Появилась она благодаря участию отца. Однажды он написал мне в письме о первых стихах, что смешно ходить в русских валенках с французским цилиндром на голове. В такой образной форме дал мне понять об определённой вычурности моих первых литературных опытов. В то же время, отредак-

тировав пару стихотворений, опубликовал их в «Красной Печоре». Планка, заданная поэтом Василием Журавлёвым-Печорским для своего сына была очень высока, поэтому газету с первой публикацией он мне не послал.

Уровень его поэтической планки я понял значительно позднее. В то время ещё не относился к своему творчеству достаточно серьёзно. Писал стихи, чтобы привлечь внимание девушки или поднять настроение друзей в туристском походе. Среди моих друзей альпинистов не я один «баловался» поэзией. До сих пор люблю авторскую песню. Она по тем временам неслася, чуть ли не единственная, искренность и душевность. Пели не только своё – несовершенное, но и песни на стихи Пастернака, Мандельштама, других классических поэтов, не входящих в официальную обойму. Это было хорошей школой поэтического вкуса.

– В своём творчестве ты ощущал влияние Василия Журавлёва-Печорского?

– Мне всегда нравилась проза отца, и я сложно относился к его стихам. Я читал все его книги, гордился, что у меня отец – русский поэт и прозаик. Пусть не Пушкин и не Лермонтов, но писатель российского уровня. Его можно назвать типичным «шестидесятником» периода поэтических свобод – «оттепели», мне достался период «арбатской поэтической вседозволенности». Совершенно очевидно, что писательскую эстафетную палочку я принял от отца, хотя увлекался экспериментами в форме и свободным стихом, не желая быть литератором-эпигоном Журавлёва-Печорского.

После окончания Литературного института имени Горького я решил сравнить, что написано мной и что писал отец, когда учился на Высших литературных курсах. Было в этом желании какое-то чувство превосходства – я помнил, что стихи его ещё лет 15 назад до этого момента мне не особо нравились. Я предпочитал нечто такое метафорическое, а у отца упрощённый слог, какая-то непрятязательность. Открываю взятый наугад сборник – и попадаю на поэму «Ваня-счастье». Это произведение написано в эпоху развитого социализма, опубликовано один раз в 60-е годы, оно о человеке, который не потерял себя ни после империалистической войны, оставшись без руки, ни в сложные времена революции, гражданских междуусобиц, коллективизации. Он не принял ни сторону «красных», ни сторону «белых», для него главным было сохранить русское нравственное начало в себе, именно это сущностное желание определяло его поступки. Удивительная поэма! Чувство моего превосходства исчезло. Я понял, что открывать для себя отца мне предстоит в течение всей жизни.

– Ты сказал, что поначалу относился к своему литературному творчеству несерьёзно. Когда и как твоё отношение изменилось?

– После смерти отца я вернулся в Сыктывкар, работал на станции Юных туристов, и однажды у меня появилось ощущение, что я пишу не просто бездешушки, а занимаюсь литературой. У меня появился зуд в руках – мне хотелось писать. Я придумал себе псевдоним Сергей Шихов, чтобы не прикрываться именем отца, собрал подборку лучших стихотворений и пришёл с ними в региональное отделение Союза писателей России – к литконсультантке Елене Габовой. Почти всё, что я принёс, она забраковала, назвала рифмованной банальной романтикой и лозунгами, однако, что-то и отметила – ритмические миниатюры-новеллы, в какой-то мере определив вектор моих поисков своей формы самовыраже-

ния. Ныне, имея опыт проведения не одного литературно-творческого семинара, выработав парадигму своего поэтического подхода к действительности, я понимаю, почему моя «романтика» оказалась не принятой. Стихи должны быть «замечательными», то есть должны быть замечены кем-нибудь. Если они никого ни полусловом не задевают, то это нечто «серое». Какие высокие чувства не вкладывались бы в слова, если на них нет отклика современников, они остаются декларативной банальностью или условными словесными наворотами с претензией на некую исключительность – «наднародность». Потеряться в подобном потоке серости очень легко.

Благодаря Елене Габовой я попал в литературное объединение, собиравшееся в кабинетах газеты «Молодёжь Севера» – «Сыктывкарскую мастерскую». Занятия вела Надежда Мирошниченко. В то время все говорили об «арбатском буме» литературы, в нашем городе происходили не менее значительные события, только они были тише, но основательней – появлялась настоящая русская литература республики. Не единичные представители, как, например, мой отец – Василий Журавлёв-Печорский, первым выпустившим в Коми книжном издательстве книгу на русском языке, первым из русских поэтов нашего края замеченный московскими журналами, или такие писатели, как Знаменский, Рекемчук, которые по разным причинам недолго жили на Севере и уезжали отсюда тоже по разным причинам, – рождалось и воспитывалось целое поколение высокого уровня литераторов.

В «Сыктывкарскую мастерскую» не было свободного доступа, нельзя было прийти и записаться. Надежда Александровна вела не литературный кружок, а семинар своего мастерства, мастерскую своего понимания образно-поэтического, философичного мира. Она собирала людей, которых ориентировала – на создание литературных ценностей не только в масштабе республики, но и в масштабе страны, одновременно она формировала русскую литературную среду. Этот уровень поставленных задач стал для меня откровением.

– И ты его принял?

– Надежда Мирошниченко обозначила передо мной вопрос – кто я есть? Руководитель кружков Центра детского и юношеского туризма, альпинист, путешественник или человек, который хочет создать свой литературный мир. Что для меня важнее?! И я ответил, что поэзия для меня важнее. И тут же получил бескомпромиссную установку: «Если поэзия, то надо быть последовательным – хватит заниматься ерундой! Есть Литинститут, хочешь быть писателем – поступай и учись». Я поехал в Москву. Перед этим республиканский семинар молодых авторов в 1987 подарил мне ещё одного учителя – прекрасного московского поэта Валентина Устинова, он помог мне определиться с философией творчества, сумел передать, в чём сущность образности поэзии. Он тоже подтолкнул меня сделать выбор – и я бросил третий курс Кировского педагогического института и поступил с третьей попытки в Литинститут к Валентину Сорокину, был «дикий» конкурс – 120 человек на одно место в поэтическом семинаре. Потом меня перевели к Николаю Старшинову. Он меня в свой семинар не отбирал – не видел во мне своего ученика. В моей памяти Старшинов остался замечательным человеком с глубокими глазами фронтовика, очень внимательным и вдумчивым собеседником, но не понимающим мои стихи. Удивительный случай, когда твой преподаватель является на защите дипломной работы оппонентом, сказавшим: «Я вас

так ничему и не научил!» Это неверно. Я учился на каждом его семинаре, но часто от обратного, стараясь анализировать не только лучшее, но и худшее в творчестве своих сокурсников. Поступая в институт, я думал, что узнаю, как надо писать стихи, закончив его, я понял, как не надо писать стихи. И это я понял на семинарах очень тактичного наставника Николая Старшинова при разборе сотен самых разных рукописных стихотворений, нас, приезжавших со всех концов России. Говоря о Николае Старшинове, не могу не вспомнить написанную им рекомендацию в Союз писателей России: «С. Журавлёва – рекомендую. Н. Старшинов».

– Когда к тебе пришло понимание, что ты как литератор состоялся?

– Произошло это примерно на третьем курсе Литинститута, когда позволил себе внутреннее право на оценку чужого творчества, именно на оценку, а не на разбор, не на обсуждение. Этому способствовало общение со многими замечательными поэтами, например с Сергеем Гонцовым и Еленой Зотовой.

В Литинституте можно посещать любые семинары, я с удовольствием посещал дополнительно мастерские поэта Левитанского и драматурга Эдлиса.

Расскажу один случай, который убедил меня в правильности моего выбора, в том, что я занимаюсь своим делом. На творческом семинаре я читаю своё стихотворение «Светлый Ангел-Хранитель на вешнее поле сойдёт...». Один из моих сокурсников Иван Белокрылов, который обычно прочитывал обсуждаемые подборки в спорах, перед самым занятием, говорит: «Всё хорошо, Сергей. Одно плохо – зачем в такое лирическое стихотворение об ангеле вставлять трактор?!» Какой трактор?! У меня там нет ни слова о нём. Однако Ивана я поблагодарил. Он несуществующее в тексте слово услышал, которое только подразумевалось – сейчас же любое поле пашут трактора. Следовательно, с помощью ритма, звукописи мне удалось передать даже не просто картинку, а архетипичный образный ряд. Тот архетип, который я создаю, оказался близок и другому человеку.

– Сергей, ты пишешь стихи, прозу, пьесы, нет ли в этом распылённости?

– Период творческих поисков у меня прошёл, ныне я не мечусь, в каком бы роде литературы реализоваться. Художественная форма – инструмент писателя, которым стоит владеть. Если материал требует написания драматической поэмы, то сокращение его до четверостишия не принесёт результата, хотя краткость – сестра таланта. И наоборот, то, что требует предельного немногословия, должно быть выражено афоризмом, моностихом или хайку. Впрочем, однажды я нашёл для себя поэтическую форму «незабудки», которая похожа на японские трёхстишья. Например, об удивительном явлении зимней радуги можно рассказывать и рассказывать, а можно уловить краткость её существования в краткой образно-поэтической форме – «незабудке». Сегодня моя поэма «Незабудки» состоит из таких пойманых мгновений, и, надеюсь, написание её продолжится всю мою жизнь.

Только литературное мастерство должно определить твой выбор жанра. Не ложилась история освоения Сибири зырянами и превращение казака из коми Дмитрия Зыряна в государева чиновника – целовальника всея Колымского края в стихотворение или поэму. Она требовала другого осмысления. Так появился роман «Зырянский крест».

Недавно вычитал в летописи фразу: «И на поле Куликово Дмитрию Донскому привёл князь Аликей из селения Пырос восемь-десять крещеных воев на

защиту веры православной». Меня сейчас эта строка мучает. Я не знаю, что из неё получится – поэма, пьеса, детская повесть или киносценарий. Пока не знаю.

– Считаешь ли ты, что литература должна защищать какие-то определённые ценности или её задача ограничивается самосовершенствованием?

– Нравственные устои русской цивилизации держатся на десяти заповедях Божьих. Они требуют как бы своего подтверждения в каждом человеке, в том числе и в литераторе, и на уровне слова, и на уровне поступка. Их надо не провозглашать, их надо созидать.

Я никогда не любил и не буду любить декларативных стихов. Для меня стихотворение – вариант собеседования, совместного размышления, поиск истин в диалоге. На мой взгляд, литератор – не ментор, не гуру, он не диктует свою волю, а только предлагает размышлять – и над образом, и над метафорой, и над диалектикой чувства, и над скрытым смыслом. У поэта Дмитрия Фролова был термин «симфора» – симфоническая метафора. Им он называл лирические произведения, в которых каждая строчка обогащает предыдущую, а в результате рождается новый глубокий смысл, глобальное обобщение всего стихотворения. Он о таком стихотворении говорил: «Вот это симфора!» Искренний лирический повод к рассуждению – симфора – и есть настоящая защита ценностей русской цивилизации.

Если ты в своём вопросе хочешь узнать, как я в творчестве переживаю чувство патриотизма, то хочу сказать, что Россия всегда была для меня одним из сакральных слов, но я бы не хотел кричать его на каждом углу. Только в том случае, если этого потребуют горе сограждан и беда страны. Слово «Родина» не менее нежное, чем слово «Мама». Кричать ежедневно на многолюдной площади «Мама, я тебя люблю!» несколько странно.

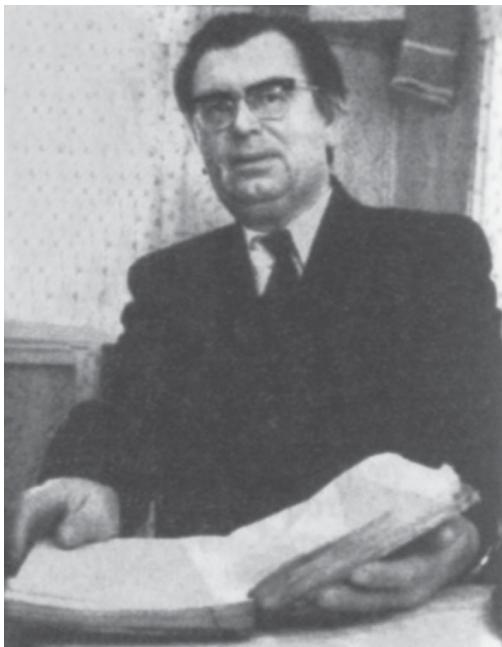
Нашему поколению досталось время поэтической вседозволенности и право на сбережение нравственных ценностей русской литературы.

– Не раз приходилось слышать, что у нас в Республике Коми одна из самых сильных писательских организаций в России. Ты согласен с этим мнением?

– Я не знаю других региональных писательских организаций, поэтому не имею возможности для сравнения. К сожалению, центральные журналы становятся всё более корпоративными, не отражают тех процессов в литературе, происходящих в провинции, и не выносят на читательский суд произведения, противоречащие корпоративной эстетике. Однако я горд тем, что принадлежу к времени, когда сформировалось очень интересное поколение русских писателей в Республике Коми, и что я один из его представителей. В нашей писательской организации половина пишет на коми языке, половина – на русском. У нее как бы два крыла, которые, помогая друг другу, набирают высоту. Такая ситуация содействует взаимообогащению и образных систем, и национальных мировоззрений и культур. Не случайно и журнал «АРТ» публикует произведения на двух языках – это уникальное периодическое издание для всей России. Если продолжить сравнение Союза писателей Республики Коми с птицей, то я как бы одно перо сильного крыла, без которого, как и без других перьев, будем надеяться, что золотых, невозможен настоящий творческий полёт.

Интервью с С.Журавлёвым записал А.Попов

КРАЕВЕДЕНИЕ

Александр Панюков

Александр Александрович Панюков родился 25 февраля 1936 года в селе Керос Корткеросского района Коми АССР. Окончил историко-филологический факультет Кировского педагогического института.

Историк-публицист, писатель, журналист.

В суровых лесах Прилокчимья

В конце 1830-х – в начале 1840-х годов территория реки Локчим и его притоков Сапыч, Бадью, Съодью, Певк, Вырып, Мösъель, Лопью, Соль, Веж и других обследуются лесоустроительными и землеустроительными экспедициями Управления государственными имуществами и земледелия Вологодской губернии и наносятся на план. Выделяются пригодные для землепользования прибрежные территории, которые казенными лесничествами сдаются в аренду крестьянам близлежащих и дальних селений через каждые двенадцать лет. То тут, то там арендаторы на арендуемой территории с разрешении тех же лесничеств ставят избушки-времянки, бани, овины, расчищают прибережья от леса, делают подсеки и луга, косят сено, промышляют зверя и дичь, рыбу. Ставят промысловые избушки и охотники с привычегодских селений: Корткероса, Пезмога, Важкуры, Нёбдино, Сторожевска, Вомына, Подъельска, Наволока, Макар-Кероса, Лаборома, Эжола; с прилокчимских селений: Мордино, Дани, Конши, Четдино, Лопыдино, Позтыкероса, Бояркероса. По окончании аренды избушки-времянки и другие постройки убираются или передаются новым арендаторам. Согласно законоустановлений Российской империи в казённых лесах постоянно проживать не позволялось. Домохозяева должны проживать в своей сельской общине, на землях, нарезанных в годы Генерального Межевания 1784–1787 гг. При этом для справедливости скажем, что согласно указам Правительствующего Сената от 9 ноября 1884 г. с 1885 г. позволялось переселяться в казённые леса на расстоянии двадцати верст от своей деревни, но при этом числиться обывателем того же поселения и выполнять все те же для них установленные повинности.

Те древние домохозяева-земледельцы, охотники не могли и подумать, что спустя сто лет с небольшим р.Локчим и его притоки Сапыч, Певк, Соль, Лопью, Веж, Намск, Вырып, Рубиха и другие будут заселены и здесь будет слышна русскоязычная и иная речь, и все эти люди ежедневно будут отмечаться у комендантов спецпосёлков и находиться в ведении НКВД-ОГПУ, треста «Комилес». Этот документальный очерк – рассказ о спецпосёлках Сапыч, Певк, Ёмельстан, Веж, Расью, Теплогорка написан на основе документов спецпосёлков, хранящихся в Национальной Архиве РК.

В 1930 г. на основе Мординского, Лопыдинского, Позтыкеросского и Корткеросского лесничеств в составе треста «Комилес» Управления строительства северного комбината организован Локчимский леспромхоз. 5 декабря 1931 года полномочные представители ОГПУ Северного края (сокращенно – ППОГПУСК) и правления гостреста «Комилес» заключили соглашение-договор о передаче «Коми леспрому» спецпосёлков и семей спецпереселенцев. Так образовалась Локчимская исправительная трудовая колония НКЮ ГУИТУ РСФСР. В состав этого леспромхоза вошли посёлки Рапыч, Веж, Ёмельстан, Расью, Теплогорка, Мёсьель, Певк, Вуктыль, Соль, открытые по решению Сыктывдинского райисполкома, НКВД и ОГПУ. Позже эта огромная по территории колония была разделена на два: Мординскую ИТК и Позтыкеросскую ИТК.

На размещение в спецпосёлках спецпереселенцев и их семей числом более тысячи человек надо было построить до 240–300 домов. В каждом по четыре комнаты площадью 6×21 метров, с расчётом, чтобы на каждого жильца приходилось по два квадратных метра. В каждом таком доме поставить по две большие русские печи. Устанавливались нормы питания на месяц: на каждого работающего спецпереселенца (в килограммах): муки – 9,7; крупы – 0,9; рыбы – 2,2; сахара – 0,10.

Для обеспечения продуктами необходимо было подготовить нужное количество пашни, лугов, заиметь скот в расчёте по одной лошади и одной корове на 10 семей. Для приобретения скота выделялась ссуда из банка. Луга и пашни взять из тех земель, что были сделаны ранее жившими здесь людьми (арендные территории дореволюционных крестьян и территории коммун Теплогорка, Счастливый путь), при недостаче таковых проводить раскорчёвку и расчистку от леса.

Для продуктов питания устраивались складские помещения как в посёлках, так и в Мордино, Лопыдино, Дани, Конше, Четдино.

Для обучения и воспитания детей школьного возраста планировалось открыть школы по два класса-комплекта в посёлках Певк, Сапыч, Мёсьель, Веж, Соль, Вуктыль. Каждой школе требовалось на один класс комплект: по 10 стульев, 6 скамеек, 6 столов. На каждую школу три ведра, 4 шкафа. Обучение детей было бесплатным. В соответствии с директивой Архангельского Крайнона (тогда коми входил в северный край с центром в г.Архангельске) дети высланных кулаков и лишенцев, порвавших со своими семьями, от оплаты за обучение освобождались, а если дети высланных кулаков и лишенцев не порывали со своими семьями, то вопрос о них решался в каждом отдельном случае.

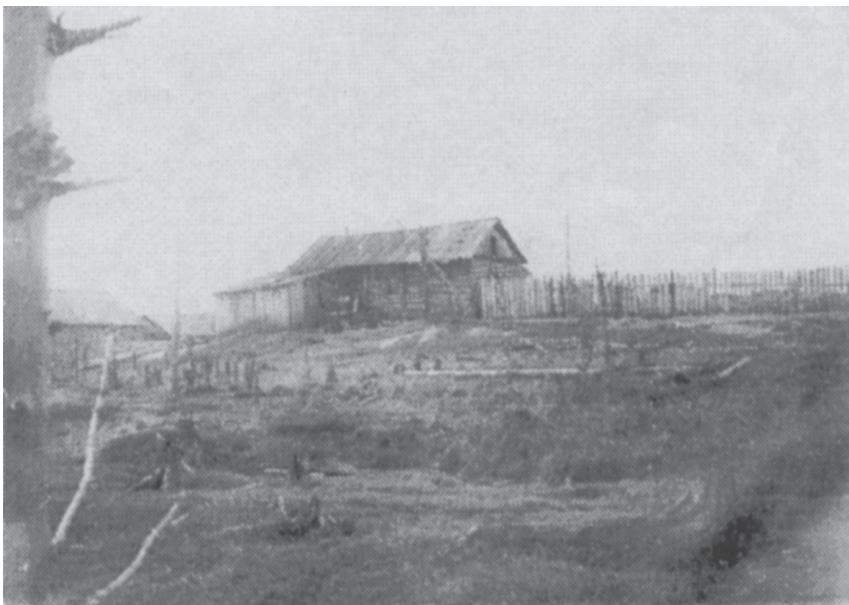
Эти дети могли быть освобождены от уплаты решением школьного Совета только в том случае, если «неосвобождение» ребёнка влекло за собой оставление школы (НА РК ф-148).

Пос. Веж. Барак для спецпереселенцев. 1931 г. Снимок 1961 года А.А. Панюкова.

Строительство школ оказалось медленно: на 10 декабря 1931 г. вместо восьми было построено два, в стадии строительства находились четыре. Число детей школьного возраста и число обучающихся составляло по спецпосёлкам: Певк – 45/45; Соль – 26/20; Вуктыль – 65/63; Веж – 58/58; Емельстан – 18/18, в том числе чуваши – 1/1; Расью – 49/49, в том числе немцы – 1/1 (это Маджский сельсовет); Воръю (Ибский сельсовет) – 35/35; Сапыч – 53/53 (все русские). В разное время заведовали школами и обучали детей: в Сапыче – Лыткин Семен Дмитриевич (заведующий), Ильчуков Иван Александрович (учитель); в пос. Певк – Муравьев Степан Николаевич и Рубцов Сергей Иванович; в пос. Вуктыль – Шестаков Николай Степанович и Торлопов Николай Степанович; в пос. Соль – Надуткин Иван Андреевич; в пос. Веж – Панюков Иван Андреевич и Алешин Михаил Иванович, Сивков Павел Иванович; в пос. Воръю – Попов Алексей А., Сивков Алексей Григорьевич, Ванеева Анна Петровна; в пос. Расью – Бушковская Александра Николаевна, Лебедев Григорий Яковлевич, Канев Василий Дмитриевич.

Главной целью школьного образования являлось перевоспитание несовершеннолетних. Этим же целям служили избы-читальни и клубы. В 1832 году они обслуживали: в п. Расью (Маджский сельсовет) – 702 чел., в п. Мёсьель (Лопыдинский сельсовет) – 484 чел., в п. Сапыч (Мординский сельсовет) – 742 чел., в п. Вежа-Керес (Лопыдинский сельсовет) – 621 чел., в п. Вуктыль (Лопыдинский сельсовет) – 790 человек. На культпросветительскую работу в 1932 г. было выделено 10218 рублей 40 коп. при потребности 10342 40 коп. Труд переселенцев организовывался на коллективных началах, с созданных с 1932–33 гг. внеуставных сельхозартелиах (колхозах).

Пос. Веж. Баня у р.Веж с правой стороны. Снимок 1961 года А.А. Панюкова.

1. Сапыч

В р.Локчим в 272 км выше его устья справа к северо-востоку от Мордина впадает речка Сапыч длиною 17 км. Это ближайшая река. И место это избрано для строительства спецпосёлка. Летом 1930 года сюда прибыла первая группа раскулаченных. Каждого прибывшего осматривали, описывали его имущество и передавали коменданту и уполномоченному посёлка. Вот опись спецпоселенца Кобзевой, составленной 15 апреля 1934 г. и переданный коменданту 28 апреля 1934 г.: «Дамская кофта – 3 руб., наволочка и клочок материи – 3 руб., домашнее платье – 5 руб., дамские варежки – 3 руб., дамский жакет – 5 руб., чулки – 2 шт. – 5 руб., нитки суровые – 3 шт. – 2 руб., холстинка – 1,7 м – 9 руб. 75 коп., пальто из овчины – 25 руб., юбка – 5 руб., наличные деньги – 22 руб. 13 коп. Всего 101 руб. 88 коп. Получил уполномоченный спецпосёлка Сапыч «УС» (подпись неразборчива)» (ЦГА ФР-937).

Переселенцы работали в колхозе «Сапыч» и на лесозаготовках. Так, в лесу работают 46 человек. Среди них Нечаев Петр Григорьевич, Гаврилов Федор, Маслов Тихон, Гаврилова Александра, Маслов Петр, Миронов Виктор, Попов Иван, Песков Федор, Аксенова Мария. Сапичцы (32 человека) работают на лесозаготовках в Часово (Синельников Федор, Шашева Клавдия, Краснов Афанасий, Синельникова Ольга и другие). 31 человек работают на вспомогательных работах в посёлке. Конюхом – Емельянова Пелагея, кузнецом – Соломатин Василий, в школьном интернате – Миронов, в бондарной – Климов и т.д. Кроме того, 11 человек в резерве. Основа жизни – сельское хозяйство. В колхозе «Сапыч» на 1 января 1935 года содержали 15 лошадей, 5 коров, 1 быка, 7 телят, 3 свиней, 15

кур; имели пашни – 60, подсек – 70, лугов 218 гектаров; выращивали зерновые на 16 га, картофель на 19 га, овощи на 6,6 га. Собрали сена в 1935 г. 1410 центнеров, картофеля 360 ц., овощей 72,1 ц. Валового дохода получено 62 тыс. руб. На каждый трудодень выдано по 2,5 кг. овощей и картофеля, по 1 руб. 52 коп. деньгами. На 1 марта 1935 г. в Сапыче было 79 семей. Взрослых: 74 мужчин и 83 женщин. До 16 лет 104 человека.

В школе обучалось 59 человек, проживали в интернате 17. Многие из посёлка бежали. В марте 1935 г. в бегах находились 222 человека, в том числе 100 женщин. Среди сбежавших были Ерохин Марк Дмитриевич, 1919 года рождения (сбежал 12 апреля); Малахова Анастасия Родионовна, 1911 года рождения (сбежала 2 апреля); Родина Серафима Георгиевна, 1925 года рождения (сбежала 2 апреля). Умерли Брусович Анна, 20 лет, Сухарский Николай Осипович, 51 год.

В посёлке имелся фельдшерский пункт со стационаром на три кровати. Фельдшером была Ступакова Александра Георгиевна 23 лет, с зарплатой 150 руб. в месяц. Сама тоже из спецпереселенцев. Фельдшерский пункт в 1935 году посетило 392 чел., из них 58 впервые, лежало в стационаре 8, умер – 1. В посёлке имеется баня, где одновременно могут мыться 8 человек, а при бане дезокамера (ЦГА ФР-937).

2. Певк

Певк – левый приток реки Локчим – впадает в 250 км от его устья, длина 47 км. В Певк впадает 53 протоки менее десяти километров, общей длиной 103 км. В семи километрах от его устья в Певк слева впадает река Расъель длиной 20 км, а в трёх километрах от устья – река Вырып. В двух километрах от устья реки Певк в 1930 году был основан спецпосёлок Певк.

Перед новым годом комендант спецпосёлка Певк Морозов просматривал списки неработоспособных спецпереселенцев на выдачу продовольственных пайков на предстоящие четыре месяца 1932 года.

– Все они в возрасте 56–58 лет или больны, или инвалиды, и уже не могут работать. Каждому по 4 рубля 90 копеек записал, – подавая список, объяснял коменданту счётовод Попов. – Может прочесть?

– Нет, сам прочту, – оборвал счётовода Морозов. Взял из его рук лист бумаги, положил на стол и стал читать: «Список спецпереселенцев п. Певк на получение пособия с 31 декабря 1931 года по 3 мая 1932 года: Сомова Евдокия Никифоровна (56 лет), Чернов Николай Семенович (41 год), инвалид Толкачева Пелагея Евгеньевна (68 лет), Беляков Николай Харитонович (64 года), Белякова Матрена Матвеевна (63 года), Сергеев Фома Семенович (60 лет), Сергеева Аксинья Зотьевна (60 лет), Васильев Антон Анфилович (61 год), Васильева Татьяна Яковлевна (61 год)». Попов, а у Беляковых, Сергеевых, Васильевых разве нет детей?

– Нет. Я же Вам список представил. Дети есть у Чернова-инвалида. Вот список детей и школьников до 13 лет, у которых или нет родителей или родители – инвалиды. Пособие каждому по 2 рубля записал...

– Сколько положено, столько и надо записывать, Попов! – проговорил комендант, беря список. – Но предупреждаю, чтобы тут не были записаны дети беглецов...

– Нет, нет, товарищ Морозов! Как можно!

Комендант взял список и прочитал: «Список детей до 13 лет в семьях нетрудоспособных инвалидов на получение пособия в сумме 2-х рублей с 31 декабря 1931 года: Черновы – Петр Николаевич (13 лет), Николай Николаевич (7 лет), Иван Николаевич (5 лет), Вера Николаевна (0,5 лет); Объедковы – Иван Ефимович (2 года), Анатолий Ефимович (0,5 лет); Савольские – Клавдия Ивановна (7 лет) и Елизавета Ивановна (4 года)».

Остались позади январь и февраль. Начался март.

– Тяжёлый месяц – март. Ох, как тяжёлый! – рассуждал про себя комендант Морозов. – Снова переселенцы пустятся в бега. План по лесозаготовкам не будет выполнен. Неделю тому назад только разбирались с трелёвщиками леса. Просвирин Иван Алексеевич, жена его, Анна Алексеевна, и с ними ещё трое не вывезли к Локчиму на катаще лес. За это их лишили продуктов, и вся бригада отказалась работать.

В коридоре послышались шаги. В кабинет вошёл милиционер Нестеров.

– Привёз на допрос Недоборова. Ввести?!

В кабинет вошёл молодой, лет 17–18, парнишка, в рваной одежде, заплатанных валенках. Остановился в шагах трёх от стола коменданта.

– Значит, ты и есть Недоборов Григорий Кондратьевич, выходец из Нижне-Волжского края, 1914 года рождения? Мать – Мария Матвеевна, сёстры – Александра, Авдотья, Катерина, брат – Василий. Из раскулаченных? – перечислял Морозов, просматривая подготовленный к допросу лист. – Как самого старшего в семье, Недоборов, я тебя в декабре 1931 года направил на лесозаготовку в п.Намск. Оттуда ты удрал, проработав всего две недели. Так ли?

– Так-так, гражданин начальник. Голодный был, потому и сбежал в Лопыдино. Там собирали подаяния.

– Оттуда тебя, Недоборов, привели снова в Намск. Но ты снова сбежал. На этот раз в Четдино, а затем, минуя Мордино, добирался до Сапыча и украл там у таких же, как и ты сам, спецпереселенцев 90 пайков пшена. А донёс об этом не комендант Сапыча, а спецпереселенец Улогов Алексей Васильевич. А в Намске у своих же украл ещё горох...

– Голоден, голоден был, гражданин начальник. Есть страшно хотелось, вот и украл.

Комендант перевернул бумагу и на обратной стороне записал сказанное Недоборовым. Промакнул перо в чернильницу и приказал: «Подойди и распишись!» Недоборов взял ручку и неторопливо крупными буквами вывел свою фамилию, поставил дату – 27 февраля 1932 года.

– Теперь можешь идти в свой барак. Как быть с тобой дальше, рассмотрим позже. Но завтра же на работу в лес! В Намск! Побежишь – дело передам в суд, в Корткерос в КПЗ направлю!

Суд 16-го участка в Корткеросе работал непрерывно. Секретарь суда Михаил Николаевич Лебедев сидел до глубокой ночи, оформлял протоколы, выписывал повестки, предписания.

15 апреля 1932 года. Из КПЗ привели в суд двоих мужчин. Судья Королев, просмотрев материал, представленный комендантом спецпосёлка Певк Морозовым, кратко и резко сказал:

— Лебедев, оба проходят по ст. 169 части 1. Оба беглецы. Отлынивают от работы. Можно, не разбираясь, оформлять предписания. Обоим напишешь по три месяца принудительных работ.

Лебедев взял светло-синего цвета плотную бумагу с заголовком «Бюро принудительных работ» и ниже его написал: «15 апреля 1932 года. Недоборов Григорий Кондратьевич из посёлка Певк Мординского сельсовета Сыктывдинского района. Осужден по ст. 169 части 1 на три месяца принудительных работ в п.Певк с удержанием 50 процентов зарплаты в пользу государства. Нарсудья 16-го участка Королев, секретарь М.Лебедев». Такое же предписание суда Лебедев оформил на Кривова Степана Евдокимовича. Подписав оба решения, судья Королев велел пригласить в зал подсудимых.

— Недоборов и Кривов, ваши дела мы рассмотрели. Вы оба неоднократно убегали с работ, а первый ещё и воровал. Побег с места работы без разрешения карается принудительными работами до трёх месяцев согласно ст. 169 части 1. На допросах свою вину вы признали?

— Да-да, признали,— в один голос сказали Недоборов и Кривов.

— Принудительные работы будете выполнять также в посёлке Певк! — объявил судья. Затем стоящему у двери суда участковому Бутикову приказал.— Сейчас же сопроводите обоих через Мордино в Певк в распоряжение коменданта Морозова. Решение суда возьмите у секретаря Лебедева.

Савольская Александра Ивановна, 36-летняя женщина, доильница, после дойки коров как всегда зашла в контору, сдала счётоводу дневник дойки коров.

— Александра, на полтора литра молока меньше! В чём дело? Выпила или детям отдала? — взволнованно спросил Попов.— Придётся коменданту доложить. Это же ЧП!

Счётовод дрожащими руками взял поданный Савольской дневник и зашёл к коменданту. Дверь за ним даже не успела захлопнуться, как Попов закричал: «Савольская, к коменданту!» Александра Ивановна поправила штаны, фуфайку, отряхнула валенки и зашла к коменданту.

— Ну, что там у тебя случилось? — зло спросил Морозов.— К весне дело — отелы. Кажись, у тебя трое коров уже отелились, а молоко убывает. Не поила, не кормила что ли коров? Сама выпила или детям отнесла? Под суд отдам!

— Не пила и детям ни капли не давала. Они в хлев не приходили. Знают ведь, что нельзя. Конюх Степанов Федор Артомонович там всё время был. Фонарь держал.

— Но что же тогда произошло? Какую-то корову недоенной оставила?!

Савольская поправила шаль на голове и, хлюпнув носом, негромко произнесла:

— Фельдшер Червяков, товарищ коменданта, пытался меня в хлеву изнасиловать! Артомонович, конюх наш, помешал ему. С фонарем как раз зашёл в хлев. И чтобы как-то отделаться, Червяков тут же потребовал зайти мне в медпункт. Я, конечно, пошла. Ослушаешься — хуже будет: дескать, ты больная.

— И что дальше?

— А то дальше? Признал меня больной венерической болезнью и велел каждый день ходить к нему в медпункт на лечение. Справку ещё дал.

— Дай-ка её сюда!

Савольская вытащила из-за пазухи клочок бумаги и подала коменданту: «Справка. Данна Савольской А.И., что она больна венерической болезнью и подлежит лечению. Фельдшер п.Певк Червяков. 16 апреля 1932 года».

Морозов взял из стола папку с бумагами. Перелистал и, найдя нужную, произнёс:

— Вот справка от 4 апреля 1932 года, поданная Червяковым. Здесь написано: «Савольская А.И. была на медосмотре и признана здоровой. Фельдшер Червяков. 4 апреля 1932 г. п.Певк».

— Савольская, разница 12 дней! 12 дней назад у тебя ничего не было, а тут на тебе — появилось. Может, муж болеет?

— Нет, товарищ начальник, нет. К другим бабам он не ходил. Со мною только живёт.

— Ладно, Савольская, иди домой. С Червяковым я сам разберусь. А мужа твоего прикажу направить в Мордино на медосмотр,— распорядился Морозов.

* * *

Поздно вечером, 19 апреля 1932 года, к коменданту зашёл Савольский Александр Иванович и подал бумагу со штампом: «Справка. Данна Савольскому А.И., спецпереселенцу п.Певк Мординского сельсовета. При осмотре его полового члена найдены три маленькие ссадины, которые для венерической болезни не характерны. Фельдшер Мординского медпункта Меркулов. 19 апреля 1932 года» (ЦГА ф-938).

К середине июня в Певке отсеялись. Посадили картошку. Установленное нормой довольствие (мука, крупы) из-за голода в Поволжье в полном объёме не поступало. Голодно было в Мордино, Четдино, Конше, Дани, сельхозкоммуне «Светлый путь» Керосского сельсовета. В посёлке Певк тоже голодно. 14 июня, после полудня, Боков Маркел Тимофеевич (1892 года рождения), улучив момент, вышел на картофельное поле, выкопал десяток клубней, но был задержан. Дал слово больше не воровать.

1933 год. В п.Певк новый комендант И.А. Безносиков. Голод не тётка. Продукты в Певке возят возчики из Сыктывкара через Корткерос, Коншу, Дань и Мордино. 11 февраля возчики Добровольский Сергей Иванович, Карпов Евгений Васильевич, Тюрин Иван Иванович, Кумская Евдокия Арсеньевна, Савольская Анна Ивановна везли сахар. Добровольский по пути покупал сено 4 пуда у Худяева Михаила. Под деревней Дань обнаружили, что два мешка с сахаром после удара об изгородь порвались. Обнаружили только спустя 200 метров. Сахар собрали. По прибытии комендант каждого допросил.

Голод продолжался. Перед праздником Благовещения со стороны п.Сапыч шагал на посёлок Певк спецпереселенец В.И. Кузнецов, работавший в Сыртымской базе. Кузнецов шёл очень медленно, едва передвигал ноги, часто садился отдохнуть. Вот уже пять дней во рту крошки не было. Работая в лесу на Сыртымской базе, Кузнецов три дня болел и после выздоровления начальник лесопункта ему работу не дал, отвечал, что на его место взят уже другой человек и его паёк выдается ему. Для неработающего пайка нет и не будет. Так прошло три дня. И проголодав ещё два дня, Кузнецов решился идти в Певк — в свой

посёлок. В Сапыче есть ему тоже ничего не дали. В пути из Сапыча в посёлок Певк Кузнецова нагнали уполномоченный неуставной сельхозартели И.С. Ковылин и письмоносец Стрельцов. Шли вместе два километра.

— Дальше идти не могу,— объявил тихим голосом Кузнецов.— Сил больше нет.

— Шесть километров до посёлка осталось,— сказали Кузнецову спутники. Но он почти ничего уже не слышал, лежал плашмя на дороге. Из Певка отправили навстречу подводу, но Кузнецов был уже мёртв. Сам комендант забеспокоился. Составили акт: «Кузнецов умер по причине длительного голода, из-за неверного руководства по снабжению Сыртымского лесопункта. Данный случай считаем умышленным убийством, угрожающим многим людям. Для следствия и привлечения к уголовной ответственности начальника Сыртымского лесопункта. Комендант спецпосёлка Певк Безносиков, уполномоченный неуставной сельхозартели Ковылин, письмоносец Стрельцов».

Спецпереселенцы бежали от голода и тяжёлой жизни. Летом 1933 года из пос. Певк сбежал Горячев Никита, но был задержан и отправлен обратно. Дорога шла вдоль Эжъес-ю, через деревни Кар-Мыльк, Дас-квайт-пая и коммуну «Счастливый путь». 1 сентября, прошагав более 25 км, Никита добрался до Дас-квайт-пая (Верхний Эжъес) и заночевал в доме Андрея Ильина Ветошкина. 2 сентября, взяв в дорогу немного хлеба, пошёл на Певк, но вернулся обратно.

— Медведя встретил, испугался. Кое-как ноги унёс,— жаловался он.

Переночевав, 3 сентября Горячев снова ушёл на Певк. Но опять вернулся. 4-го сентября Любовь Ильинична Ветошкина (47 лет, вдова), выгнавшая корову на выпас, у ржаного поля увидела спецпереселенца всего в крови, сидевшего у изгороди. Около него лежала бритва. Горячев перерезал себе горло, но был жив, хотя и разговаривал с трудом. Через некоторое время он встал и медленно пошёл к дому. Ветошкина натопила баню, где Горячев и переночевал. Утром он ушёл на Певк вместе с Макар-Керосскими мужиками Афанасием Андреевичем, Александром и Григорием Андреевичами, Андреем Федоровичем Панюковыми, которые шли на бывшее их в 1922–24 годах построенные дом, баню и овин, где они намеревались было с введением НЭПа в 1922 г. жить хуторским хозяйством, но к этому времени уже заброшенным. Ими построенный дом и баня были в 1930 г. разобраны и увезены для возведения барака для спецпереселенцев в пос. Певк и Сапыч. За увезённые строения этим мужикам ни копейки заплачено не было. Только Степану Прокопьевичу Панюкову из д. Эжол за его увезённый в пос. Емельстан дом в Мордино, где тогда находилось начальство «Комилеса» и НОКВД-ОГПУ, была уплачена небольшая сумма (по воспоминаниям моего отца Александра Андреевича Панюкова около одной тысячи рублей — А.П.). Комендант спецпосёлка Безносиков постоянно кого-то допрашивал. Составлял протоколы. После Ильина дня в кабинет к коменданту пошел Червяков.

— Ну, Василий Трофимович, расскажи, каков улов у тебя? Скольких беглецов поймал?

Червяков сел напротив и доложил: «Будучи направлен Вами для задержания беглецов, я с первых дней приезда в «Счастливый путь» заметил, что гражданин Королев Василий Ларионович содействует их побегу. При моём пребывании в течении десяти дней удалось выяснить, что с его помощью сбежал спецпе-

реселенец Аксенов Павел Григорьевич, который с семьёй из пяти человек скрылся у Королева всё лето. И все пятеро сбежали. Но делает это Королев не бесплатно. Готовящиеся бежать оставляют ему свои вещи, и он охотно их принимает...»

– И не боится, что его самого за содействие побегам могут арестовать? – оборвал Червякова комендант Безносиков. – Ведь не их одних он готовил к побегу.

– Так точно, не одних! Там же я обнаружил вещи спецпереселенцев Нехаевой Евдокии и Резевской Екатерины. Прибывшую туда Нехаеву Королев сам хотел проводить дальше, но я перехватил и отправил её обратно в посёлок Певк.

Теперь Королев всем даёт знать, чтобы в починок не заходили и шли прямо к визирю, который ведёт в Макар-Керос. Кроме того, спецпереселенцы, готовящиеся бежать, помогают косить ему сено. Так Алисов всё лето работал у него на сенокосе и получил десять рублей. Но заметил, что В.Л. Королев всем препятствует вступить в колхоз «Горд Керёс» и что он против Советской власти.

– Ладно, Червяков. С Королевым разберутся в Сторожевском ОГПУ. А ты возвращайся в «Счастливый путь» и не упускай из виду. За преступки ему придётся ответить.

* * *

Для автора очерка изложенное выше не только сведения из документов, но и реальность, в ряде случаев очевидность, ибо о многом, о чём было сказано, автор знал и видел воочию с детских, юных лет своих и не только видел, но и неоднократно побывал в тех местах, когда в 1961–64 гг. сначала студентом института, а затем с 1962 г. учителем истории и географии Макар-Керосской восьмилетней школы дважды прошёл от родного Макар-Керосского селения по рекам Эжъес-ю, Певк-ю, Локчим-ю до пос. Веж, побывал на местах бывших спецпосёлков и лагерей Певк, Вырып, Сапыч, Теплогорка, Емельстан, Веж, Намск, в деревне Певк – «Счастливый путь». Собрал образцы железных руд и охры-краски на месте бывшего в 1943–1945 гг. краскозавода, располагавшегося между Теплогоркой и Емельстаном. От пос. Веж до устья р. Певк прошёл с уроженцем тех мест д. Четдино, что на р. Локчим трактористом Вежского лесопункта Алексеем Никифоровичем Старцевым, а до устья р. Певк от с. Макар-Керосского через деревни по р. Эжъес-ю Кармыльк, Дас-квайт-пая с охотником Афанасием Петровичем Микушевым. Собранная коллекция минералов – сидерита, железного колчедана, краски – охры (тоже руда, только в виде порошка – А.П.) и других служила наглядным пособием на уроках географии в Макар-Керосской 8-летней школе. Работая старшим научным сотрудником и директором Корткеросского районного музея труда и быта с 1989 по 2003 год, то есть более 14 лет я ещё раз в 1997 г. побывал на месте бывшего краскозавода, изучил документальный материал в Национальной архиве РК и вместе с образцами руды и охры краски представил в администрацию района, оставил в музее. Оказалось, что краскозавод строили спецпереселенцы в 1942–43 годах и в 1943 г. переработали 50 тон краски-грунта, в 1944 г. – 20 тон. А работали там из колхоза «Веж»: Анна, Татьяна, Любовь Лябецкие, Анна Нефедова, Анелия Кадыш, Мария и Феоктиста Гриши-

ны; из колхоза «Емельстан»: Гаврил Николаевич, Алексей Гаврилович, Мария Гавриловна Верескины, Нина Ивановна Исаева, Ефимья Михайловна Верескина. Некоторых из них в 1961 г. я ещё застал в пос. Веж (билет на самолёте АН-2 от Сыктывкара до Вежи был 3 рубля – А.П.). Тогда и осмотрел барак спецпереселенцев постройки 1931 г. и сфотографировал его (см. фото барака и бани). Визирка из посёлка Певк–Счастливый путь, по которой бежали из посёлков и лагпунктов (с 1939 г.) выходит прямо на Макар-Керос (всего около 20 км по прямой – А.П.). Нет-нет да и вспоминаются эпизоды детских лет. Ранним утром или поздно вечером мимо нашего дома прямо на юг в леса простирающиеся до Певка и далее Пермской области идут люди в форме с собаками, винтовками и автоматами. Идут искать и поймать сбежавших из спецпосёлков и лагпунктов, идут прямо мимо нашего дома, нашей бани. За лето не раз повторялась эта картина. Повторялась, потому что очень многие бежали из пос. Певк и через пос. Певк из посёлков Сапыч, Вырып, Емельстан, Теплогорка, Веж. Нам, особенно детям, страшно было жить. Мы не смели ходить в лес. Ведь бывало всякое... В 1999 и 2000 годах я побывал в Емве, в архиве учр. М-222 знакомился с делами Локчимлага. Действительно, из Певка бежали больше всех. Так, согласно приказа №92 от 19 июня 1939 г. из посёлков бежало в мае-июне 56 человек, из них 21 из пос. Певк. Помню и эпизоды военных лет. В 1943 году, в начале зимы моя старшая сестра Катерина с возом муки, мяса (мука из колхозного зерна помола местной мельницы, и мясо из того же колхоза) выехала в пос. Певк. Сама полуодетая, голодная, а продукты везёт посёлковым жителям. Помню, по возвращении сестра долго болела. Едва и выжила. Умерших в селе также было много. В 1939–40 годах из пос. Певк «Счастливый путь» колхозников колхоза «Горд-Керос» переселили. На нашей улице в метрах 50–100 поселились и дети Василия Ларионова Королева (того, который помогал бежать) Иван и Мария. В метрах 200 из Певка же поселился Василий Михеевич Королев. Мария – Лар Вась Маше Королева до сих пор живёт в Макар-Керосе. С детских лет помню портниху – швею Антонину Андреевну – донскую казачку. Она пришла из Певка и шила одежду, переходя из дом в дом. Шила и не раз нам. Шила всей семье. Наш дом всегда был открыт для бежавших; дед, отец и мать всех привечали: кормили и давали ночлег. Но бывало, только лишь лягут, и нагрянет милиция. На другой день нас вызывали в сельсовет и допрашивали... Отец тогда был на фронте. До сих пор остаётся загадкой, кто так быстро сообщал о бежавших из пос. Певк и зашедших на ночлег в наш дом. (Использованы документы из НА РК ф-379, 1107, 104, учр. М-222).

Александр Щанов

Щанов Александр Иванович, родился в 1923 г. с. Онежье, на Выми, в семье коми крестьянина. Ветеран Великой Отечественной войны. Защищал блокадный Ленинград. Был контужен. В 1943 г. демобилизовался.

Окончив исторический факультет Ленинградского университета, вернулся домой. Работал преподавателем в вузах республики.

Недавно вышла из печати его книга рассказов и очерков.

Ёгор Вась – вымский колдун

Если будешь подниматься, читатель, по древней живописной реке Вымь к её верховьям, перед тем как выйти к ревущим порогам, непременно остановись в этой, некогда многолюдной и гостеприимной, а теперь уходящей в небытие деревне, раскинувшейся на стрелке двух рек-кормилиц – Выми и Весляны. Испокон веков здесь проходил рубеж, разделяющий обжитую часть земли Вымской от бескрайних просторов предгорий Тимана и Предуралья.

Погост Весляна в 18 дворов впервые упоминается в Дозорной книге в 1608 году. В памяти же вымичан селение фигурирует уже со времён деяний святого Стефана Пермского.

С незапамятных времён здесь жили крепкие выносливые люди – бесстрашные охотники и рыболовы, земледельцы и лесорубы, пытливые землепроходцы и отважные воины – поколения Габовых и Захаровых, Тархановых и Лапшиковых, Кляповых и Суворовых, Катаевых и Волынкиных...

Многое повидала Весляна за свою многовековую историю. И набеги свирепых племён Сибирского ханства, и военные походы государевых ратей за камень – в «Югру» и далее – в глубь «Сибирской Украины». Участниками в этих походах были и сами веслянцы. Быть может, и в числе 40 проводников-зырян, которые вели отряд Ермака в царство Кучума, были также и веслянцы, не раз перед этим ходившие на соболиную охоту в Зауралье. И в числе казаков-вымичей они осваивали дальние сибирские просторы, сопровождали смелых землепроходцев – покорителей сурового Севера.

Встречали и, как могли, помогали веслянцы бедолагам-трудягам – «кулакам», согнанным «народной» властью с родимых мест в дремучую тайгу – в безлюдные верховья Выми и Ёлвы в начале 30-х годов. Через село, в натыканые вокруг зоны архипелага ГУЛАГ гнали и этапы голодных, измученных «сиволонов». Сколько всякого народу перебывало здесь, в этом, своего рода, Вавилоне! И всех

старались приютить, обогреть, накормить и поддержать духом добросердечные и гостеприимные веслянцы.

После благополучного спуска с плотами с сеном по извилистым и ревущим порогам и водопадам, в Весляне верхневымичане переводили дух. И в благодарность Всевышнему в церкви Николая Чудотворца ставили свечки и заказывали молебны. Здесь они узнавали и новости – добрые и печальные, случившиеся за время пребывания в верховьях. Вот и в памятное лето 1895 года, спускаясь с сенокоса, онежские крестьяне узнали, что на прошлой неделе дотла сгорело их село. И тушить пожар и спасти что-либо из утвари было некому: дома оставались одни старики и дети. Всё же трудоспособное население было на сенокосе в верховьях Выми – за 100–200 и более верст. Любопытно, что верхневымичане на лодках поднимали на сенокос и детей. Особенно многодетные, у которых на родовых участках – «чомкостах» – было недостаточно сена.

Согласно древним родовым традициям, получать пай – участок с больших общинных лугов – могли лишь те члены семей, которые лично присутствовали при их дележе.

Милое добродушие и первозданная простота, детская доверчивость и гостеприимство веслянцам, пожалуй, были присущи в большей степени, чем остальным вымичанам. Видимо, этот отпечаток наложило само географическое расположение села и благодатная, первобытная природа. С другой стороны, им была характерна и некая самобытность. В силу сложившегося уклада жизни все верхневымичане знали друг друга не только по имени-отчеству, но и по прозвищам, «по родам». Хорошо знакомы были вымичане и с удорянами, особенно с Мезени, для которых вплоть до недавнего времени главной жизненной артерией для выхода в «Россию» была Вынь с её притоком Ёлвой. Много удорян приезжали в верхневымические села и как профессионалы – пимокаты, шерстобиты, коновалы... Всех удорян вымичане звали «слободскими» – по названию древней «столицы» Удоры – Слободы.

На престольные праздники в то или иное село съезжался народ со всей округи. Особенно многолюдными, весёлыми и шумными были Введение в Отлах, день Гавриила в Онежье, день Параскевы-Пятницы в Турье, Петров день и день Зимней Николы в Конях, Ильин день в Весляне. Помнится, к праздникам для гостей варили общинное солодовое пенистое пиво и в больших чанах ставили в местах народного веселья. В каждом доме угощали каждого: все здесь были свои, родные, вымичи.

Много интересного про седую старину рассказывали деды при ночевках в Весляне. Дед Давид как-то поведал нам о том, как его прадед Семен, которого он хорошо помнил, будучи церковным сторожем в 20–40 годы XIX-го столетия, был очевидцем ужасного события. Обходя зимней ночью могилы новопреставленных, услышал из-под земли слабый голос. Полуживой от испуга, побежал за настоятелем церкви. Вернувшись к могиле, они оба какое-то время ещё слышали голос «усопшего». Откапывать могилу не стали: не успеть, да и большой грех. И настоятелю церкви не сдобровать. Через некоторое время голос умолк. Оба – и батюшка, и сторож – никому об этом не обмолвились и словом. А вот перед кончиной прадед поведал-таки об этом сыну и внукам, как бы исповедуясь и прося Всевышнего простить за великий грех.

В каждом селе могли рассказать и о своих богатырях, их подвигах. Одного необыкновенного силача мы ещё застали в 30-е годы в Ёлдине. Это был атлетического сложения рослый мужчина лет 70–75. Звали его Ёгош Степ Вань. Он очень

берёг своего доброго и сильного коня Карко. Поэтому при подъёмах с большим грузом всегда распрягал его и в гору воз тащил сам. Готовые конские дуги он сам «пробовал» на прочность: сжимая руками, словно «подкову», ломал их как лучинку, пока не доходил «до годности». Полугодовалого жеребёнка, повредившего на пастбище ногу, Иван Степанович тащил до дому целых две версты на своих плечах, как ягнёнка. Будучи человеком безукоризненно честным и законопослушным, он страшно возмущался малейшей несправедливостью. Рассказывали, как позже, уже в свои 80 лет, он расправился с обидчиком – председателем сельсовета Андреевым, который, якобы за неуплату налога, зашёл к нему описывать имущество. Старик схватил председателя в охапку, вынес его на улицу и, приподняв над головой, выкинул его в крапивник. Долгов же за ним, как оказалось, никаких не числилось. А председатель Андреев вскоре после этого попросился в другой район.

На рубеже двух веков – XIX-го и XX-го – Весляна была уже крупным на Выми селом в 90 дворов, с 400 жителями. Село украшала большая белокаменная церковь Николы Чудотворца, почитаемая верующими даже из соседних районов. Она просматривалась аж за 40 верст. А малиновый звон огромнейшего колокола благоговейно оглашал всю округу.

Многие дети крестьян учились в церковно-приходской школе. К услугам селян были две мельницы, кузница, три магазина.

На рубеже двух столетий, когда природа на Выми ещё не стонала от хозяйственного и экологического безумия людей, леса, реки и озёра в изобилии давали всё необходимое для вымичан. И трудолюбивые крестьяне Весляны и её «пригорода» – деревушки Ёлдино, обосновавшейся на самой стрелке Выми и Ёлвы, жили безбедно. Каждый двор имел одну-две лошади, одну, а то и две-три коровы. А овец на Выми держали столько, что им могли позавидовать и южане.

Но вот нежданно-негаданно на селян обрушилась беда. Всё началось с того, что стали гибнуть лучшие лошади, коровы, телята, овцы. То на выпасе, а то и прямо в хлеву, в конюшне. Причём, как все уверяли, безо всяких на то видимых причин. Бывало нередко, что скотина на лугу провалится в яму, утонет в трясине или повредит ногу так, что хозяин вынужден пустить её под нож. Купит крестьянин другую корову, другого коня, или вырастит из молодняка. И опять та же картина. Несколько крепких хозяйств были на грани разорения – хоть по миру пускайся. Поди-ка, покупай хорошего коня – он потянет на все 30–35 целковых – стоимости 3–4 коров.

Встревожились веслянцы не на шутку. Приходской учитель предложил было обратиться обществом в Яренскую уездную управу и пригласить ветеринара. Но крестьяне не захотели беспокоить земскую управу, да и не очень-то верили «барину». Решили своими силами справиться с бедой. Селяне уже давно подозревали в колдовских чарах, в порче скота «тёдыся» (знахаря-колдуна) – бабку Агафью. И не раз пытались усомниться в её. Даже задобрить подарками. Однако в открытую пригрозить ей все же не смели. Сами боялись порчи.

Говорят, старость ничего и никого не боится. И вот 100-летний дед Порфирий пошёл в открытую атаку на виновницу всех бед и несчастий. И упрекал, и угрожал ей, пугая Божьими карами за то, что она «тихой сапой» губит скот. Но... результатов не последовало. Всё оставалось по-прежнему. Не стало житья веслянцам да и только. На них обрушились, как им казалось, все «египетские казни». Крепко возненавидели бабку Агафью селяне. Но ведь и чаша терпения

имеет дно. Спрессованное недовольство искало выхода. Что делать? Как избавиться от такой напасти?

И вот как-то прослышали веслянцы, что в Катыдпоме заночевал знаменитый на всю округу «тёдысь» – колдун Пиля Епим из Слободы, что на Мезени. Он усмирил – наказал там местную колдуною за злодеяние над крестьянином Онь Семом. Пиля Епим возле сарая выстрелил из ружья в воздух, а в пяти верстах, на лугу, в это же самое мгновение сдох лучший в волости вороной конь семьи колдуньи. Но Пиля Епим уже уехал, а до Удоры путь далёк. Да и страдная пора на носу. Думали-гадали веслянцы, как и у кого найти управу на Агафью. И решили всем миром пригласить другого, прославившегося на весь вымский край всесильного колдуна – «Тёдыся» – мага из деревни Удор, что в Княжпогостской волости, – Ёгор Вася.

Снарядили депутацию из представителей почётных, лучших крестьян села. Сюда вошли молодцы-красавцы: Иуда Петруш Вась – ну прямо вылитый Еруслан Лазаревич, добродушный молодожён Пор Трёш, непревзойдённый следопыт-охотник, известный лесоруб и плотогон Саватей Микол, Ёль Вань Паш – искусный плотник и кузнец. Чтобы задобрить почётного и нужного человека – Ёгор Вася – на большой, ходкой лодке-вымке соорудили ажурный навес – бёлк с лежанкой. Не забыли взять и всевозможных угощений, русской пшеничной водки. А мать Петруш Вася – Анна Фокинична – умудрилась испечь огромный рыбник из целой сёмги в 20 фунтов. А чтобы «Тёдысь» не скучал в дороге, Петруш Вась прихватил с собой и свою благозвучную «тальянку».

И вот депутация веслянцев у Ёгор Вася. Наши молодцы, не моргнувши глазом вступающие в единоборство с матёрым медведем, аж вздрогнули, увидев его. Чёрные, глубоко посаженные глаза с кустистыми бровями у Ёгор Вася были настолько колючие, острые и всепроникающие, что вот взгляни он на кринку – и парное молоко скинет. От его пронизывающего, властного взгляда засохнет и берёза, а не то что человек. Привычное чувство власти над людьми и общепризнанный авторитет, видимо, и выработали у «тёдыся» особую волю, решительность и самоуверенность. В то же время был он с хитрецой, мог для «понта» и «поломаться», а порой даже и «кукситься», особенно когда речь шла о вознаграждении за труды. Но при этом он никогда не ронял свой авторитет, всегда помнил о своём призвании. Поговаривали, что нередко он сам засыпал порчу на человека, сам же и «изгонял» её. Бывало, на сенокосах, или на строительстве дома он одним мановением руки останавливал кровотечение из страшной, зияющей раны.

После настоятельных просьб и величаний по имени-отчеству, как своего рода древнего Пама, Ёгор Вась смягчился. Сделали своё дело и шикарные условия путешествия, богатые гостинцы и 100 целковых. С восходом солнца, незаметно от своих соседей, великий маг решил тронуться в путь.

Два молодца на шестах – на корме и на носу лодки. Два других усердно угощают и веселят дорогого гостя. От избытка чувств в предстоящем свершении акта возмездия над бабкой Агафьей и сами молодцы от души веселятся под звучную тальянку. «Баринская» лодка, вызывая любопытство вымичан, привлекла внимание даже команды и пассажиров парохода «Надежда» купца Митит Паша, спускавшегося из Онежья в Усть-Вымь. Ещё ранним вечером того же дня лодка причалила к берегу у деревни Катыдпом, оставив позади целых 60 верст из 90.

Ёгор Вась сам захотел заночевать здесь, у моего деда – Ивана Ипатовича

Щанова, – толкового крестьянина, мастера на все руки и известного на Выми общественного деятеля – заступника вымичан.

И вот гость с дедом чаёвничает. В беседе, как бы между прочим, дед намекнул, что и у его жены – Анны Петровны (моей бабушки) – как-то странно стало побаливать горло. Ёгор Вась, пощупав бабушкино горло, тут же поставил диагноз – «шева» (порча). Хотя дед мой и не очень-то доверял «тёдышам» – колдунам, всё же ради жены согласился тотчас же растопить баню. Когда всё было готово, Ёгор Вась ушёл в баню. Через некоторое время пошли в баню и дедушка с бабушкой.

О Боже, застали они Ёгор Вася в слезах, причитающего на коленях заклинания. Он тут же попросил бабушку прополоскать горло тёплой водой и несколько раз провёл по больному месту ладонью. «А теперь, Иван Ипатыч, – предупредил знахарь деда, – поберегись, нас здесь ждёт чёрная птица – виновница зла». И впрямь, не успели и шага ступить, как на деда и бабушку набросилась птица, напоминающая огромную ворону, норовя заклевать им лицо и глаза. Еле смог дед отбиться от неё, и то при помощи палки. Через минуту-две птица так же внезапно исчезла.

Бабушка сразу же почувствовала облегчение, боли в горле не было. Утром дед велел отблагодарить исцелителя – вручить ему 25 целковых. Бабушка же ограничились 15-ю. При этом Ёгор Вась напомнил ей: «Отблагодари меня так, чтобы ещё раз не пришлось обратиться ко мне».

Лодка с гостями отчалила от Катыдпома. И что же вы думаете? Через три дня «шева» опять напомнила бабушке о себе. Тут уж она призналась дедушке, что червонец-то она зажилила. Дед повозмущался и тут же отправил бабушку в деревню Удор к Ёгор Васю с новой четвертной.

Не успела бабушка перешагнуть за порог избы знахаря, как тот спокойно изрёк: «Говорил же я – не надо было скучиться в первый раз. Ну да ладно, садись уж». И тут же в присутствии своей большой семьи, провёл ладонью по горлу бабушки. Там что-то пробулькало, горло вздулось и... боль пропала.

– Ну, Анна Петровна, «шева» покинула тебя навеки. Возвращайся домой, да не говори никому о том, что была у меня.

И вправду, бабушку «шева» оставила в покое навсегда.

Однако ж вернёмся, читатель, в Весляну, где меж тем разворачивались главные события.

Отчалив от Катыдпома, к полудню того же дня депутация во главе с великим знахарем под задорную мелодию «тальянки» причалила к веслянскому берегу. Здесь их встречали и стар, и млад. Все знали, что вот-вот должно случиться нечто очень важное и нужное, которое положит конец их страданиям, а виновница всех бед получит, на сей раз, заслуженное возмездие.

Бабка Агафья пришла на берег раньше всех, ещё с утра. Стоя на коленях в грязи, она рыдала, да так, что казалось, душа её выливалась вместе со слезами. Она понимала, что ей предстоит держать жестокий ответ перед сельчанами за то, в чём её обвиняли. После трёх мучительных, бессонных ночей, обессиленная, жалкая, бабка Агафья ждала своей печальной участи в этот самый худший в своей жизни день. Ибо хуже не бывает. Ой, как ей хотелось теперь хоть чуточку бы разжалобить односельчан и всесильного Ёгор Вася – вершителя её судьбы! Как ей хотелось в эти минуты ощутить тепло человеческого участия в её неминучей беде! Она рыдала, билась лицом в жидкую грязь, умоляла односельчан простить её,

хваталась за полы плаща Ёгор Вася. Но, увы, все были неумолимы. А великий колдун с каменным сердцем отрезал: «Я и говорить не хочу с тобой. Приглашён я обществом и что оно решит, то и будет. Изыди от меня».

И толпа людей с шествующим впереди великим знахарем в окружении членов депутатии и почётных мужей, поднялась в село. Ёгор Вась и с ним человек десять зашли в дом к Оль Вань Пашу.

– Ну что ж, веслянцы, выведем на чистую воду злого человека, причинившего вам столько обид и горя? – спросил Ёгор Вась, и, попросив таз с чистой колодезной водой, удалился в другую половину дома «помолиться». Лишь через полчаса, весь в слезах, он вернулся обратно. Поставил на стол таз с водой.

– Смотрите, люди добрые, на вашу злодейку. Вот она, в воде!

И все, взглянув в таз, чётко увидели в воде лицо бабки Агафьи.

– Что будем делать? Как хотите наказать её? Убить? Изувечить? Ослепить? – спрашивал удивлённых людей великий колдун.

Сельчане, ещё недавно желавшие бабке Агафье тысячи смертей, вдруг словно окаменели, испугались страшных слов великого знахаря.

– Ну так что же? Зачем же тогда меня пригласили? – не унимался между тем Ёгор Вась.

Крестьяне же, добросердечные и не злопамятные по своей природе люди, вспомнили о Боге, о великом грехе и... смягчились.

– Василий Ёгорович, ты уже прости нас, но убивать Агафью не будем. Грех. У неё ведь большая трудовая семья. Надо и их пощадить. И изувечить насовсем тоже не хотим. Оставь лишь ей какой-нибудь заметный след до конца жизни.

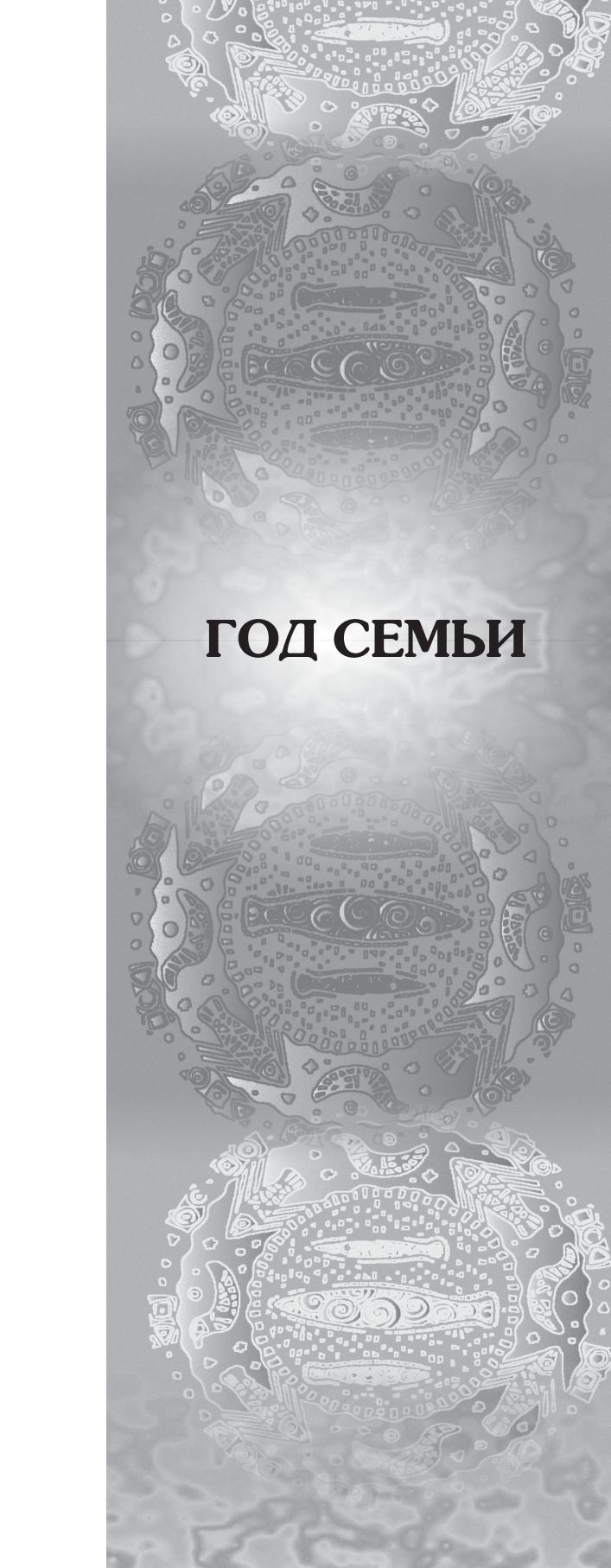
Тут Ёгор Вась, нахмурившись, взмахнул большим ножом и с силой ударил рукояткой по лбу отражения Агафьи в воде. И в тот же миг толпы людей, которые собрались на улице близ бабки-знахарки, увидели, как на левой стороне её лба, ближе к виску, выскочил большой нарост бледно-розового цвета. Рог да и только. Длинной более вершка. Бабка Агафья вскрикнула, пощупала «рог», хотела было вырвать его. Но не тут-то было: Ёгор Вась крепко «приварил» его ко лбу.

Долго ещё и истошно, валяясь на лужайке, рыдала Агафья. Но постепенно её стенания затихли. Видимо, знахарка смирилась со своей участью. Народ же, довольный таким исходом дела, стал расходиться. А кто-то из языкастых женщин, хихикнув, довольно громко съязвила: «Ну, теперь бабка Агафья и внешне походит своему призванию».

С тех пор, уверяли веслянцы, всё как рукой сняло: не стали гибнуть ни лошади, ни коровы, ни овечки. А «рогатая» бабка Агафья, пока была жива, усердно выполняла обязанности нештатного пастуха, стала «ангелом-хранителем» скота на селе. Если же иногда и случалось, что корова или барашек застревали в изгороди или падали нечаянно в яму, бабка Агафья оказывалась тут как тут. Приглашала хозяина на место происшествия и убедительно объясняла, что да как.

«Вот, видите, – говорила она, – скотина сама виновата. Я тут ни при чём». Сельчане с ней соглашались. Мир и спокойствие вновь воцарились в Весляне.

Говорили, что перед кончиной бабка Агафья горячо молилась Богу, прося прощения. И «рог» её исчез, словно его и не было. Ну а Ёгор Вась ещё долго и добросовестно выполнял свою миссию всесильного вершителя судеб на Выми. И ещё долго вымичи трепетали перед его могуществом. И многие со слезами благодарили его после изгнания «шевы» или другой порчи. И дожил он до глубокой старости в родной деревне Удор, что в селе Княжпогост, на Выми.

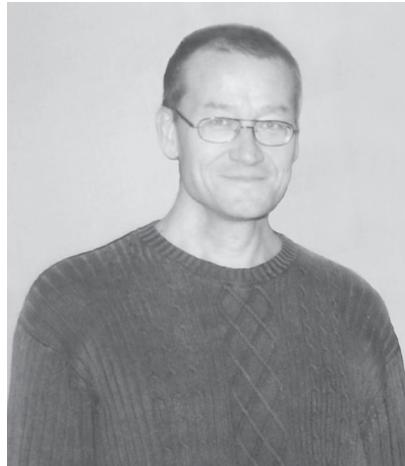

ГОД СЕМЬИ

2008 год объявлен Годом семьи в Российской Федерации. Семья – это важнейший институт общества, отвечающий за социализацию новых поколений. В семье закладываются основы нравственного воспитания человека, культурно-духовного развития, формируются нормы поведения, раскрываются индивидуальные качества личности и его внутренний мир. Семья способствует не только формированию личности, но и самоутверждению человека, стимулирует его социальную, творческую активность. В своих публикациях журнал и раньше обращался к вопросам возрождения авторитета российской семьи, укрепления базовых семейных ценностей. На этот раз мы публикуем статью о традиционных семейных ценностях народа коми.

Ирина Ильина, Олег Уляшев

Уляшев Олег Иванович. Фольклорист, писатель, поэт, старший научный сотрудник отдела этнографии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Неоднократно публиковался в журнале «Арт», автор научных монографий и статей.

Ильина Ирина — кандидат исторических наук. Автор более 100 публикаций в российских и зарубежных изданиях по проблемам традиционной культуры коми.

Жизненные пути-параллели

Мужской путь (*морттуй*) и женский путь (*аньтуй*)

В народной культуре коми широко функционируют термины *морттуй* 'человеческий путь' и *аньтуй* 'женский путь', отражающие традиционные представления о мужском и женском предназначении и реальное разделение культуры на мужскую и женскую сферы. Мужская судьба (*морттуй*) традиционно связывается с охотничьей удачей, способностью владеть топором и ножом, женская судьба (*аньтуй*) — с умением печь, прядь, заботиться о членах семьи и домашних животных. Разделение обязанностей между мужчиной и женщиной обосновывается в мифологических и фольклорных текстах: мужчине предписано заниматься охотой, он должен нести в дом добычу, содержать коня и собаку, а женщине достаются очаг, уход за детьми, коровой и кошкой. Согласно поверьям коми, у мужчины, обидевшего свою собаку, не приживётся больше ни одна собака, а обиженный им конь не пустит перейти по жёрдочке на тот свет. Женщину, ударившую кошку или плохо обращавшуюся с коровой, на том свете также ожидает неминуемая кара. Существует миф о том, что за коровой некогда ух-

Мужские занятия.

д.Ласта. Фото А.Артееева.

живали мужчины, но после того, как они не нашли пропавшую корову, лесная Хранительница коров научила женщин правилам ухода за этим животным (Лимеров 2001: 122-128).

Соответственно намечаемым в мифологии направлениям, мужская и женская деятельность реализуются в производственной, бытовой и обрядовой сферах. В поговорках, подчёркивающих статус мужчины и женщины, они привязываются к определённым производственно-бытовым обязанностям и орудиям труда: «*Бабалы сетёма кокан да потан, мужиклы – гогын да ботан*» – «*Бабе даны мотыга и колыбель, мужику – тесло и сеть*»; «*Бабалы тоин да гыр, мужиклы чер да зыр*» – «*Бабе – пест и ступа, мужику – топор и лопата*»; «*Мёлёдича тятей моздора, мужик ташка мышка*» – «*Молодица с ребёнком в охапке, муж с поклажей на спине*»; «*Быдёнлон аслас олан нырвиэй: кодёс гормёдchan да гырничё кёрталёма, а кодёс и пыжё-пелысö*» – «*У каждого своё направление в жизни: кто к кочерге да горшку привязан, а кто и к лодке-веслу*»; «*Чера-пилаа уджё кё путтыыд¹ абу, рузум-вет्यёкён ноксы дай*» – «*Если к работе топором да пилой способности нет, возись с пелёнками-тряпками*».

К мужским работам устойчиво относились охота, рыболовство, отхожие промыслы. Сугубо мужскими были столярный и плотницкий труд, а также некоторые виды земледельческих работ, требующие применения грубой физической силы или закреплённые за мужчиной обрядовыми требованиями, например, пахота и сев.

Основные сельскохозяйственные работы проводились совместно, хотя при этом соблюдалось определённое разделение: мужчины сеяли, пахали, метали стога, но

Рыбаки на р.Вымь, 2008.

Мужик без лошади, что город без площади.
с.Сизябск. 2008.

¹ Путь (< рус.) в современном коми нередко является аналогом туй 'дорога, направление' > 'нацелённость (на что-л.), способности, умение; пригодность' и синонимом ныр 'нос' > 'направление; направленность; ориентированность': туйтём, путьтём 'негодный, неспособный'.

и в косьбе, жатве, молотьбе, которые считались преимущественно женскими, мужчины нередко принимали участие. Особенно характерно это для преимущественно земледельческих районов Коми края (бассейнов рр.Луза, Летка, Сысола, южная сторона Вычегды).

Поскольку мужчины коми в основном зарабатывали на промыслах, приносивших до 70 % семейного дохода, значительная часть деревенских работ: огородничество, уход за домашними животными, домашние хлопоты ложились на женские плечи. Чисто женским занятием считались гончарное производство, а также выращивание и переработка льна. Специфически женскими были и до сих пор являются помочи, приуроченные к кануну Пасхи или Троицы, когда женщины собираются у кого-нибудь из соседок или родственников и моют всю избу, от потолка до пола:

«Керка мыськині корлісні нёль кыминэс бабаястэ. Керкаас пачис тышынэдэ да, быд во вёлі мыськалані. Ми семья-эн вёлі мыськам во пияс ётчиidтэ. Уна вед вёлі миян чой-вокид».

Приспособленное к природно-климатическим условиям и хозяйственному комплексу разделение трудовой деятельности сформировало характерную для коми иерархию внутрисемейных и внутрисоциальных отношений. Глава семьи распоряжался денежными средствами и семейным имуществом, представлял семью перед обществом. Без его согласия не могли совершаться семейные разделы. Причём, эта норма обычного права была закреплена законом о порядке семейных разделов 1886 г.: «В семейном быту отец, или же дед, если он ещё жив, есть глава дома и полный, неограниченный правитель, которому все младшие беспрекословно повинуются, слушаются советов и наставлений, без особых побудительных мер. Его слово составляет для всех прочих членов семейства, как бы закон, которого даже в отсутствии его никто нарушать не смеет... Он всем членам семьи, работникам, сам назначает занятие и его приказ всеми исполняется без оговорки» (Попов К. 1875). Однако уже в конце XIX – начале XX вв. главенство в семье чаще стало переходить к основному работнику-мужчине. Самый старший мужчина почитался как старейшина, но не имел реальной власти в семье. Так, если престарелые родители жили в семье одного из взрослых сыновей, то главой семьи являлся не отец-старейшина, а сын. В больших крестьянских семьях главенство хозяина (как правило, старшего из дееспособных мужчин) подчёркивалось в этикетном отношении и обращении к нему членов семьи, но основывалось на личных его качествах – трудолюбии, терпимости, житейской взвешенности в принятии важных решений. Хотя о традиционной строгости глав семейств информаторы говорят и в наше время: «Бать кёмкот, нямед, кём кёвъяссö сёр вылас пуктас, некод вёрзедні оз лысьт: челядь ни баба. Суров вёлі» – «Отец обувь, портняки, подвязки от обуви на «грядку» клал, никто тронуть не смел: ни дети, ни жена. Суров был» (ПМА: А.Е. Самарина).

Статус младших мужчин определялся, прежде всего, возрастом, но большое значение имели их характер и способности. В привилегированном положении

«Дома мыть приглашали до четырёх женщин. В домах печи дымят, каждый год было мыли. Мы семью мыли раз в год-то. Много ведь нас было братьев-сестёр» (ПМА: А.И. Лодыгина).

находился младший сын, в семье которого оставались жить родители и который после их смерти наследовал дом со всеми хозяйственными постройками и инвентарем. В промысловых районах к нему переходили и охотничьи угодья отца (хотя допускалось и совместное владение несколькими братьями, в основном в районах, где не было возможности расширять промысловую деятельность) (Конаков 1983: 167–168).

Хозяйка считалась статусом «ниже» хозяина, что позволяло делать некоторым исследователям поверхностные выводы о подчиненной роли, и даже о полном бесправии женщин у коми. Так, М.Михайлов в середине XIX в. отмечал, что «вообще нет уважения к женщине, в которой видят не столько мать семейства, сколько домовницу и работницу. Общий обычай требует со стороны жены безусловного подчинения мужу» (Михайлов 1851:333). И в начале XX в. В.Ф. Попов подчёркивал, что, несмотря на важную роль женщины в жизни семьи, отсутствует «моральное» равноправие женщины с мужчиной, поскольку женщину называют не её собственным именем, а по имени мужа – «жена такого-то», ей не полагается находиться за столом в присутствии гостей-мужчин и т.д. (Попов В.Ф. 1903: 121). К этому обычно добавляют, что с выходом замуж, женщина теряла право пользоваться родовым знаком (*пас*) отца, и на всех принадлежащих ей предметах начинала ставить знак мужа.

Приводимые доводы вряд ли можно считать доказательством приниженного положения женщины. Утеря права на пользование родовым знаком отца сопоставима с официальным изменением фамилии при выходе замуж. Да и логично, что её веци, ставшие частью имущества семьи мужа уже не могли обозначаться знаком отцовской семьи. Что же касается застольного этикета, на который ссылается В.Ф. Попов, то хозяйка не садилась (или присаживалась с краю) не в силу запретов, а лишь для собственного удобства. С тем же успехом исследователи могли бы укорять зырянских женщин за то, что они позволяют себе находиться в тёплом чуме или в натопленной избе, в то время как мужья на морозе окарауливают оленей или таскают тяжёлые охотничьи нарты. В домашней среде хозяин отдыхал от основной трудовой деятельности и играл скорее роль почётного гостя и распорядителя застолья (сидел во главе стола, резал и распределял хлеб, первым брался за еду, наказывал за неподобающее поведение и т.д.), хозяйка выполняла свои прямые обязанности, меняя блюда, обслуживая едоков и гостей, следя за порядком на столе и т.д., поскольку она находилась в своей производственной сфере.

Справедливость такого распределения ролей отмечается, прежде всего, самими женщинами, особенно в семьях, связанных с оленеводством и охотой. Отмечая особенности распределении обязанностей и прав между полами, П.В. Засодимский писал: «В зырянском kraю положение женщины вовсе не так сильно отличается от положения мужчины, как в других местностях России. Здесь женщина только на охоту не ходит вместе с мужчиной, а со всеми прочими отраслями хозяйства управляет отлично <...> Справляя наравне с мужчинами всякую работу, они рано начинают чувствовать себя крепко на ногах» (Засодимский 1983: 127).

Категоричные выводы М. Михайлова, В.Ф. Попова и т.д. не совсем достоверно отражают реальное отношение к женщине в семье коми и рисуют слишком

деспотичный образ главы. Более объективны, на наш взгляд, слова ещё одного исследователя о том, что «зырянская семья представляет собой кровный союз нескольких лиц, сообща ведущих хозяйство. Глава семьи не является неограниченным распорядителем всего семейного имущества; он связан в своих действиях контролем членов семейства, имеющих в виду свои интересы. Он не имеет, например, права продать родовой участок; мало того, он не может распоряжаться им даже в пределах своей семьи, будучи обязан разделить его между всеми его членами» (Большаков 1906: 25).

Указания на то, что женщину не допускали к застолью (особенно, чисто мужскому), уравновешиваются тем, что и хозяин редко присоединялся к чисто женским чаепитиям, которые устраивались в праздничные дни:

*«Празьникъясэ бабаяс чукертчасні.
Мужикъяс асьніс гуляйтэні, а бабаяс
код дорэ ке чукертчасні же. Коктэм
румкаэн кытшоттэдасні рускей горкей-
ен. Коктэм — мед оз пуктіні. Но сёмин
ёти румка курідтэ кисътасні. Сэсся сур
яндоваэн кытшоттэдасні. Суртэ, мый
лолід лэптас, код мыйтта кёсъе. Да
тишайтэ, дерт. Кык ведраа самевар волі
мамелэн, да вед куйим-нель самеварэдз
пуктівлісні, особеннэ, бабайд ке уна.
Сёясні-ювасні, посяласні бабаяс да чышъ-
янъяс разяласні, юр вилас помъяссэ лэп-
таласні, мед оз чукрасъ».*

«На праздники бабы собираются. Мужики-то сами по себе гуляют, а бабы у кого-нибудь тоже собираются. Безногой рюмкой обойдут всех русской горькой. Без ножки — чтобы не ставили (на стол). Но только одну рюмку горькой наливают. Потом ендовой с пивом обносят. Пива, сколько душа поднимет, кто сколько хочет. И чай, конечно. Двухвездочный самовар у матери был, так три четыре самовара иногда ставили, особенно, если баб много было. Попьют-поедят, вспотеют бабы и платки развязут, концы на головы поднимут, чтобы не помялись» (ПМА: Д.Г. Игнатова).

Отдельные праздничные застолья были и являются частью пространственно-временного и ситуативного полового разделения, которое начиналось в пределах крестьянской избы. Сугубо женским местом в ней считалось пространство перед устьем печи — кывт, где находились вход в подпол (*гёбоч ѿдзёс*), залавка (шкаф-полка), грядки (*сёр*), рукомойник (*мыссян доз*), весь кухонный инвентарь и где полностью властвовала хозяйка. Наиболее тёплое пространство дома на печи и полатях считалось местом детей и стариков, в холодное время года и женщины там занимались рукоделием. Мужчинам вполне здоровым и трудоспособным в дневное время находиться там считалось не совсем приличным, а иногда и позорным: «Кузь лунтыръясён дышсö паччёр вылын пёжё» — «Целыми днями свою лень на печи высиживает <букв. греет>»; «Абу ѿд седун, паччёр выв пёжны» — «Не седун ведь, чтобы напечье высиживать», «Парпонь лодырь, Парпонь дыш, паччёр вылын пёжё мыши» — «Парфён лодырь, Парфён лентяй, на печке пропекает спину». Мужчинам полагалось находиться в передней части избы, а заниматься мелкими бытовыми занятиями — возле входа (*кётишас*), на лавке рядом с печкой (*кётишас лабич*), предназначенный для сидения посторонних, зашедших в гости ненадолго. На той же лавке, но ближе к устью печи (*пач вом дор*), было традиционное место для курения.

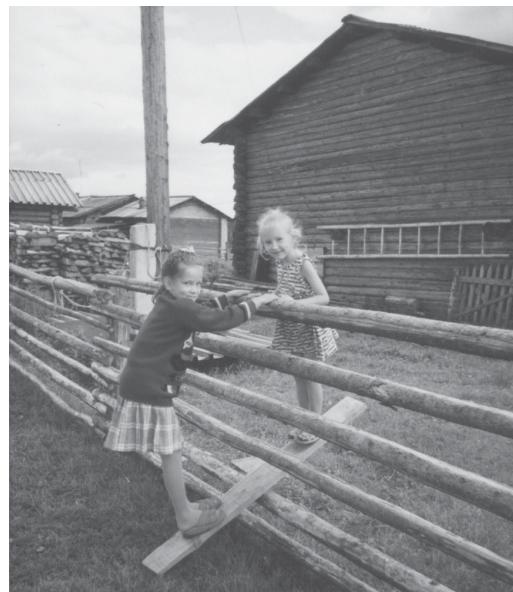

«Женский угол».

Распределение деревенского пространства происходило ещё в игровом возрасте. Девочки, как правило, играли в пределах усадьбы или возле дома, центрами их игрового пространства были «домики» (*чом*). Мальчики предпочитали подвижные игры, охватывавшие всю территорию деревни и окрестностей, устраивая в рощах и перелесках землянки (*пача гу* ‘яма с печкой’, *му гу* ‘земляная яма’, *блиндаж*, *землянка*, *штаб*) и шалаши из лапника (*лыс чом*), нередко огораживая их засеками и ямами-ловушками.

Прыжки на доске. с.Вольдино. 2001 г.

Игры девочек проходят на усадьбе. с.Вомынбож. 2003 г.

В гостях у дочки (домике). с.Бакур, д.Варыш. 2008 г.

В дальнейшем деревенское пространство также делилось между мужчинами и женщинами. Все новости женщины узнавали друг от друга возле колодцев, ключей или скамеек для стирки на берегу, откуда брали воду и где полоскали бельё. «Мужские клубы» были преимущественно привязаны к месту повседневных занятий мужчин. Как правило, они собирались и делились

новостями на берегу реки, возле лодочных сараев, возле кузницы, на мельнице и т.д. В пределах каждой деревни и околодеревенского пространства существовали места праздничных собраний молодёжи (обычно, на самых на высоких местах: холмах, береговых лугах или на окопице), женщин (в чём-нибудь доме), мужчин (на возвышенности в пределах деревни или, наоборот, в естественно

укрытом от чужих глаз месте). Так, в д. Кекур ещё в 1940-х г. «мужикъяс празникъяснад ий, рytъяснас корсюре ий чукартчиллісні этія чурк йылас да съыллісні, ёнджик война йылісь: мыкке «Педэр Киронъяс» да, пинской война йывсид да, казакъастэ да, оні вед оз тай чукартчилліні сідзтэя, вина сайин ке-а» –

У колодца. с.Мордино. 1907 г. Фото У.Т. Сирелиуса.

У колодца. с.Сизябск. 2008 г.

«мужики в праздники и вечерами иногда собирались на этом бугре и певали, больше про войну: что-то «Фёдора Кирона», и про финскую войну, и про казаков, теперь ведь и не собираются так-то, разве что за вином» (ПМА: Н.А. Уляшева, Е.А. Шахова), в д. Кужба «турунзэм гён вёлі. Сэн мужикъяс вёскресенъяся с чукартчилсні, сёрнитісні аслас делэяс йылісь. Ӯнія моз ээ юліні. Бабаяс став вильторсә тёдмавлісі струба дорін» – «травой заросшая яма была. Там мужики по воскресеньям собирались, говорили о своих делаах. Как сейчас, не пили. Бабы все новости узнавали у колодца» (ПМА: Т.А. Тарабукина).

Женщины в престольные праздники, да и в повседневности, по мере необходимости, посещали места, связанные с почитанием тех или иных святых, где стояли обетные кресты, часовенки св. Пантелеймона, Богородицы, Варвары, Параскевы и т.д., просили здоровья для близких, исцеления, зачатия для бездетных и благополучного разрешения от родов у беременных, оставляли обетные дары с выраженной женской символикой (полотенца и платки). Во многих местах устраивались и чисто женские крестные ходы.

Повседневная, праздничная и обрядовая гендерная дифференциация в тех формах, в которых она существовала и во многом сохраняется у коми, говорит не только о высоком статусе мужчин, но и о традиционном уважении к самостоятельности и правам женщин. В коми семьях особенно велика была роль жены хозяина, которая заведовала всем домашним хозяйством, работами по дому и на огороде, а во время длительного отсутствия мужа фактически возглавляла семью. Точно так же, как мужчины в особых случаях могли выполнять женские работы (ухаживать за скотом, стряпать, стирать, латать одежду), при необходимости женщины занимались, казалось бы, чисто мужским трудом. Некоторые, особенно вдовы, занимались даже охотой и рыбной ловлей. Встречаются такие женщины и в наше время: «Дас кык гымга меям, ачим кыя. Нук вийим да, оз кыйсинітэ ёна видзедчи» – «Двенадцать морд у меня, сама ловлю. Внук есть, но рыбачить не сильно желает» (ПМА: Ф.И. Самарина); «Сарраид, арлыда нін эське да, кулэмасе. Пелісэн кызы квайт километра катэ. Да вед ётнас тывъялэ ий! Абу ке гортас, сідзке чери кыс. А луннас ке игана, сідзке узе. Тадзи войбид тывъялас, ся сутки шойчче» – «Сарра, хоть и в возрасте уже, ставными сетями ловит. На вёслах двадцать шесть километров против течения поднимается. Да ведь в одиночку и неводом ловит! Если дома её нет, значит рыбу ловит. А если днём заперто, значит спит. Так всю ночь проневодит, потом сутки отдыхает» (ПМА: И.А. Паршуков).

Вдовы с малолетними детьми и вовсе становились главами семейства, уравниваясь во всех правах с домохозяевами-мужчинами в решении мирских вопросов.

Размышляя о равных с мужчинами правах женщин у коми, нельзя не отметить и то, что свобода, почти неограниченная в детстве и в девичестве, ограничивалась только в первые годы замужества,¹ после чего росла по мере укрепления статуса в новой семье. Наиболее популярными среди разных групп коми до сих пор остаются две притчи, касающиеся этой темы:

¹ Отсюда формульное противопоставление в свадебных причитаниях девического гуляния «на трёхсотсаженном шёлковом поводке» и замужества, как содержания «на трёхсаженной железной цепи».

«Нылыс верёс сайё петас да мамысы элясьё: – Мен пё, ыджыд семьяад септінныд да, быд асыв лоё ва ки чышкод чышкысыны. – А тэ, дитяй, велдьчи медвөддзайч чеччины, сэж и коски чышкод помыд сюрас»;

«Монъяс ёти семьяын оз лёсявны, ас костаныс оз сёрнитны. Шыд пуктасны туны. Ся ёти матыстчас, видлыштог солыштас. Мёд монь матыстчас, видлыштог солыштас. Коймёд... А айканыс паччёрсиян видзёд. Видзёдас, видзёдас, терпенныёис бырё да ләччас, созд тыр бузгас совсö пörтъяд: – Мен пё эг на солышты талун».

«Дочь замуж вышла и матери жалуется: – Мне, как в большую семью отдали, каждое утро приходится мокрым полотенцем утираться. – А ты, дитятко, научись первой вставать, тогда и сухой конец полотенца будет доставаться»;

«Невестки в одной семье не ладили, не разговаривали друг с другом. Суп поставили варить. И одна подошла, не пробуя, посолила. Вторая невестка подошла, не пробуя, посолила. Третья... А свёкор с печки смотрит. Смотрел, смотрел, терпенье кончилось, и спустился, пригоршню соли вывалил в котёл: – Я, говорит, ещё не солил сегодня».

В данном случае невозможно говорить о притеснении молодки по половому признаку, речь идёт скорее о привыкании к порядкам в новой семье, налаживанию отношений с новыми родственниками, и прежде всего – с хозяйкой и хозяином.

Вообще же, экономическая и психологическая независимость женщины коми складывалась ещё в девичестве, когда девушки оставляли себе заработки от наёмных работ. В этом плане более «ущемлёнными» следовало бы считать парней, которые львиную долю заработанного на промыслах отдавали в отцовскую семью, оставляя себе лишь незначительную часть «бёждор лэптёд выlö» – «на средство для задирания подолов».

Как бы то ни было, и статусный рост, и рост уровня свободы у мужчин и женщин шёл различными путями, по мере накопления житейских умений и трудовых навыков, и имел свои особенности, заложенные ещё в момент зачатия и предопределённые уже самим фактом рождения мальчиком или девочкой.

Начало человеческого пути

В традиционной культуре коми физиологические, психологические и социальные различия между мужчинами и женщинами находят отражение уже в обычаях, обрядах, представлениях, связанных с рождением и младенчеством.

Началом ритуального формирования половой идентичности можно считать традиционную регламентацию времени зачатия. Согласно народным поверьям, пол будущего ребенка определяет светило, под знаком которого происходит зачатие: после вечерней зари, при лунном свете зачинают девочек, поскольку их любят и даёт месяц, а при утренней заре, предвестнице солнца – мальчиков (Налимов 1908: 1.39: 126).

Народные приметы, основанные на мифологических представлениях и наблюдениях за физиологией беременной женщины, свидетельствуют о стремлении

уже до рождения определить пол плода. Так, считалось, если весной беременная первой увидит лягушку, родится мальчик, если ящерицу – девочка. К внешним признакам, имеющим универсальный характер и свидетельствующим о рождении сына, относят сильный токсикоз в начале беременности, набухание вены посередине лба беременной, острый живот, а на беременность девочкой – сонливость матери, круглый живот. Считается, что будущие сыновья ведут себя в чреве матери активнее, чем девочки (Ильина 2008: 86; ПМА).

Уже в самом начале жизненного пути, в момент рождения ребенка ритуально закладывалась основа для распределения социальных половых ролей: девочек символически ориентировали на женские сферы деятельности, обрезая их пуповину на веретене или прялке или привязывая пуповину к этим предметам, а мальчиков – на мужские сферы, обрезая пуповину на прикладе ружья, сохе, топорище, что находит широкие аналогии в восточнославянских традициях. Более того, считалось необходимым завернуть новорожденного сына в отцовскую рубаху, девочку – в материнскую: «*детиналы тупыръяссö вöчавлëсны бать дёрёмсыыс, нывлы – мам дёрёмысь, желательнö – улыс дёрёмъясысь*» – «мальчику пелёнки делали из отцовской рубахи, девочке – из материнской рубахи, желательно – из нижних рубах (ПМА: П.А. Уляшева). В предпочтении отцовской или материнской нижней рубахи в качестве пелёнки явно просматривается попытка передачи родительских качеств ребёнку соответствующего пола.

В вопросах родственников и знакомых, интересующихся у повитухи или родных тем, какого пола родился ребёнок, отчетливо прослеживается установка на соотнесение новорожденного с определёнными сферами деятельности и социальными функциями, выступающими в роли классификаторов половой идентификации: «*Приданнöй вайысь али приданнöй нуысь чужис?*» – «Приданное приносящий или приданное уносящая родилась?»; «*Чукчи кыйысь али вотöс вомысь чужи?*» – «Глухарей приносящий или ягоды приносящая родилась?»; «*Тар күштысь али кудель печкысь?*» – «Тетерева оципывающий или кудель прядущая?»; «*Вöр кайысь али пачö видзöдьысь?*» – «В лес ходящий или в печку смотрящий?»; «*Юр гуджысь али пес тотшкысь?*» – «В голове <вшей> ищущий или дрова колющий?».

Таким образом, новорожденный изначально воспринимается как исполнитель определённой ему/ей социально-половой роли, что подтверждается исполнением песенных импровизаций, адресуемых конкретному ребёнку не только как члену семьи (сыну, дочери, внуку, внучке), но и как будущему охотнику, плотнику, пряхе, ягоднице и т.д., в зависимости от биологического пола:

«*Вöр-пу йылысь лэдзысьёö,*
Ва пыдöссысь лэптысьёö,
Күш пельбессö тыртысьёö»;

«*Эн бöрд, эн бöрд дона пи,*
Трактористö велöдчан»;

«*Быдман, ыджыд лоан тэ,*
Му горны пондан тэ,

«*С вершин деревьев спускающий,*
Со дна воды поднимающий,
Пустой угол заполняющий»;

«*Не плачь, не плачь, драгоценный сынок,*
В трактористы выучишься»;

«*Вырастешь, большим станешь ты,*
Землю будешь пахать,

*Видз ытишкыны тэ пондан,
Дедсö-бабсö казьтыштан»;*

«Смолода дзоля донаёс ме быдта
пётхаяс вылё,
На старо́сь мусаёс ме быдта
Переменайс вылё».

Луга будешь косить,
Деда-бабку вспомнишь»;

«Смолоду маленькую драгоценную
я выращу на потеху,
К старости любимую я выращу
на смену» (Рочев 1969: 14-15).

Не только адресацией, но и образным рядом и тематикой, отличаются приговорки при парении в бане¹ мальчиков и девочек. Мальчиков парят, морально подготавливая к существованию в лесу, к охотничьею промыслу, как кормильцев семьи:

«Вёрё мунны – не вошины,
Ваёл пырны – не вёйны,
Пу вылё кайны – не усыны»;

«Кокё, кокё котёрт,
Чёдъя-пувъя ягё,
Озъя тыла вылё,
Мырпона егырё,
Тшака раскё,
Съёлаа нюрё,
Ура пармаё,
Дозмёра ягё.
Кыйсы да вийсы,
Ставсё чукёрт да,
Семьято верд да юктал».

«В лес пойти – не потеряться,
В воду зайти – не утонуть,
На дерево залезть – не упасть»;

«Ножки, ножки, бегите
В бруслично-черничный бор,
На земляничную подсеку,
В морошковый болотистый лес,
В грибную рощу,
В рябчиковое болотце,
В беличью тайгу,
В глухариный бор.
Охотничай, промышляй,
Всё собери и,
Семью свою корми-пои»
(Ветошкина 1982: 93-94).

Приговорки для девочек больше напоминают тексты свадебных приговорок и причитаний, для которых характерны параллельные описания девичьей красоты-здоровья в аналогии с растительными образами:

«Сöспу моз сёстёммыны,
Купальница моз цветитны,
Корся киль моз паськавны.
Мед турзяс да бырзяс
Кыдз ивановской турун
Турзёма, быдмёма»;

«Корёсь корыйс моз мед цветитны,
Еджыд мед тэнад яйыд лоё,

«Стать чистым, как рябина,
Цвести, как купальница
Шириться, как берёзовый лист.
Пусть крепнет и растёт,
Как ивановская трава
Окрепла и выросла»
(Дукарт 1978:149);
«Как листочку веника тебе цветести,
Пусть белым станет тело твоё,

¹ Младенцев парили в мягкой бане с первых дней от рождения: первую неделю – ежедневно, затем – через день, после сорокового дня – раз в неделю.

*Югыд мед тэнад вирыйд лоё.
 Кокё, кокё, пышыйы,
 Уулань вужийоо,
 Выылань корьёо.
 Порсълы – лудём,
 Ыжлы – кызём,
 Ошлы – висьём!
 Кокё, кокё, пышыйы,
 Ыйджыда бидмыны Тамаралы да Галялы
 Мед ёна ыйджыдось да бурёсь лойны!»*

*Пусть светлой станет кровь твоя.
 Ножки, ножки, бегайте,
 Книзу корни пустите,
 Кверху листья распустите.
 Чесотку – свиньям,
 Кашель – овцам,
 Болезни – медведям!
 Ножки, ножки, бегайте,
 Тамаре и Гале вырасти большими,
 Чтобы рослыми да хорошими стали!»*

(Микушев, Чисталёв,
 Рочев 1971: 46,78).

На уровне персонального общения также соблюдается разделение по полу: у коми принято традиционно обращаться к девочке любого возраста «*зарни ныв*» 'золотая девочка/дочка', к мальчику – «*эзысь пи*» 'серебряный мальчик/сынок'. В колористическом плане постоянный эпитет *золотой* (как и ритуальный *красный поясок*) определяет девочку в сферу женского солярного семантического поля, а *серебряный* (как *синий поясок*) – мальчика в сферу мужского лунарного семантического поля.

Культурно закреплённые различия проявляются и в незначительных, на первый взгляд, деталях ухода за детьми разного пола. Тугое пеленание младенцев до шестимесячного возраста, распространённое у коми повсеместно, особенно строго соблюдалось в отношении девочек. Считалось, что таким образом им не только придаётся красота телесных форм (прямизна ног и стана), но и формируется более спокойный характер и терпение, которые чрезвычайно пригодятся в будущей семейной жизни. Менее строгое отношение к пеленанию мальчиков объяснялось не только их физиологическими особенностями (чтобы не передавливать гениталии и не сужать плечи), но и тем, что они в будущем должны быть физически более подвижными.

При обрядовом оформлении каждого этапа социализации ребёнка учитываются различия между детьми разного пола: перед крещением девочке желали «*мичлун да здоровье*» – «красоты и здоровья», мальчику – «*вын-эбёс да сям*» – «мошь- силу и ум»; при крещении для девочки необходима была только крёстная, а для мальчика обязательны были крёстный отец и крёстная мать; первый посторонний, увидевший ребёнка, должен был завязать на девочке красный поясок, а на мальчике – синий и т.д.

Появление зубов маркировало новый период в жизни ребёнка, с которого он считался менее уязвимым для порчи и враждебных сил. В пяти-шестимесячном возрасте ребёнка освобождали от пеленания, на него надевали *пинь дёрём* (букв. 'зубная рубашка') – льняную рубашку от заметившего первым появление зубов, и специальный поясок (Сидоров 1928: 104, ПМА). В этот период ребёнку в люльку начинали давать игрушки из подручных материалов (бараньи косточки, утиные клювы, катушки, шуршащую бумагу) и специально для девочек – цветные лоскутки, самодельные куклы, а для мальчиков – вырезанные из дерева игрушки (Слепчина 1997: 10).

Подчёркивая различия между полами, считали, что в полугодовалом возрасте мальчики видят на длину ружейного ствола или топорища, а девочки – только на длину веретена (Конаков 1983: 219). Чтобы увеличить эту «разницу» и подготовить мальчиков к традиционному образу жизни, их, годовалых «... кладут на закорки подростков, сестрёнки или братишки, и дают право выходить на улицу дышать свежим воздухом и развивать на неоглядных полянах, обступивших вокруг селение, молодое зрение малютки, которое во взрослом состоянии пригодится ему при стрелянии дичи и лесных зверьков прямо в мордочку, чтобы не испортить шкурку» (Максимов 1983: 99-100).

Следующим важным моментом социализации ребёнка считается возраст в два-три года, когда на мальчиков надевали первые штаны, а на девочек – пластия.¹ До того времени дети, независимо от пола, носили одинаковые длинные рубахи. Это изменение гардероба, структурно разграничающее девочек и мальчиков, в некоторых исследованиях трактуется, как «разведение» по половому критерию, носящее «не только биологический, но и социальный характер» (Слепчина 1997: 11-12). На наш взгляд, некритически перенесённое в сферу коми культуры суждение о том, что таким образом от рождения «бесполый младенец» начинает идентифицироваться окружающими как девочка или мальчик (Байбурин 1991: 257-258; 1993: 44), требует некоторого уточнения.

Несомненно, возраст два-три года имеет для человека рубежный характер в плане приобретения определённого социального (внешнего) и психологического (внутреннего) статуса. У коми этот возраст особенно выделяется, о чём говорит уже наблюдение, связанное с физическим ростом человека: «*Кык арёсён – джын туша*» – «В два года – половина роста». В умственном отношении двухлетний ребёнок также считался достигшим половины взрослого уровня, поскольку старшие иронически или в шутку нередко напоминали «*тэ ёд абу на морт, тэ морт джын на*» – «ты ещё не человек, ты ещё пол-человека», особенно, если ребёнок требовал что-то сверх положенного. Согласно мифологическим представлениям, в два-три года ребёнок только вставал на ноги:

«Ен ёрас: – Мед пе тэяд кагад куйим во лежачойин куйлас ий оз сёрнит. Куйим во бёрин вёлись кок вылэ султас».

«Ен проклял: – Пусть, де, твой ребёнок три года лежачим лежит и не разговаривает. Через три года только на ноги встанет» (Fokos-Fuchs 1951: 212).

В этом возрасте окончательно завершался младенческий (колыбельный) период жизни ребёнка, поэтому, когда он делал первые самостоятельные шаги, его поощряли и хвалили, подчёркивая ситуативное соответствие биологическому полу, готовность к выполнению им мужской или женской социальной роли: «*Зёлёта ни, ешё ёти му талялышь лои*» – «Золотой сыночек, ещё один топчущий землю появился»; «*Ок и жёник! Кокён нин тапъялёт*. Час, ыджыд вокъяслы пужсс петкёдласс...» – «Ох и жених! На ногах уже топочет. Погоди, старшим братьям ещё покажет (букв. заморозки)»; «*Дади, дади, роч аканыыс*» – «Встань, встань на

¹ До 1940-х г. девушкам носить штаны можно было лишь с 13–15 лет, и то в сильные морозы, а в ряде локальных традиций ношение штанов женщинами и вовсе считалось грехом (Слепчина 1997: 11).

ножки, русская куколка»; «*Тая тай невеста нін!*» – «Эта, оказывается, уже невеста!»

На данном рубеже не столько взрослые, сколько **сам** ребёнок, на основе осознания внешних физиологических отличий от представителей противоположного пола и предшествующего (с момента рождения) гендерно-оценочного отношения к себе, уже устойчиво соотносит **себя** с определённым полом. В данном случае можно говорить не о начале гендерной идентификации ребёнка, а о выработке у него к этому возрасту устойчивого представления о себе, как о мальчике или как о девочке, о **закреплении гендерного самоопределения** и приобретении очередного уровня самостоятельности.

С этого момента младенчество сменяется периодом самоутверждения, который длится примерно с двух до пяти лет, когда про детей в шутку говорили: «*Нянь куд дорад отсасьсь нин*» – «У хлебного лукошка уже помощник»; «*Нянь шёралысьёдз быдтім, коркө и нянь вундысь лоё*» – «До отрезающего хлеб дорастали, когда-нибудь и хлеб жнущим будет».

Стремление к освоению новых отношений, новых операций с предметами окружающего домашнего пространства в традиционной педагогике не принято было подавлять, поэтому в ранний период детства поощрялись активность, самостоятельность и сознательная ответственность за свои действия. В этом возрасте ребёнка практически не наказывали и не действовали принуждением (Соловьёв 1987: 13), лишь осторегали от совершения опасных для него действий и пресекали необоснованные капризы, опять же обращаясь к авторитету будущего социального статуса: «*Ноко, мужик, тадз ёд он жё вёч!*» – «Ну-ка, мужик, так же не будешь делать!»; «*И-и, жёник! Жённикъясід вед оз дівзіні!*» – «И-и, жених! Женихи ведь не пищат»; «*Вот, колэке-й, салдатпу!*» – «Вот тебе и будущий солдат!»; «*Невестаід мый керсе!*» – «Невеста-то что творит!»; «*Ноко, барушня-ясід оз пустуйтліні!*» – «Ну-ка, барышни не хулиганят!». В традиционном обществе этот возраст обострённой самостоятельности становился началом (сперва подражательного) приобщения к трудовой деятельности и к традициям, которые постепенно наполнялись смыслом и начинали осознаваться нормой.

Традиционный трудовой опыт предполагал гендерную дифференциацию деятельности уже с четырёх-пяти лет, и передавался в акциональной и вербальной формах вначале от старших членов семьи, прежде всего от братьев-сестёр: «*Ыджыд семьяяд вёд оз бать-мам велёдны, чой-вокыс быдтёны-велёдёны поснитё*» – «В большой семье ведь не отец с матерью учат, братья-сёстры растят-учат маленьких»; «*Мый гырысь вёчё, сійё ся и дзоляйд вёчё, гырысь бёрсялыс вётчё: уджын ий, пустуйтёмын ий*» – «Что большие делают, то и младшие делают, за старшими следуют: и в работе, и в баловстве».

С четырёх-пяти лет девочки, под руководством старших и в играх со сверстниками, приобщались к посильному домашнему труду, усваивали навыки рукоделия и домоводства, и с 6–7 лет уже становились полноценными помощницами матерям в уборке помещений, приготовлении пищи, ухаживании за младшими.

Мальчики в сходной игровой форме осваивали более сложные мужские инструменты и занятия, в меру сил и приобретённого трудового опыта. Участвуя при ремонте и изготовлении промысловых снастей, знакомились по рассказам старших с нормами охотничьей морали и общения с природной средой. «С раннего

возраста, лет с трёх или четырёх, он уже в лодке, на воде, с веслом в руке, на детских шалостях, а вскоре в серьёзных работах, где требуется от него ответа нешуточного» (Максимов 1983: 100). В 4–5 лет мальчиков начинали учить верховой езде, северные коми доверяли поуправлять оленьей упряжкой, как только мальчик становился способным удержать в руках хорей, в этом же возрасте начинали обучать стрельбе из ружья (Соловьёв 1987: 13–14; Конаков 1994: 119–120).

Обретя равную со старшими братьями-сёстрами самостоятельность сначала в пределах подворья, затем и деревенских границ, ребёнок уже не нуждался в прямом уходе и в няньках. Он «прикреплялся» к родителям и к пожилым членам семьи в качестве помощника и ученика, усваивая не только операционную сторону быта, но и естественным образом впитывая комментарии и пояснения старших, сопровождающие каждое действие. Трудовой опыт и опыт социальных отношений выстраивался по линиям: бабушка > мать > дочь, дед > отец > сын, деятельность ребёнка приобретала всё большую конкретику, осмысленность и всё больше углублялась в мужскую или женскую сферу.

С шестилетнего возраста мальчиков, ориентированных на выполнение мужских обязанностей, взрослые начинали брать с собой на ближние охотничьи угодья. Наиболее старательных и смышлённых поощрительно называли «чера-пуртаморт» ‘с топором, с ножом человек (т.е. полноценный мужчина)’ или «ай кок тути талялысь» ‘отцовские следы протаптывающий (следующий отцовским путём)’, неудачливых и слишком привязанных к дому дразнили «мам кокбёркай» букв. ‘за материнскими пятками [следующая] птичка’, «бёждор куттысь» ‘подол держащий’ или «мам бёжув» ‘под маминым подолом / хвостом [находящийся]’ (букв. ‘мамино подхвостье’), что было ещё унизительнее, поскольку метафорически наделяло парня статусом «задержавшегося на моменте рождения».

С восьми лет дети обоих полов отгоняли и пригоняли скотину, находившуюся летом в лесу на вольном выпасе, зимой гоняли на водопой, а на огороде и на

сенокосе выполняли индивидуальные задания старших: «вот отсюда досюда выкосишь, можешь искупаться»; «три валка сгребёте, потом идите костёр разжигать, чайник ставьте» и т.д. В этом возрасте дети уже вносили значительный вклад в пополнение семейных запасов, выступая в роли «поощряемых взрослыми кормильцев»: мальчики добывали

За мужской работой. с. Большелуг. 2005 г.

Будущий охотник. с.Ласта. Фото А.Артееева.

мелких лесных птиц с помощью самоловов и вместе с девочками занимались сбором грибов, ягод, съедобных растений. Девочки умели уже прядь, вязать, кроить и шить, выполняли практически любую домашнюю работу, вплоть до обихаживания и дойки коров. Мальчики работали с деревом, кожей, сукном, умели самостоятельно мастерить и устанавливать промысловые ловушки и плести сети (Конаков 1994: 119–121).

С девяти-десяти лет ребёнок, находясь под постоянным и непосредственным наблюдением старших, вступал в период жёсткой регламентации поведения,¹ требующей всё более строгого соответствия половозрастным стереотипам, хотя иногда исследователи и отмечают, что контроль над детьми был постоянным, внимательным, но не слишком навязчивым. Так, например, один пожилой коми охотник рассказывал,

«что когда он спросил у отца разрешения пройти по охотничьей тропе и проверить силки на дичь, тот разрешил, но велел у последней ловушки оставить на дереве пометку для проверки, дошёл ли он до конца» (Конаков 1994: 120). В подобной ситуации оказывался в восьми-девятилетнем возрасте один из авторов, которого отец периодически посыпал проверять силки и слопцы на охотничьей тропе, местами находимой только по зарубкам, а сам незаметно следовал сзади. По возвращении он рассказывал сыну истории и байки, в которых косвенным образом анализировались ошибки и проступки.

На недостатки у коми так и принято было указывать в косвенной или в шутливой форме. К прямой хуле, как и прилюдной похвале прибегали редко, поскольку они считались опасными из-за возможности сглаза.

Шутливые советы и замечания мальчикам давались в связи с выполнением мужских работ, реже с внешним обликом: «Черта́сö эн вудж, киыд нюжалас» (пазсö джуджыда ковмас тшууны)» – «Черту не переходи, руки удлиняются (паз придётся глубоко рубить)»; «Керсö шöрёдьыс эн босът, чегас» – «Бревно за середину не хватай, сломается»; «Эн роч моз пыж пöперегис сулоо, пыжис потас» – «Не стой как русский поперёк лодки, лодка расколется».

¹ Этот рубеж отмечается и как нижний для приобретения первоначального магического опыта: «Не бывает колдунов моложе 9 лет. Последнее обстоятельство объясняется, по-видимому, фактом выпадения к девятилетнему возрасту молочных и вырастания новых постоянных зубов» (Сидоров 1928: 22).

Девочкам замечания чаще делали по поводу выполнения ими домашних работ или неопрятного внешнего вида: «*Плака вомёныс эн чышкы, мужикыд сера лоёй*» – «Поперёк половиц не мети, муж рябой будет»; «*Джоджсо эн тыёд* (эн вывти коттёд), мужикыд юсь лоёй» – «Пол не превращай в озеро (не мочи сильно), муж пьяница будет»; «*Коколюканас сэрапомсё эн нойт, мужикыд тышикассысь лоёй*» – «Кочергой головёшки не бей, муж драчливым будет»; «*Чышъян помъястэ ёткузя кёртоо, мужикид дженид нема лове*» – «Концы платка одноковой длины завяжи, <а то> муж с коротким веком будет».

В приведённых шутках присутствует тонкое, но отчётливое различие дополнительных семантических оттенков, в зависимости от пола адресата. В адресованных девочкам фразах, «наказание» неизменно связано с их будущим семейным положением, и сами фразы строятся по принципу примет. Адресованные же мальчикам шутки содержат явно гиперболизированные, нереальные «наказания», из которых можно сделать единственный вывод об абсолютной недопустимости критикуемых действий (по аналогии с невозможностью «обещаемых» результатов). Ещё одним показателем гендерной дифференциации дидактического юмора является наличие в шутках для мальчиков явного эротического и пейоративного содержания. Так, если парень бьёт мимо гвоздя или при колке дров, тесании или вырубании паза не попадает в след от предыдущего удара, ему говорят: «*Тэнад тай быдмё на*» – «У тебя, оказывается, растёт ещё», имея в виду рост такого маркёра взрослого мужчины, как penis. При жалобе парня на то, что не может продеть что-либо или вбить клин (втулку), ему не задумываясь, говорят: «*Күтишём нё тэ мужик, сюйны кё он вермы?*» – «Какой же ты мужик, если вставить не можешь?».

Вообще, юмор, ирония, а в необходимых случаях и едкий сарказм, как самые доходчивые и ненавязчивые формы воспитания, весьма характерны для коми, поскольку позволяют избегать длинных объяснений, нотаций, ругани и физического воздействия. Такие средства, как розга, ремень, кнут, вожжи, применялись в исключительных случаях, а часто прибегающие к ним родители сами подвергались общему порицанию:

«Ачыд кё эн вермы велёдны, ньёртыд омёля нин велёдас»;

«Ме коркё баттыслы висьталі, мый В-ыс вильшасис, да ме дырий тасманас нойтны күтіс. – Тэ нё мый? Он жо нойт, шуа, татишома! – А мыла норасян сідзкё? – Ме ѡд чайті, кывыйд на тырмас!

Сы бёрын сэсся некор эг сылы висьтавлы пи йывсыс нинём...»

«Если сам не смог научить, прутик вряд ли научит»;

«Я как-то его отцу сказала, что В. нахулиганил, и при мне стал ремнём хлестать. – Ты что? Так же бить не будешь, говорю! – А для чего тогда жалуешься? – Я ведь думала, что и слова твоего достаточно будет!»

После этого ничего никогда ему не рассказывала про сына...» (ПМА: П.А. Уляшева)

Конечно, несмотря на редкое применение, розги висели практически в каждом доме, воткнутые в матицу или в косяк, но чаще было достаточно намекнуть распахившемуся ребёнку об их наличии: «*Кён нё ньёрыйыс?*» – «А где прутик?»,

как дети успокаивались. В случае же, если угрозы наказания было недостаточно, родители наносили один-два удара по икрам, но ни в коем случае не по другим частям тела.

Иногда розга наказывала не провинившегося, а того из его братьев, который услужливо снимал и приносил орудие наказания отцу (причём, по его же просьбе). Наказание горе-помощника сопровождали словами: «*Первой ньёр – вайысылы. Воклы ньёр эн вай некор!*» – «Первый прутик – тому, кто принёс. Брату прутик не приноси никогда!»; «*Час, тэ вылын видлам, ёна-ё вокыдлы доймас!*» – «Сейчас, на тебе попробуем, насколько брату больно будет!»; «*Юдалы – пипу рос! Вокёс эн вузоо!*» – «Иуде – осиновую розгу! Брата не продавай». Такие манипуляции с «воспитателем» («велёдься») служили не только наказанием виновному, но и назиданием простодушному или мстительному, и уроком, скрепляющим братские узы.

Девочек розгами практически не наказывали: во-первых, они по природе своей социальне, во-вторых, с младенчества в них укрепляли практически материнскую терпимость к членам семьи, в-третьих, физическое наказание девочки, независимо от размера проступка, считалось избыточным. Да и вообще, воздействие розгами было разовым явлением в жизни ребёнка и ограничивалось ранним периодом его самоутверждения: «*Велёд питёй, кор лабич вомён куйлёт, лабич кузя кё лоас, сёр нин велёднытёй*» – «Учи сына, когда поперёк лавки лежит, если в длину лавки будет, поздно уже учить»; «*Ньёръяв, кор лабич пёперегыд, быдмас да – велёдсьёма нин*» – «Стегай, когда поперёк лавки, когда вырастет – поздно учить».

Наказания в старшем возрасте (молодых людей) носили уже не семейно-воспитательный, а социально-пенитенциарный характер:

«Водзын ёд судъяс эз вёвны, вёлі росправа, роскён нойтлісны (да сийён и росправа). Ныв кё свадьбаöдзыс зонкёд узъліс, накажитлісны. Зонмыс кё гётрасыны кёсийис, дорыйвліс нывсö, эз нойтны. Миян тан Пока вёлі десятской, нойтліс, кымынысь шуасны. Ёна сыйысъ полісны. Коркё и кодкё батьяссыыд тишёктасны накажитны пинысö кывзыстымьысь. Нойтасны жё росправад».

Любопытно, что в расправе, по словам информатора, наказывали только за непослушание и проступки против общественной морали, драки между парнями никак не наказывались, если не заканчивались убийством, за уголовные преступления сажали в тюрьму и т.д. В данном случае, община в определённой мере брала на себя функции семьи для взрослых детей, каковыми они в начале XX века считались с 12–14 лет, то есть с того возраста, когда начинали зарабатывать самостоятельно.

«Раньше судов не было, была росправа, прутьями-рос били (потому и росправа).⁶ Если девушка раньше свадьбы с парнем спала, наказывали. Если парень обещал жениться, заступался за девушку, не били. У нас здесь Фока был десятский, он бил, сколько прикажут. Его очень боялись. Иногда и кто-нибудь из отцов прикажет сына наказать за непослушание. Побьют тоже в росправе» (ПМА: А.А. Щанова).

⁶ Народноэтимологическое: рус. «расправа» – к. «росправа» < «рос права» 'право розги'.

В исследуемый период у коми не зафиксировано данных об инициации как социальном институте. Тем не менее, имеются материалы, в которых отчётливо просматриваются инициационные моменты. В частности, так оцениваются Г.А. Старцевым испытания, которые проходил подросток перед получением равного со взрослыми пая на сенокосные угодья: «Мальчик на глазах у всех собравшихся должен был, во-первых, переплыть туда и обратно реку (40–60 сажен), во-вторых, перебросить на другой берег камень, и в-третьих, ... поспевать на покосе за взрослыми» (НАРК, ф.710, оп.1, д.4: 28).

Статус взрослого и равную долю добычи получал подросток, успешно прошедший испытания во время трёх-четырёхмесячной зимней артельной охоты в экстремальных тайговых условиях. Возрастные границы вступления в мужское сообщество варьировались, в зависимости от индивидуального физического и психического развития. Н.Д. Конаковым описаны случаи, когда одиннадцати-тринадцатилетние подростки получали собственное ружьё и начинали самостоятельно охотиться. Доказав свою состоятельность, в одиночку добыв медведя, они признавались за полноправных мужчин (Конаков 1994: 121).

После доказательства принадлежности к мужскому сообществу, парень получал статус полноправного жениха (*бурлак-зон* 'парень-бурлак',¹ *верстьё зон* 'взрослый парень', *жённик*), который на рубеже XIX–XX вв. имел право часть личных доходов потратить на «хромку» или «тальянку», а в конце XX века – на шестиструнную гитару: «Вот он уже и на рыбных промыслах побывал, и в тундре ходил за оленями и ими умеет править, и знает весь обиход при этом, он уже большой подросток и в поседках на святках видит не простую ребячью забаву, а что-то побольше и посерёзнее, и потому не пропустит приглянувшуюся ему девку без щипков и щекоток» (Максимов 1983: 100).

У девочек ритуально оформлялось наступление физиологической зрелости, поскольку статус женщины в традиционном обществе определялся, прежде всего, её основным предназначением — продлением рода. При появлении у девочки первых месячных мать вечером сама расчесывала ей гребнем волосы, и, заплетая косу, желала дочери расти здоровой женщиной, легко рожать желанных и здоровых детей, иметь молока в груди как в полноводной реке, затем вставляла гребень в её волосы (Слепчина 1997: 18). С этого момента девушка начинала копить приданое и посещать сельские гуляния уже в статусе невесты (*невестану* 'кандидатка в невесты', *верстьё ныв* 'взрослая девушка').

Социализацию и воспитание детей через включение в традиционную трудовую деятельность, базирующуюся на многовековом производственном и семейном опыте крестьянства, В.В. Соловьёв называет «своеобразной формой наследования» (Соловьёв 1987: 12–13). Исследователь здесь улавливает суть народных представлений о том, что человеком наследуется не только материальное имущество. Человек получает в наследство от предков: физические качества, способности и умения, соответственно полу – «*вирыс кыскö*» 'кровь к себе притягивает', «*рёдас кыскö*» 'в род тянет', «*мамас рёййома*» 'в мать пошла', «*бать вирыс тай кыскöма*» 'отцовская кровь-то притянула'; духовное наследие (преимуще-

¹ *Бурлак* (< рус.) в коми языке не связано с бурлачеством в классическом русском значении, к.-з. *бурлак* 'холостой самостоятельный парень, молодец'; *бурлачитны* 'гулять, ухаживать за девками, вести холостяцкий молодеческий образ жизни', букв. 'бурлачить'.

Игра девочек. с.Сизябск. 2008 г.

ственno по линии своего пола) – «пöльсянъыс/пöчсянъыс вуджöма» 'от деда / от бабки перешло'; и, наконец, материальное имущество (пай, приданое, наследство) с учётом половой принадлежности. Все эти формы наследства одинаково связаны и с линией трудового процесса и с линией гендерного развития.

«Традиционная система трудового воспитания детей у коми крестьянства, как правило, обеспечивала у подрастающего поколения чёткое представление

о мужских и женских функциях в семейном хозяйстве, которое исторически было закреплено в этническом самосознании («антьуй» – женский путь, «морт-туй» – мужской путь») (Соловьёв 1987: 14). На протяжении всего периода взросления парни и девушки усваивали не только трудовые навыки и традиционные представления (включая общие представления о семейной и общественной жизни), но и, по мере индивидуальных возможностей, примеривались к усвоению устоявшихся культурных «нормативных канонов» мужественности и женственности.

Литература и источники:

- Байбурин А.К. Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. 1991. СПб.
- Большаков М.А. Община у зырян // Живая старина. 1906. Вып.1. С.25.
- Ветошкина Е.В. Производственные и семейно-бытовые заговоры// Национальное и интернациональное в коми литературе фольклоре. 1982. Сыктывкар. (Труды ИЯЛИ КФАН СССР. Вып. 26).
- Дукарт Н.И. Святочная обрядность коми конца XIX – начала XX вв. // Традиционная культура и быт народа коми. 1978. Сыктывкар. (Труды ИЯЛИ КФАН СССР. Вып.20).
- Засодимский П.В. Лесное царство // В дебрях Севера. 1983. Сыктывкар.
- Игнатова Анна Алексеевна, 1930 г.р. с. Усть-Нем Усть-Куломского р-на РК.
- Игнатова Дарья Григорьевна 1927 г.р., с. Усть-Нем Усть-Куломского р-на РК.
- Ильина И.В. Традиционная медицинская культура народов Европейского Северо-Востока (XIX–XX вв.). 2008.
- Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX — начале XX в. Культура промыслового населения таёжной зоны Европейского Северо-Востока. 1983. М.
- Конаков Н.Д. Этнопедагогика коми // Традиционная культура коми. Этнографические очерки. 1994. Сыктывкар: Коми книжное издательство. С.118-122.
- Лимеров П.Ф. Священное животное // Арт. 2001. №2. С.122-128.
- Лодыгина Анна Ивановна, 1907 г.р., с. Керчомъя Усть-Куломского р-на РК.
- Максимов С.В. Год на Севере // В дебрях Севера. 1983. Сыктывкар.
- Микушев А.К., Чисталёв П.И., Рочев Ю.Г. Коми народные песни. Вып. 3: Вымь и Удора. 1971. Сыктывкар.

- Михайлов М. Заметки о зырянах // Москвитянин. 1851. Кн. 9-10. Ч.П.
- Паршуков Иван Александрович, 1934 г.р., с.Мыёлдино Усть-Куломского р-на РК.
- Попов В.Ф. Взаимопомощь и коллективный труд в земельном быту зырян Усть-Сысольского уезда // Народное хозяйство. 1903. СПб. Кн. 5. С.112-130.
- Попов К.А. Зыряне и зырянский край // ИОЛЕАЭ. Т.13. (Тр. этнограф. отд. Кн. III. Вып. 2). 1874. М.
- Попова Альбина Ивановна, 1946 г.р. урож. с.Керчомъя Усть-Куломского р-на РК.
- Рочев – Челядь сыланкывъяс да мойдкывъяс / Состав. Рочев Ю.Г. 1969. Сыктывкар.
- Самарина Александра Егоровна, 1916 г.р., с. Керчомъя Усть-Куломского р-на РК.
- Самарина Фёкла Николаевна, 1917 г.р., с.Керчомъя Усть-Куломского р-на РК.
- Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. 1928. Л.
- Слепчина Н.Е. О символике возрастных границ и половых ролей в традиционной педагогике коми // Социально-культурные и этнодемографические вопросы истории коми. 1997. Сыктывкар. С.5-22.
- Соловьёв В.В. Коми крестьянская семья XVIII – начала XX века. 1987. М.
- Старцев Г.А. Зыряне. Этнографический очерк // Научный архив Республики Коми. 1929. Ф. 710. Оп. 1. Д. 4.
- Тарабукина Клавдия Андреевна 1907 г.р., д. Кужба Усть-Куломского р-на РК.
- Тимушева Евдокия Кузьминична, 1946 г.р., с.Усть-Нем Усть-Куломского р-на РК.
- Уляшева Наталья Андреевна, 1917 г.р., д.Кекур Усть-Куломского р-на РК.
- Уляшева Полина Алексеевна, 1941 г.р. с.Вольдино Усть-Куломского р-на РК.
- Шахова Евдокия Арсентьевна, 1932 г.р., д.Кекур Усть-Куломского р-на РК.
- Щанова Анна Ардалоновна 1922 г.р., с.Онежье Княжпогостского р-на РК.
- Fokos-Fuchs D. Volksdichtung der Komi (Zyrgjanen). 1951. Budapest. Akademia Kiado.
- SUSA – Suomalais-Ugrilainen Seuran Arkisto (Архив Финно-угорского Общества в Хельсинки). II. 1, 39. Материалы по этнографии зырян и пермяков В.П. Налимова.

АРТ-ФАКТ

Елена Шуктомова

Шуктомова Елена Юрьевна. Родилась и живет в г. Сыктывкаре. Окончила филологический факультет Сыктывкарского государственного университета. С 1994 года работает научным сотрудником Национальной галереи РК. Круг профессиональных интересов — изобразительное искусство Республики Коми.

Вячеслав Николаевич Кислов: личность в искусстве

Краткая биографическая справка:

Кислов Вячеслав Николаевич: художник, график, скульптор, мастер декоративно-прикладного искусства. Родился 19 ноября 1938 года в г. Иваново. С 1956 по 1961 год учился в Ивановском художественно-педагогическом училище. С 1965 года живёт и работает в Республике Коми. С 1966 года является неизменным участником всех республиканских, а с 1969 года — Всероссийских и Всесоюзных художественных выставок. В 1970 году был принят в Союз художников СССР. В 1972 году стал лауреатом премии Ками комсомола, в 2007 году — лауреатом Премии Правительства Республики Коми. Живёт в г. Сыктывкаре.

В октябре 2008 года в залах Национальной галереи Республики Коми открылась персональная выставка Вячеслава Николаевича Кислова — широкая панорама его творчества, временной диапазон которой охватывает более чем 30-летний период его профессиональной деятельности. На выставке экспонируются его графические и живописные работы, скульптуры и произведения декоративно-прикладного искусства. Удивительно, но персональные выставки этого талантливого художника бывают редко: предыдущая состоялась 10 лет назад.

Когда-то большой поэт и искромётно остроумный человек Михаил Светлов сказал о каком-то служителе искусства: «У него весь пар уходит на свистки, а не на движение». Художник Вячеслав Кислов всей своей жизнью представляет пример прямо противоположный. Может быть, именно поэтому о его творчестве и написано немного: Вячеслав Николаевич, как истинный труженик и по характеру и по убеждению, предпочитает искать свой путь в искусстве и утверждать себя

не словом, а делом. Это художник, чей талант ярко проявляется, наверное, во всех областях изобразительного искусства: свой творческий путь в 1960-е годы он начинал как художник-график, именно в этом качестве добившись заслуженного успеха и признания зрителей; позднее, с конца 1980-х годов, он начал заниматься живописью, проявил себя в сфере скульптуры и декоративно-прикладного искусства.

Кстати, широта художественных интересов проявилась у В.Кислова и в том, что он, постоянно стремясь к новому, в своём творчестве использует разные техники и материалы: нет практически ни одной техники, в которой бы он не работал. В области печатной графики это работы, выполненные в технике офпорта, сухой иглы, монотипии, это линогравюры и литографии; графика оригинальная представлена работами в техниках пастели, акварели, рисунков углем, тушью, карандашом, фломастером...

Первую известность художнику принесла молодёжная выставка 1966 года, где впервые экспонировались его произведения. Это были, в основном, портреты, выполненные совместно с графиком В.С. Шустовым: «Герой социалистического труда, мастер бурения Ульныров В.В.», «Портрет Сидорова М.К. – организатора первых нефтепромыслов на Ухте» и другие.

В этот первый период своего творчества художник много ездит по республике, знакомится с северным краем и его жителями, ищет своих героев, свои, наиболее близкие для него темы, – те, которым он останется верен и в последующие годы. Тогда же закладывается и основа стилистики его произведений, того, что создаёт неповторимость художника и, в конце концов, является не только самым главным, но и единственным ценным в любом творчестве.

Почти вся творческая биография В.Н. Кислова связана с нашим северным краем. Правда, в течение 8 лет (с 1976 по 1984 год) художник прожил в закарпатском городе Мукачево, и ряд его произведений создан на основе реалий жизни этого южноукраинского города (серия графических работ «Закарпатские встречи», цикл керамических работ «Закарпатские коломыйки», созданный по фольклорным мотивам, и другие). Но «своими» эти темы и сюжеты для художника не стали: в основном, его творчество посвящено жизни и людям Севера.

В то же время в применении к Кислову как к человеку и художнику и здесь нельзя проводить каких-то прямых аналогий. Так, сразу заметно отсутствие «северной специфики» его произведений, хотя, на первый взгляд, дань «северной экзотике» отдана. Он создавал портреты охотников, оленеводов, рыбаков; таковы,

например, графические работы «Рыбачка», «Сучкоруб», «Ульяна у печки» (1970), «Приезд оленевода» (1971), «Мастер из Замежного» (1972) и другие; разрабатывал традиционную для Севера тематику: «В маршруте», «В подземных кладовых Яреги» (1977), «Буровая, ночная вахта» (1978), – словом, в своём творчестве отражал то, что является составляющими жизни, быта, характеров людей Севера.

Но художник редко воплощал в своих работах местную, национальную специфику в «чистом» виде, скорее, можно говорить о более тонком, опосредованном влиянии культуры коми народа на его творчество. В графических и декоративных произведениях Кислова это влияние, в частности, прослеживается на уровне орнаментального стилистического решения, являющегося формообразующей частью композиции ряда его работ, таких, например, как «Рыбачка» (1970). В работах декоративно-прикладного характера (панно «Горка», 1997, и некоторых других) узоры орнамента непосредственно лепят образ, создавая нерасторжимое целое.

Если говорить о произведениях живописи, то в них образ Севера художник стремится создать посредством цветовой доминанты, составляющей основу колорита. Такой основной, преобладающей цветовой гаммой Севера, по мнению В. Кислова, являются сочетания чёрного, зелёного и красного. Это цвета, которые можно встретить в колорите практически любой его картины.

Во всяком случае, изображение реалий Севера художником нельзя назвать этнографически выверенным, а, следовательно, и эмоционально-нейтральным. Уже в графических работах 1970-х годов проявляется, с одной стороны, взрывной темперамент В. Кислова, позиция сопереживания всему, что происходит вокруг него и в нём самом, и, с другой стороны, стремление к созданию образов-общений, выявления в каждом герое универсальных свойств «человека вообще», без конкретизации места и времени действия.

Поэтому, анализируя творчество Вячеслава Кислова, не хочется делить его на «ранние» и «поздние» этапы, потому что «костяк» этого творчества при всех неизбежных и очевидных изменениях, по большому счёту остался прежним. Прежде всего остались и останутся неизменными социально-тематическая направленность творчества художника и его герои – «простые люди», «работяги».

И то и другое, на первый взгляд, являлось достаточно обычным во времена господства в искусстве метода социалистического реализма с его жесткой нормативностью, приоритетностью и даже прямой предписанностью многих тем, в частности, и этой. Всем деятелям искусства, так или иначе, приходилось «играть по правилам» и, наряду с другими, создавать произведения и на социально-политическую тематику. Но и в этом вопросе проявляется «непохожесть» Кислова, и главное отличие в том, что эта тема для него – ни в коем случае не официоз. Жизнь «простых людей» со всеми их радостями и горестями для художника – не дань моде, и не социальный заказ, и даже не интерес к жизни «социальных низов», – это рассказ о себе, так как В. Кислов никогда не отделял себя от своих героев, каждый раз возрождаясь в каждом из них.

Отсюда и социальная направленность произведений художника, и горячее сочувствие к героям-труженикам, которых Кислов, ни в коем случае не идеализируя, не ретушируя тёмных сторон их жизни, изображает всё же с неизменным уважением и каким-то упрямым достоинством.

Этим же можно объяснить и жанры, преобладающие в творчестве Вячеслава Кислова: портрет и сюжетно-тематическая картина – жанр, который не находит достаточного развития теперь, в наше время, – многие современные художники предпочитают более камерные темы и мотивы.

Картины же Кислова, как правило, сюжетны: жизнь его героев воплощается в действия, поступки, а при внешнем отсутствии движения «опредмечены», «обыграны» их размыщения и воспоминания, что придаёт работам динамизм, вызывая ощущение внутреннего движения. Таковы, например, фон и интерьеры многих его живописных работ, несущих дополнительную информацию о героях и по этой своей функции сближающиеся с клеймами житийных икон.

Примеров можно привести много. Живописная работа «Бригадир сплавщиков»: для героя картины смыслом жизни является труд – изображён он на фоне дружной работы своих товарищей... Офорт «Дороги жизни. Портрет командира партизанского отряда В.Д. Козлова»: в качестве фона – воспоминание героя о войне, сражениях, в которых ему довелось участвовать, о своих боевых товарищах... «Посвящение моим родителям»: недвусмысленный ассоциативный ряд создан изображением беспощадного света лампочки без абажура, расколотой фотографии героев как символа их разбитых мечтаний и несбывшихся надежд.

В то же время основой стилистики В.Кислова и наиболее адекватным выражением его человеческих и творческих принципов является ирония. Для художника она – не просто художественный приём, так как составляет и суть характера, и способ осмыслиения жизни, и орудие борьбы с пороками, и средство исправления нравов. Это также и способ преодоления тягот жизни. Именно чувство юмора помогает человеку при всех обстоятельствах хранить достоинство и самоуважение.

Как известно, смешное, комическое имеет много оттенков: от светлого и доблого юмора до едкой и язвительной сатиры, которая представляет собой уже смешение комического с трагическим. Все эти оттенки смешного есть и в творчестве В. Кислова.

Внешне они находят отражение в особом гротескном стиле автора, в подчёркнутой пластической выразительности, острохарактерности и экспрессивности его образов. Сознательно искажая пропорции, заостряя линии, подчёркивая и преувеличивая детали, художник стремится вскрыть внутреннюю, истинную суть характеров людей.

Юмором в «чистом» виде – добрым, озорным, светлым, окрашенным тёплым и дружеским отношением к людям, исполнены его линогравюры 1970-х годов: «Приезд оленевода», «Чаепитие», «Ложечник из Замежного» и другие – настоящий гимн доброте, мудрости, таланту, теплу и уюту домашнего очага.

Но в целом ряде работ – и все ощутимей с течением времени – выявляются и сатирические тенденции творчества В.Кислова. Нарастает горечь жизненного опыта, приходит осознание тяжести проблем, стоящих перед обществом и человеком.

Их много: привычная ложь «штурмовщины» и «показухи», унижающей рабочего человека (гравюра «Последний шов», 1977); размытость нравственных ориентиров и стремительный рост социального расслоения «общества потребления» (живописные работы «Воскресенье в Затоне», 1997, «Гомо сапиенс», 2000, триптих «Художники коми в экстерьере», 2005); трагическое одиночество чело-

века («Старики», 1998, «Женщина с кошкой», 2002); поистине неисчерпаемая тема человека и природы (линогравюра «Древо», 1983) и многие другие.

Графический лист «Древо» можно считать в этом отношении программным для раскрытия мировоззрения автора: Древо со всем многообразием живых существ, нашедших приют в его кроне, предстает символом вечной, никогда не увядющей и не прекращающейся жизни, и антитезой его является иной, страшный символ – человек, готовый к бессмысленному и бездумному уничтожению. Этот символ смерти особенно страшен потому, что на первый взгляд в его носителе нет ни ненависти, ни злобы, ни жажды разрушения: лицо человека с пилой благодушно и блаженно-безмысленно. Он не ведает, что творит: простится ли это ему?

И это, и ещё целый ряд произведений В.Кислова можно отнести к жанру антиутопии, жанру, родившемуся в годы безвременья, разочарований в идеалах, душевной усталости и опустошённости.

Этими же настроениями пронизана и графическая работа «Красный угол» (1988). «Красный», главный угол дома, некогда был традиционным символом святости: в нём висели иконы, он взвывал к лучшим чувствам человека, постоянно напоминая о добре, милосердии, сострадании. Теперь, когда нравственные ценности прошлого оказались забыты, а новые на смену им ещё не появились, тот же красный угол становится символом душевной смуты и разлада: теперь в нём вместо иконы стоит телевизор – идол современного человека. Соответствует содержанию работы и её цветовое решение: угол действительно красный, и этот цвет, некогда считавшийся синонимом слова «красивый», теперь, раздражая глаза и душу, вызывает чувство тоски и тревоги.

Особая тема в творчестве В.Кислова – судьба женщины. Ещё в 1970-е годы автор создаёт образы женщин, занятых тяжёлым физическим трудом. Это героини литографии «Сучкоруб» (1970), гравюры «Арматурщицы» (1974) и многих других. Особый акцент делается автором на монументализированном изображении их непропорционально больших, натруженных рук. Что это? Прославление красоты труда или острыя критика общества, относящегося к Женщине только как к объекту эксплуатации?

Закономерным и трагическим финалом выглядит в этом ряду живописный портрет уже более позднего, исторически непростого периода 1990-х годов «Налогоплатительщик» (1997). Он входит в серию «Социальный портрет», в которой автор ставит задачу первостепенной важности, пытаясь создать своеобразный коллективный психологический портрет человека в социуме. Правда, если рассматривать проблему с этой точки зрения, то надо признать, что все портреты В. Кислова в той или иной степени социальны, так как герои этих портретов, сознательно лишенные автором портретного сходства, представляют собой условно-обобщённые образы-типы.

...Сумрачная серовато-фиолетовая цветовая гамма. Безотрадная, одинокая старость. Для бездушной государственной машины героиня картины – обезличенное, безымянное, не имеющее ни пола, ни возраста существо, воспринимаемое вне его социальной значимости. Тонкий денежный ручеёк, вливающийся в могущую финансовую реку государства. Платит налоги – значит, жив... В этом портрете художник прикоснулся, может быть, к самой болезненной проблеме нашего времени: выброшенности из жизни, выключенности из политической системы

рядового гражданина, «налогоплательщика», то есть, по сути дела, огромного большинства народа страны.

Необходимо сказать ещё об одной особенности творчества В.Кислова: его литературной составляющей. И эта героиня, и многие другие имеют ясно выраженную «родословную», которую можно проследить не только в произведениях русских художников-передвижников, для которых народ и Россия были главными темами творчества, но и в традициях русской литературы. Одним из ключевых направлений в творчестве русских писателей 19-го, а отчасти и 20-го века было создание образа «маленького человека», задавленного жизнью, но сохранившего среди всех испытаний живую душу и доброе, любящее сердце.

Может быть, именно горячее сочувствие к жизни «маленького человека» и обусловило любовь В.Кислова к портрету как к жанру: для художника создание портретов – это возможность сказать о наболевшем, обратить внимание общества и каждого человека на то, мимо чего нельзя пройти равнодушно.

Но было бы неправомерным, говоря о сфере художественных интересов В.Кислова, сводить их только к изображению тёмных сторон жизни. Художнику присуща широта взгляда. Светом и радостью жизни исполнены и его живописные работы, такие, как «Баба на стогу», «Красна дева», «Алле-оп!», «Старик на солнце»; и графические листы, созданные в разные годы, в разных техниках: «Ижемка», триптих «Вязальщики плотов», «Трофимыч», «Рыбачка», и многие другие. Герои этих работ несут свет в себе, они добры и щедры душой не благодаря чему-то, а вопреки всему. Наверное, это и есть самая суть истинно народного характера.

Говоря о юморе В.Кислова, нельзя пройти мимо одной, очень существенной для него стороны его творчества. Это созданные им многочисленные произведения «весёлых» жанров: дружеские шаржи и экслибрисы. Их очень много: шаржи на коллег, друзей, собратьев по творческому цеху, и в каждом из них художник с поразительной точностью схватывает самую суть характера человека, показывая его зачастую в неожиданном, смелом ракурсе.

На основе дружеских шаржей создавался и триптих «Художники коми в экстерьере», где наряду с коллективным портретом художников республики даётся и срез жизни различных социальных слоев, и острые критика пороков общества.

То же можно сказать и об экслибрисах – книжных знаках, которыми отмечены личные библиотеки книголюбов и которые являются своеобразной «визитной карточкой» владельца книжного собрания. Создание экслибрисов требует от автора большого мастерства и вкуса, чувства формы и острой психологической наблюдательности. По экслибрисам, созданным В.Кисловым, можно многое сказать об особенностях характера, вкуса, увлечениях, профессиях книговладельцев.

Как уже отмечалось, В.Н. Кислов, начав свой творческий путь как график, постепенно расширял сферу деятельности. В настоящее время он практически отошёл от графики, и теперь значительной частью его творчества является живопись. Это очень характерно для художника, который всю свою жизнь испытывает потребность экспериментировать, пробовать свои силы в разных видах и жанрах изобразительного искусства, осваивать новые техники.

В области живописи В. Кислов добился интересных и значительных результатов, хотя основные его принципы остались неизменны. Это, прежде всего, неиз-

менность мировоззрения: интерес к социальной тематике, к созданию обобщённых и условно-выразительных образов-типоважей, чёткость нравственных ориентиров. Преемственность живописных произведений Кислова проявляется, в частности, и в том, что автор зачастую переносит в область живописи свои прежние графические произведения, воплощая их уже иными изобразительными средствами. Так, по мотивам графического триптиха «Вязальщики плотов» (1989) в 1993 году создана живописная картина с тем же названием, графический пейзаж «Вечер в Седкыркеше» (1991) дал жизнь картине «Пейзаж с козой» (1995, двп., м.); можно отыскать и другие аналогии. Нередки и авторские повторения одной работы в разных видах изобразительного искусства, в разных техниках. Например, существуют графический и живописный варианты его работы «Старик на солнце».

Но при создании этих произведений В. Кислов пользуется уже другими художественными средствами, свойственными искусству живописи. В отличие от графики, воссоздающей мир посредством линий, штрихов, пятен, живопись использует другие средства: светотень, перспективу, фактуру мазка. Главнейшим среди этих средств является цвет, определяющий не только эмоциональный строй произведения, но и несущий большую смысловую нагрузку.

В произведениях графики цвет, в основном, передаётся контрастом или различными оттенками чёрного и белого. В этих условиях большая роль отводится фантазии зрителя, его способности домыслить и в своём воображении обогатить цветовую палитру произведения. В живописных работах фантазия зрителя уступает фантазии художника, в распоряжении которого имеются богатейшие возможности для передачи всех цветовых нюансов. Постижением законов передачи цвета занимается сейчас и В.Н. Кислов, выполняя эту художественную задачу, в частности, и в своих пейзажах – жанре, который начинает играть в его творчестве заметную роль. Яркий, открытый темперамент художника проявляется и в фактуре живописных работ: щедрости цветовой палитры, размашистости и крупности мазка.

Главным в творчестве любого художника В.Кислов считает искренность в выражении своих чувств и свежий, непосредственный взгляд на мир, способность сохранять остроту и силу ощущений и передавать их в своих работах. Этой особенностью отличаются живописные произведения и самого Кислова: переливами тёплых оттенков красного и оранжевого цвета лучится картина «Баба на стогу» (1997), вызывая почти физическое ощущение ленивого летнего зноя; «Весенний мотив» (1997) оставляет впечатление динамизма, стремительного порыва, обнажённую фигуру девушки автор лепит быстрыми и нервными мазками, чередованием лилово-красных оттенков; различные оттенки ликующе-яркого красного цвета – основа колорита картины «Горка» (1995), вызывающей ощущение истинно народного праздника. Может быть, в этих работах, где художник ставит перед собой задачи, свойственные именно живописи, и проявляется в большей степени его мастерство.

Интересны и самобытны скульптуры В.Кислова и его работы в области декоративно-прикладного искусства. Его деревянные скульптуры, созданием которых в последние годы художник занимается очень активно, впечатляют не только своим мастерством: во многом они несут уже другие темы и идеи. Во многих из

них художник обращается к евангельским и библейским сюжетам, к образам святых и мучеников («Адам и Ева в Эдеме», 2002; «Пророк Иеремия в колодках», 2002; «Избиение пророка Стефана камнями», 2007). В целом, в них есть что-то от традиционной деревянной северной скульптуры, и не только по обращённости к вечным темам и сюжетам: они отмечены той же наивной и выстраданной искренностью, глубоко народной по своим корням и миропониманию.

Наверное, особенно близки к традиционной, народно-фольклорной тематике произведения декоративно-прикладного искусства В. Кислова: в своих панно и gobеленах, керамике он изображает широкую панораму жизни, нравов, обычаев народа. Действительность в них перемежается с фантазией, реальные герои – с вымышенными, сказочными.

Таков его цикл керамических работ по мотивам западноукраинских частушек «Закарпатские коломыйки» (1979), панно «Горка» (1996–1997), выполненное из бересты и корня ивы, gobелены «Птица счастья» (1992) и «Времена года» (1990). В 2002 году В. Кислов стал дипломантом Международного скульптурного пленэра «Финно-угорский мир. Природа и этнос», проводившегося в г. Сыктывкаре. Созданный им резной столб «Пословицы и поговорки коми народа» сейчас украшает Сад скульптуры Национальной галереи Республики Коми.

Размышляя о природе творчества этого незаурядного и разностороннего художника, невольно начинаешь задаваться вопросом: что в нём главное, каков его стержень? И сразу же вспоминаются эти строки Н. В. Гоголя, уже давно ставшие хрестоматийными, но не сделавшиеся от этого менее гениальными: «И долго ещё определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать её сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слёзы!»

Эта поразительная метафора высокой духовной миссии искусства справедлива всегда, но не для всех. Для художника Вячеслава Кислова – справедлива.

В. Кислов. «Древо». 1983. Линогравюра. 71×68

В. Кислов. «Бригада» (из триптиха «Вязальщики плотов»). Центральная часть. 1989. Смеш. техника. 54×70

Обзоры. Рецензии. Новости

О книге П.Ф. Лимерова «Образ св.Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми»

В предложенной П.Ф. Лимеровым книге очень внимательно, вдумчиво и, как представляется, с исчерпывающей полнотой рассмотрены источники наших сведений о святителе Стефане Пермском – его Житие, написанное вскоре после его смерти Епифанием Премудрым, и записанные фольклористами устные предания о нём просвещённого им коми народа, а также соответствующая теме обширная научная литература (её список занимает двенадцать страниц).

Замечая, что в современном «...массовом сознании в значительной степени сформировался образ св.Стефана Пермского как разрушителя подлинно национальной, самобытной культуры» (с.146), П.Ф. Лимеров убедительно показывает, что миссионер Стефан был не разрушителем, а творцом культуры нового народа, коми-зырян, возникшего именно вследствие его христианизации. Подобным образом, в результате христианизации, возникла, заметим, одновременно с самим народом культура и русского народа, и целого ряда других народов (англичан, французов, болгар и др.). Христианство обладает ведь мощной этногенетической способностью, сплавляя с вечностью ориентированной культурой разнородные племена воедино. Очень интересно в этом плане отмеченное П.Ф. Лимеровым противопоставление самим христианским народом коми себя своим предшественникам – языческой чуди. Совершенно справедливо отмечена им также не насильственность этой христианизации: «И в том, что за этот короткий промежуток времени (шестнадцать лет проповеди Стефана, – Г.П.) христианская вера так прочно укрепилась в коми народе (...) виден не только религиозный гений Стефана, не меньшее значение имеет и добрая воля самого новокрещённого народа» (82-83).

Убедительной представляется мысль автора, что именно благодаря Стефану не случилось русификации чуди, растворения её в русской крестьянской среде, в среде русских крестьян-колонистов: «В результате деятельности Стефана в пределах Московского княжества появилось первое автономное национальное церковно-административное образование в рамках созданной им Пермской епархии» и «Вследствие этого крестьянская колонизация как бы обтекла пермские земли, только захватив ещё неосвоенные территории бассейна Северной Двины, Мезени и Пинеги» (49).

Христианизация языческого народа всегда сопровождается значительным обогащением словарного состава его языка и смысла уже существующих в нём слов. В этом плане интересен отмеченный П.Ф. Лимеровым факт, свидетельствующий о прекрасном знании просветителем пермского языка, «что именно Стефан Перм-

ский в своих переводах лингвистических текстов впервые ввёл в употребление имени языческого небесного бога Ена и его мифологического противника Кулля в для обозначения Отчей ипостаси Троицы и христианского дьявола» (142).

На вопрос, почему созданная Стефаном пермская письменность и книжность исчезла, П.Ф. Лимеров даёт такой ответ: «... через некоторое время сложилась ситуация, когда религиозное сознание коми перестало ощущать потребность в поддержке стефановской письменности». «Поэтому в условиях всё более развивающегося двуязычия письменный древнекоми язык всё более терял свою конкурентоспособность» (63). Правда в этом, несомненно, есть, но мне представляется всё же, что это и результат предпринятой извне, из Москвы в XVI в., попытки русифицировать зырянскую Церковь путём присоединения её к вологодской.

Любопытно, но мой взгляд, не бесспорно замечание автора, что «Православная вера дала религиозное обоснование земледельческим работам, прежде бывшим только дополнительными к охоте, а также предложила новый календарь, ориентированный только на аграрные виды работ, как бы исключив охоту из основных видов деятельности» (16). Но разве нет и сейчас на востоке нашей страны крестьян-христиан (например, староверов), у которых едва ли не основным видом хозяйственной деятельности является именно охота?

Спорным кажется мне объяснение П.Ф. Лимеровым того, почему в прении со Стефаном волхв Пам не решается войти в огонь и спуститься в прорубь, – потому, дескать, что он «не видит вокруг себя людей, ради которых можно было бы пройти огонь и воду» (с.97): автор Жития, Епифаний Премудрый, понимал дело, мне кажется, иначе.

Во фразе «Сегодняшний распад этноса не что иное, как следствие его духовной дезориентации, унижения и разрушения национального самосознания, и никакие прививки в виде издания отдельных словарей или проведения местных юбилейных праздников его уже не спасут» (126) на месте слова «этноса» должно быть, мне представляется, «эпоса» (а то уж очень страшно получается!).

Свою книгу П.Ф. Лимеров характеризует как «скромный вклад автора в сохранение национального духовного наследия» (11). Несмотря на некоторые мои возражения (я сделал некоторые пометки и мелкие поправки на полях распечатки), я считаю её вполне весомым вкладом в сохранение профессионально им освоенного и дорогого для него национального духовного наследия коми-зырян.

*Г.М. Прохоров,
доктор филологических наук, главный
научный сотрудник Института русской
литературы (Пушкинский Дом)
РАН.*

Исповедь любящего сердца

У Надежды Мирошниченко вышла в свет новая книга стихов

1.

Самое верное, самое точное слово, которое одним объединяющим все смыслы выдохом сопрягает воедино творчество поэта Надежды Мирошниченко, – Любовь. Во всех ипостасях, во всех смыслах и во всех проявлениях.

С первых стихотворений, с первых книг она осознанно и целеустремлённо переплетала это главное в своей душе пламя с русским словом, с его тайной и силой, с его верой и надеждой, с его радостью и болью. И сразу дала понять читателям и поэтам, что для неё любовь и поэзия суть одно и то же. Высока и всемогуща любовь – это поэзия достаёт до неба и способна на самые невероятные свершения. Совершенна и пронзительна строка – это любовь достигает такой сердечной температуры, что переплавляется в поистине выстраданные поэтические открытия, в поэтическую благодать. Никогда этот подспудный творческий процесс не достигает абсолютных величин. Поэт до конца обречён маяться страшным осознанием своего духовного несовершенства. Может, поэтому только одиннадцатую свою книгу Надежда Мирошниченко решилась назвать в тakt своему стихотворному сердцебиению – «О любви».

*Как странно, что песню из счастья не сложишь.
Для песни оно не годится.
Но только любовь на печаль перемножишь,
Как песня из сердца родится.*

2.

Книга получилась большая, красивая и, наверно, самая мудрая изо всех одиннадцати. Мудрая потому, что в ней Надежда Мирошниченко сконцентрировала, сжала себя в сверхплотное лирическое вещество и всё прежде рассеянное по её творческой вселенной сумела превратить в новую планету, на которой сила тяжести во много раз превосходит земную. Оттого так трудно оторваться от этой планеты, оттого так тянет достать до самой её глубины. А глубина – это и есть мудрость большого искреннего сердца, понимающего об окружающем мире во много раз больше, чем разум.

Между прочим, поэту только кажется, что он, сочиняя стихи, думает над каждой строкой, над каждой рифмой, над каждым образом. Не только мозги испытывают порой непереносимые «муки слова». Рождение поэзии – процесс гораздо более сложный и таинственный, чем простое складывание смыслов и подтекстов. Если не участвует в нём душа, никакие самые выстроенные стихи даже случайно не становятся поэзией. А душа даётся человеку свыше, она знает то, что знает Бог.

*А всё-таки есть у поэта
Его поднебесная грусть,
Его первозданная мета,
Его неделимая Русь!
Поэзия! Что тебе повод?!*
*И что тебе окрик: «Не сметь!»
Твоё восходящее слово
И жизнь превосходит, и смерть.*

*Слетает, и снова светает,
Слетает с небес вороньё.
А ты в самом деле святая,
Поэзия – сердце моё!
И кто же не знает об этом:
Рождаемся, чтобы пропасть.
А всё-таки есть у поэта
Над миром и временем власть.*

3.

Кажется, любовь такая разная. В книге Надежды Мирошниченко это – и счастливая Любовь к единственному мужчине, мужу, и дочерняя Любовь к матери и отцу, и материнская Любовь к сыну Серёже и дочери Марине, и трогательная Любовь к младшей сестре Наташе, и бескорыстная Любовь к многочисленным друзьям и сочувственникам, и светлая Любовь к родной природе, к провинциальному Северу и сверхстоличной Москве, а больше всего, всеохватнее всего – Любовь к Родине, к беспредельной и великой, униженной и разъятой, непокорной и могучей, ни на кого не похожей, прекрасной России. Но это всё одна огромная Любовь человека, которая удивительным образом вмещается в сердце поэта и не даёт ему покоя, выплескивается раскалёнными строками на холодный бумажный лист. Именно такое ощущение возникает, когда читаешь новый сборник Надежды Мирошниченко. А разделы со счастливо преображенными в эпиграфы её стихотворениями – только для удобства восприятия.

Так что любовь только кажется разной.

*Я не балуюсь. Я восхищаюсь
Бездонным миром моей земли.
Где я, как в зеркальце, помещаюсь
В её бессмертии и любви.*

4.

Как замечательно, как радостно получать подарки судьбы. Для этого надо совсем немного – необходимо, чтобы она, всемогущая и недоступная, сперва тебя заметила, а потом полюбила. Похоже, Надежда Мирошниченко с Провидением в очень хороших отношениях. И книга «О любви», которую с нежностью и дружеской чуткостью издала редакция журнала «АРТ», стала просто царским подарком поэтической судьбы. И как ведь хорошо и радостно совпали выход в свет этой книги и юбилей Надежды Александровны. Собственно, судьба, видимо, очень постаралась приурочить к этому личному жизненному событию событие тоже жизненное и личное, но, несомненно, значительное и общественное.

Что ж, Надежда Александровна Мирошниченко заслужила такое искреннее и истинное внимание со стороны высших сил, заслужила великим стихотворным трудом, суровой беспощадностью к своему сердцу и бесконечной Любовью.

Александр Суворов, поэт.

Необычное издание

(Отзыв на сборник переводов «Лъём ю»)

Летом 2008 г. издательством «Кола» был выпущен коллективный сборник переводов «Лъём ю» (Черёмуховая речка). В литературе коми, активно занимающейся переводами стихов и прозы ещё начиная со времен И. Куратова, и особенно с начала XX века, эта книга стала необычным явлением. «Лъём ю» – не просто сборник стихотворных и прозаических переводов: в нём представлены художественные произведения разных авторов, пишущих на языках финно-угорских народов. Однако тексты их произведений опубликованы в книге не на языках оригинала, а в переводах на другие финно-угорские языки, среди которых – венгерский, вепсский, карельский, коми-пермяцкий, коми, марийский, удмуртский, эстонский. Издание многоязычных книг в последние годы широко практикуется в родственных Венгрии, Финляндии, Эстонии. Так, недавно в Эстонии были выпущены сборники переводов «Neiu ja karu» (Девушка и медведь, 2005), «Кuum öö» (Горячая ночь, 2006), а в 2006–2007 гг. таллиннским издательством Kirjastuskeskus была опубликована целая серия сборников стихотворений и прозы молодых финно-угорских писателей на языке оригинала и в переводах на эстонский, русский и английский: это книги Нины Обрезковой, Надежды Пчеловодовой, Ларисы Ореховой, Алексея Арзамазова. В 2008 г. серия дополнилась ещё книгами нескольких молодых марийских, коми и удмуртских авторов.

Сборник «Лъём ю» отличается авторским, языковым, и, как отмечает в предисловии его составитель Е.В. Козлова, жанровым и тематическим разнообразием. В нём опубликованы переведённые произведения и писателей-классиков различных финно-угорских литератур, например, финского поэта Эйно Лейно, венгра Шандора Петефи, коми поэта и прозаика Вениамина Чисталёва, удмуртской и эстонской поэтесс Ашальчи Оки и Марии Ундер, и произведения многих современных поэтов и прозаиков, играющих важную роль в развитии современных литератур финно-угорских народов. Среди них – Юван Шесталов, Арво Валтон, Иштван Белла, Альберт Ванеев, Владимир Тимин, Николай Абрамов, Евгений Козлов, Галина Бутырева, Нина Обрезкова, Людмила Гуляева и Любовь Старцева, Юрий Вэлла, Прокопий Явтысый, Вячеслав Ар-Серги, Флор Васильев, Еремей Айпин и Мария Вагатова. Кроме того, в книге представлено также творчество начинающих и молодых авторов: Надежды Пчеловодовой, Алексея Полугрудова, Татьяны Юговой, Надежды Павловой, Алены Шомысовой. В сборник, создававшийся по материалам семинара молодых переводчиков финно-угорских стран и регионов, прошедшего летом 2006 г. в Сыктывкаре, вошли не только работы молодых авторов. При его составлении были также использованы готовые переводы, выполненные известными писателями и поэтами Арво Валтоном, Иштваном Беллой, Каталин Надь, Александром Волковым, Василием Козловым, Владимиром Козловым, Альбертом Ванеевым, Виктором Напалковым, Евгением Козловым, Николаем Щукиным, Александрой Мишариной. Некоторые тексты перепечатаны из ранее изданных сборников и публикаций в периодической

печати, что немного лишает книгу её новизны, однако, с другой стороны, придаёт ей характер наиболее полного собрания существующих художественных переводов на разные языки финно-угорских народов. Одну из самых больших подборок переводов составляют в книге тексты на коми и коми-пермяцком языках. В них самое большое количество представленных авторов и национальностей. Так, на языке коми-пермяков переведены произведения венгров, карел, коми, марийцев, удмуртов, эстонцев, на коми – стихотворения и проза с венгерского, вепсского, карельского, коми-пермяцкого, манси, марийского, эрзя и мокша, ненецкого, удмуртского, финского и эстонского языков. Одними из лучших в разделе, представленном на языке коми, можно назвать переводы Александры Мишариной, Нины Обрезковой, Евгения Козлова. Вот как, например, звучит стихотворение вепсского поэта Николая Абрамова в переводе Евгения Козлова:

* * *

Югыдöс-югыдöс, лов рутö шонтанаöс, Мыйысь и доймавlöм вир-яйыд нюдз. Мичаöс-мичаöс, пыдöстöм-помтöмöс, Саридз кодь ыджыдöс – синнад он судз.	Эновтны туналöм ордыма козъяин Андел моз воис да отсалис мем, Эскöм да муслун олöмыс козъналис... Тэ менам эм!
---	--

Однако, несмотря на обилие представленных материалов, создаётся впечатление о некоторой хаотичности собранных и представленных в книге текстов: заметно, что основной пласт произведений, в ней опубликованных, составляют ранее переведённые разрозненные стихотворения и проза самых различных авторов, периодов и языков, на которых творчество того или иного писателя представлено. При уже упомянутом обилии переводных текстов на языках коми, совсем нет произведений на языках хантов и манси, эрзя и мокша (хотя их писатели присутствуют в книге в переводах на другие языки), творчество только одного автора (Александра Волкова) представлено на вепсском языке. С этой точки зрения работа над сборником не совсем завершена и требует его дополнения и продолжения работы при составлении следующих подобных книг.

Одновременно с обширным материалом, представленным в сборнике «Льём ю», можно заметить и некоторые недочёты и ошибки, допущенные в работе издательства. Например, в книге много ошибок, касающихся написания тех или иных слов, названий народов (вепсский/вепсий); в переводах не всегда указаны имена переводчиков (например, не указаны переводчики стихов на эстонский язык, перепечатанные из книги «Kiium öö: some-ugri rahvaste tänapäeva luulet»), хотя в некоторых случаях, наоборот, это сделано очень подробно: под каждым стихотворением может быть указан его переводчик, даже если это один и тот же человек. Можно заметить, что в книге в целом нет единобразия в оформлении переведённых произведений, в обозначении их переводчиков, иногда различается шрифт опубликованных произведений.

Несмотря на присутствие в книге подобных ошибок, сборник переводов «Лёймю» является необычным и значимым изданием как для коми, так и для других финно-угорских литературу. По мнению Е.Козловой, «в книге соседствуют и взаимодействуют разные культурные пластины родственных народов. Это очень важно. Чтобы больше знать друг о друге, а, значит, и о самих себе, надо серьёзно изучать фольклор родственных народов, литературу. Знание приходит через переводы – надёжные мосты между финно-угорскими народами».

**Е.В. Ельцова, поэт,
член Союза писателей РК.**

«Ылын-ылын сотчö бипур...»

Быд выль небöг ме восьта вежавидзёмён да весиг полигтыр: кытчö бара нүöдасны ичöтик шыпасъясён гижём кывъясыс? Галина Бутыревалён выль «Ловши» нима небöгыс (Сыктывкар, 2008) збыль ыlö нүöдö и мир пасьталавыс, и мортлон сьёлём да лов медся гусяинъясö.

Небöгас кык юкön: первойас «...сöмын öти мусюр» чукёртёма поэтлыс 2006–2008 воясын гижём кывбуръяс, а мёдас – тайё жö воясö вуждöдöм кывбуръяс.

Коді тёдса Галина Бутыревалён творчествокöд, сийё, дерт, тёдö, мый поэтлы вичмыліс уна туй, вольной светлён уна пельёсö сылы мойвиліс волыны, и тайё, дерт, коли сылён кывбуръясас. Со и тайё небöгас поэт нүöдlö миянös Венецияö, Римö, Помпеяö, Флоренцияö, и поэт оз мудз шензыны, кор видзöдö «зарни кышёда базиликъяс выlö, вичкояс выlö», кöть сылён нин «*абу этшатор аддзылём сьёлёмыс*». Тайё шензыны кужёмыс поэтлы зэв дона, öд «челядьдырысянь вётчö ме бёрся шемёс кельёб». Некор на ме некутшöм поэтлыс эг аддзыв татшöм образ – «шемёс кельёб» – збыль виччысътом и зэв син водзын сувтысь образ – и пырысътом-пыр быттьö веськалан мыйлакö челядьдырё, быттьö тэ бёрся вётчö уна-уна мича кычили да зэв гажаа тязвёны, кöть эсько оз шулыны «кычили кельёб», но поэтлон «кельёбас» шемёссыс ставыс югыд да сёстом, мед мукöддьрииыс и нор: «усысьс кодзув», «зарни чери», «яла ягын еджыд тшак», «ичёт кагалён сёрни-тёльгём», «кувсьюм бать-мамлён вётён петкёдчылём».

Ыlö нүöдlö лыддысысьёс Галина Бутырева, уна Мичлун водзын позьё тайё му вылас копырчывны, но век жö

*Мед жö эсько оз ло «вузалёма»
(весиг мёвпъясын!)
ассыным чужанинса
вежасö, ставсö:
ни öти, весиг медся ичёт грезд,
ни öти медся важ вичкотор, –
ог веж!
Енмё, отсав да видз!*

Од пёшти быд кывбурын сылён чужан гортыс, бать-мамыс, поль-пöчыс. Съёлёмтö песовтö, кор лыддян «Гажтöмтча» кывбурын, кёнi поэт казытывлö төвся турун кыскалом:

*А дорся, чёв-лёнь,
восълалö мамö,
еджыд, куржитём-пужъялём пася...
Матö ветымын во нин восълалö.
Оз и матавлы.*

Поэтлён став олёмыс йитчома важ вужъясыскöд, сiйö быттьö кёсийö гёгёрвоны, сiдзи-ö сiйö олö тайö олёмсö, абу-ö мыйёнкö мыжа сiйö бать-мам водзас, вижёдыштöм фотографиявывса «*вит ара нывка*» водзас, аслас Челядьдыр водзас, оз öд прёста поэт гиж тайö кывсö ыджыд шыпассянь. Кор тайö «*Вижёдыштöм нин...*» кывбурсö, кёнi поэт видзöдö сы вылö гажтöма видзöдьесь фотографияса нывка вылö, ас вылас, ме лыдди первойысь, сэтшöм ёся пырис мыйё – вермö öмёй мортыс овны не ассыыс олёмсö? И онi на гудралö кёнкö гырк пытшкын – сiдзи-ö ми олам? Мый ми воштам олём туй-ордым талялiгён? Вермам-ö Олём, Морт, Ен, Мичлун кывъяс гижны ыджыд шыпассянь. И вёлi-ö миян олёмын Ю? Збыль ыджыд Ю, кодi олö Галина Бутыревалён кывбуръясын. Юыс олö поэтлён мёвпъясын, съёлёмын, казытылёмъясын, и весиг вётъясын. Зэв вына метафораён помасьё «*Ю. Ба визъ*» кывбур.

*Вёт вёталi:
ытва...
Кёнкö ылын на,
сöмын на петёма,
пыжа.
А пыжас, ме ог аддзы,
но ме тёда,
менам батьё.
И ме тёда, –
мед менё вуджёдны
(менё кё?..)
Мёдлапёлас.
Ылын на.
Но петёма нин.
Но тувсовъя Юыд абу жё векни.
Ытва дырий.*

Тайö кык НО-ыс лэптöны метафорасö ыджыд символöдз – ю – сiйö и олёмлён, и кулёмлён символ, танi найö и отлаасьёны, и вензьёны öта-мёдышкöд. И олёмыс, дерт, вынаджык: «*Но тувсовъя Юыд абу жё векни / Ытва дырий*».

Небöглён мёд юкёнын чукörtüm кывбуръяс йылысь гижёма ачыс Галина Бутырева: «*Ми бёрзял найös, кодъяс матысаджык*», кёть тайö шуома лыддысысьяс йылысь, ме чайта, тадзи поэт вермö шуны и авторъяс да налыхс кывбуръяс бёриём йылысь. Танi тшётш верлибрён гижём кывбуръяс, буретш сэтшöм

формаа кывбуръяс, кутшомёс гижё ачыс Галина Бутырева, сёмын тайё нин мукёд поэтъяслён коми кыв вылё вуджёдём гижёдъяс. Тані эм татшом формаа кывбур весиг Марина Цветаевалён, кодлён кывбуръясыс аслыссикас ритма, чорыц, сточ, виччысътём рифмаа. Галина Бутырева неуна «комиöдыштöма» кывбурсö: «*Ti*» пыдди «*тэ*», «*деревенская гостиница*» пыдди «*дзескыдiник жыр*», «*мансарда*» пыдди «*керка веет ув*», «*тюльпанъяс*» да «*розаяс*» пыдди «*дзоридзъяс*». Тыдалё, та вёсна и мукёд кывбуръяс лыддигён кажитчö, мый став тайё кывбурыс гижёма быттьё комиён, сёстём да сöдз коми кывйён, да и лирической геройыс быттьё коми морт, коди олё танi, коми му вылын. Сидзи жё, кыдзи и миян кывбуръясын, сэнi олёны «*кодзувъяс*», «*турунъяс*», «*пожомъяс*», «*черияс*» (В.Бурич), «*ай-мам керка*» (В.Куприянов), «*зарни ния пүяс*» (Т.Зульфикаров), «*лым толаяс*» (Г.Иванов), «*лэбач сылём*» да «*тёлышь югёр*» (А.Валтон), «*батыён мудзём сьёлём*» (Л.Лауккаринен), «*еджыд кыдзъяс*» (В.Луйк), «*муса почё*» (И.Зиедонис), «*вёр-ва*» (У.Уитмен), «*зэр тусясьяс*» (Г.Аполлинер), «*еджыд нянь*», «*йёв чашка*», «*пыж*» (Х.Кортасар). Сёмын другысь паныдалан, шуам, Е.Винокуровлыс «*лэдзасны Ваганьковоса гүё*», В.Буричлыс «*трамвайяс*», А.Валтонлыс «*эстонияса политик*», А.Метслыс «*Эстонияса зон*», У.Уитменлыс «*Мексика, Теннеси, Манхеттен*», Х.Кортасарлыс «*виноград*» да с.в. Сэки быттьё палявлан да казтыштан, мый тайё мукёд кывъя гижысьяс.

Роч поэтъяс – Александр Блок, Марина Цветаева, Анна Ахматова, Николай Перих, Велемир Хлебников, Ксения Некрасова, Николай Рыленков, Евгений Винокуров, Геннадий Айти, Владимир Бурич, Вячеслав Куприянов, Тимур Зульфикаров, Геннадий Иванов, Алексей Алёхин, Виктор Кушманов, Андрей Попов, Арво Метс, удмурт Владимир Владыкин, эст гижысьяс – Арво Валтон, Вийви Луйк, Яан Каплински, Эллен Нийт, Александр Сууман, Дорис Карева, Нелли Абашина-Мельц, финн кывбураалысьяс – Хелена Анхава да Лиза Лауккаринен, латыш Имант Зиедонис, американец Уолт Уотмен, француз Гийом Аполлинер, аргентинец Хулио Кортасар тайё небёгас заводитёны Галина Бутырева отсёгён сёрнитны комиён.

Японской поэзиясь Галина Бутырева вуджёдома комын вит поэтлыс кывбуръяс. Кыдз пасиё ачыс гижысьяс тайё жё небёгас, «*Ме вуджёдi сёмын сiйö кывбуръяссö, кодъясöс эсъкё гижи ачым*».

Поэтлы удайтчома кыйны лов шысö мукёд кывъя гижысьяслыс да нүöдны аслас лов пырыс, öд быд збыль Поэтлон, köni коть сiйö эз ов, эм Олём, Ен, Мичлун да Челядьдыр, köní

*Ылын-ылын
соччö бипур,
кыскö ас дорас,
корё волыны,
пестыны бисö,
мед некор оз кус.*

*Нина Обрезкова,
Россияса гижысьяс котыро пырысъ*

Языковые глубины

(О новой книге Анжелики Елфимовой «Белые сны»)

Вышел в свет очередной поэтический сборник, изданный в рамках международного проекта. На этот раз – это лирический сборник Анжелики Елфимовой. Небольшая по объёму книжка представляет подборку стихотворений на коми языке, которые сопровождаются подстрочными переводами на эстонский, русский и английский.

Эта многоязычность определяет и несколько необычный, квадратный формат книги. Что касается оформления книги, то оно мне кажется абсолютно удачным, продуманным и выверенным (помимо, пожалуй, закравшегося удмуртского *пуштросэз* 'содержание'). Наверно кому-то покажется неудобным выбранный в угоду форме (чтобы разместить четыре варианта на одном развороте) мелкий шрифт, но я лично «за». За то, чтобы смысл и форма поэзии были едины. За то, что мы, наконец, начинаем освобождаться от серых книг на серой бумаге. Представляемый сборник приятно брать в руки, приятно пролистывать и ставить на полку.

Что касается поэтического содержания, то его можно оценивать по-разному. Стихи очень живые, интересные, у меня почему-то вызвали достаточно яркие ассоциации с традиционными «девичьими тетрадями», смысл которых всегда остаётся за рамками старательно выведенных слов. Это подспудное ощущение подглядывания в интимное достаточно откровенно поддерживает и визуальный ряд книги.

Говоря о фольклорных ассоциациях, можно отметить и сквозной двоичный код, начиная с чёрно-белого оформления книги и заканчивая принципиально открытым списком маскулинных образов. Здесь и образ города («Сыктывкар»), и образ зимы («Тёлыш коз пу улё йёджыльтчома»: кстати говоря, русская Зима или Леди Winter – неудачные аналоги, ближе было бы перевести «Мороз притаился за елью», чтобы «вдоволь извалять в сугробе девушки»); в этом же ряду и образ вдохновения-стихотворения («Тэ локтін войнас»), и даже, пожалуй, языка («Чужан кывлы»), если отвлечься от названия.

Когда нужно сказать что-то о качестве женской поэзии, обычно возникает некоторая неловкость. Всё-таки – это особая область мира со своей философией или мифологией – а, отталкиваясь от образа «белых снов», можно сказать и со своим «временем сновидений», в котором непосвящённый мало что и увидит. Поэтому всегда надёжней говорить о самом языке.

Мне доставляет особое филологическое удовольствие, когда в поэтическом тексте проглядывают языковые глубины. Отмечу несколько примеров из этой области подсознательного и потому непереводимого: «вежонён вежсины» («измениться за неделю» – слабый аналог) («Сымын вежон тэтöг...»), *висьтасьны* – не столько *высказаться*, сколько *исповедоваться* («Пуксыылам, вай, мамукöй»). Вероятно, столь же подсознательно возникает игра образами *Спасъяс шöр* – Шёр Спас (Средний Спас). «Спасъяс шöрын» – *Between the two Saviour's Days* – это из другого мира; а из коми языка: «Шöр Спас по скöрысла шöри вермас орöдны» (Средний Спас настолько грозен, что может надвое (букв. по середине) разорвать

(в наказание за несоблюдение праздника). Отсюда кажется абсолютно исконным образ «Скёр сентябрлён баддьысь перйём ньёр» (Ивовая вица сурового сентября) в этом же стихотворении.

Собственно, исходя из тех же глубин языка, кажутся чужеродными такие поэтические конструкции, как «менё оз казтыв меён чабравлём румка» (меня не вспоминает мною (в прошлом) сжимаемая рюмка) или «зэрён малалысь шева кувтöдз вермёма керны» (дождём гладящая колдуны до смерти сумела навести порчу) – английский язык напрягаясь... и перевёл: «Погода-колдуны прокляла меня дождём и слякотью» («Ме тэрмася сэтчё...»).

Впрочем, каждый читатель видит мир своими глазами и вовсе не обязан прислушиваться кказанному.

Панюков А.В., кандидат филологических наук, доцент ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

«Дзирыд дой» (Мерцающая боль): новая книга Нины Обрезковой

«Дзирыд дой» (Мерцающая боль, Сыктывкар, 2007) – третья книга стихов хорошо знакомого для коми и финно-угорского читателя поэта Нины Обрезковой. Её лирические произведения легко узнаемы по особому мироощущению, в котором ясно и активно выражены автобиографическое начало и своя манера письма, вырастающая из разнообразных вариаций и соединений свободного и классического стиха.

Сложно говорить о лирическом герое стихотворений Н.Обрезковой только как о литературном персонаже, похожем на самого поэта, но вымыщенном лице. Со спокойной простотой поэт рассказывает о себе, о своей жизни, о лично пережитом, но именно из этой непридуманности чувств и ситуаций создаётся образ целого поколения «шестидесятников» (т.е родившихся в шестидесятые «оттепельные» годы) – душевно бездомных пасынков времени, драматически переживающих свою чужесть современному миру.

Пожалуй, в сборнике нет одной или нескольких ведущих тем. Поэт словно бы и вовсе не озабочен поступательным развитием «главной идеи», а значит – и единством книги. Выражение «красной нитью проходит...» к ней абсолютно не подходит. И всё же книга не создаёт впечатления лоскутности, разрозненности текстов, её составляющих. Более того, несмотря на композиционное членение книги на поэтические разделы «Нелямынёд тулыс» (Сороковая весна), «Гортса вётьяс» (Домашние сны), «Сывъялі эсько» (Обняла бы), «Кывбуръясой – радиётчомлён челядь» (Стихи – любви потомство), «Вояс оз лёньёдны дойтö» (Годы боль не уменьшают), «Кытшъяс» (Круги), сохраняется ощущение моноло-

га, единого высказывания, лишь в нескольких местах прерываемого паузами – вздохами. Книга начинается стихотворениями «Вуджёд менё, пыжанёй, мёдла-пёллас» (Переправь меня, лодка, на берег другой) и «Паметьё став ёдзёсъяссё восьтис» (Память все двери открыла), служащими своеобразным прологом ко всему сборнику и задающим общий лирический сюжет – переживание прошлого, из которого и состоит настоящее лирического героя. У поэта собственный календарь, собственное летоисчисление, измеряемое тем, что сбылось и не сбылось («Том кадся кёсёймъяс / артала талун – / нелямыныд – / медся лёсялан кад...» – Считаю мечты молодости – сорок – самое подходящее время); годами, прожитыми матерью и отцом («Ме мамёйсь на ичёт, / Ме батьёйсь нин ыджыд» – букв. Я ещё моложе матери, / Я уже старше отца), затянувшейся хмарью в жизни людей и природы («Сэтшём окота ю вылё, му вылё, вёрё... А тулыс ёдва легёвёрё» – Так хочется воды, земли и леса... А весна едва просыпается; «Быттьё кужтёма доддялём вёв, кыссыо кассяна во...» – Словно неумело запряжённая лошадь, тащится високосный год). Время, в которое помещён поэт, точнее было бы назвать безвременьем, он всегда дистанцирует себя между матерью и отцом, зимой и весной, завтра и вчера, днём и ночью, землёй и небом, стариками и детьми, умершей, милой сердцу деревней и живым, но нелюбимым городом. В целом, время поэта – это время потерь, и чаще всего оно раскрывается в психологических наблюдениях над самим собой. Отсюда особая, неторопливая созерцательность, но не внешнего мира (среди стихотворений Н.Обрезковой почти нет пейзажных или фабульных), а чувства, переживания. Это вовсе не значит, что тексты стихотворений не содержат зрительного ряда. Как раз наоборот, в них много картин и ситуаций, в буквальном смысле до боли знакомых сегодняшнему россиянину, но «попадая» в стихотворение, они превращаются в пронзительные метафоры нашего времени, обнажая нашу общую с поэтом судьбу:

Тшётишъяас дорё нин
Кодрасьны вестлёдла...
Тиралё дзоридза ки.
Тыдалё, олёмсё водзёсон сетёма –
ёртъяссён
вештысям ми...

Уже хожу на поминки
Ровесников...
Дрожат в руке цветы.
Видимо, жизнь дана нам взаймы –
друзьями
расплачиваемся...

А вот ещё один постперестроечный «потрясающий пейзаж»:

Съёд дёра вылын
уна-уна еджыд чут –
тайё сиктса шойна вылын
тавося крестъяс.

На чёрном полотне
много-много белых точек –
это на сельском кладбище
кресты нынешнего года.

Не правда ли, очень современная разгадка старинной коми загадки о звёздном небе?

Конечно, в сборнике есть и не такие печальные, трагические стихи. И всё же минорность – преобладающий и для автора книги вполне органичный, естественный тип мироощущения. Без косметики и грима, без «нарошостей», без

малейших признаков дидактизма, без стремления быть лучше и умнее того, чем он являет собой на самом деле, со всеми своими падениями и взлётами, лирический герой Обрезковой становится портретом нынешнего среднего поколения коми – людей с отнятой у них родиной (малой и большой), но сохранивших «скромные» ценности и желания, перечислением которых и завершается книга:

*Меным эськё унаыс оз и ков,
медым челядь быдмисны,
мам ээ пов,
мый кодыр порысь нюкыртас,
еджас юр, юр сюянніныс сылы оз сюр.
Кор петас вёлосътё
томиник ныв,
медым ээ горёкты
шог сыланкыв.
Мед сийёс виччысис статя зон
Мамыс кодь муса,
Батьыс кодь ён.
Мед налён челядъён
Быдмасны кор,
Олёмлён виззыс
Оз бара ор...*

*Мне многоного и не надо,
только бы дети выросли,
мать не боялась,
что, когда старость согнёт,
побелеет голова,
некуда будет её приткнуть.
Когда выйдет в село
молодая девушка,
чтобы не пела
печальную песню.
Чтобы поджидал её стройный парень,
Красивый, как мать,
Сильный, как отец.
Чтобы снова
не оборвался путь у их детей,
когда они
вырастут...*

Как мне кажется, было бы излишне говорить о поэтических достижениях, которыми обогатила автор книги родную поэзию. Н.Обрезкова – поэт, имеющий у себя на родине не только имидж, но и авторитет хорошего поэта, произведения которого безошибочно узнаются из сотен других своей стиховой техникой, не-поддельной искренностью, эмоциональным переживанием непростой действительности и её философским (часто – женским, материнским) приятием. Книга «Дзирид дой» стала продолжением очень душевной, сердечной беседы поэта с читателем, убедительно подтвердив оригинальность негромкой, неброской, но истинной красоты коми поэтического слова.

В.А. Лимерова,
к.п.н., доцент Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.

Птицы не осудят

Осенью в Эстонии вышла в свет первая книга студентки филологического факультета Сыктывкарского университета, уроженки ижемского села Гам Любы Ануфриевой. Стихи 21-летней поэтессы в сборнике «*Linnud ei tauni*» («Птицы не осудят») даны в оригинале на коми языке, а также переведены на эстонский, русский и английский.

Книга издана в Таллинне при поддержке Программы родственных народов Эстонии. Тираж сборника 500 экземпляров. К сожалению, читатели в Коми, в отличие от эстонцев, не увидят этот сборник. Юная поэтесса получила на руки всего 13 авторских экземпляров своего первого поэтического сборника во время X международного конгресса финно-угорских писателей, который проходил в начале сентября в Йошкар-Оле.

Свой «ранний» период творчества Люба датирует ...вторым классом средней школы. Именно тогда она начала слагать первые стихи. Писала она тогда на русском языке. Через семь лет ижемка попала на учёбу в Летний университет юных коми филологов. Здесь она познакомилась с известными коми прозаиками и поэтами, и решила впредь творить на родном языке. Любимые поэты Любы – это Анна Ахматова, Марина Цветаева, Зинаида Гиппиус. В 2007 году Люба одержала победу в республиканском литературном конкурсе произведений на коми языке. Затем была победа в конкурсе новелл, который проводила Международная ассоциация финно-угорских народов.

По словам Любы, около года назад в её жизни случился некий перелом, и она написала цикл стихотворений. 32 стиха из этого цикла вошли в сборник. «Это книга о жизни и смерти, о предназначении человека на земле, о любви к своей родине», – рассказала Люба. Стихи на русский язык перевела поэтесса Нина Обрезкова. Перевод на эстонский сделал эстонский классик Арво Валтон. На английский язык стихи переводили сразу несколько авторов.

В творчестве Любы преобладает белый стих – верлибр – который в поэзии российских финно-угров не столь распространён, как на Западе. «Её стихи точны по смыслу и образу, – отмечает Арво Валтон. – Несмотря на присущую большинству стихов прямосказательность, её поэзия всё-таки глубоко прочувствована. Некий пессимизм и мировая боль молодого человека довольно-таки обобщающие, но одновременно с этим достаточно интеллектуальны и лаконично выражены, что характерно для коми поэзии».

Так как писать и творить Люба начала в эпоху постмодернизма, то в ряде её стихотворений можно обнаружить скрытые цитаты из классиков. Так, сразу же вспоминается известное стихотворение Ивана Куратова, когда современная поэтесса начинает стихотворение строчкой: «Менам муз...». Правда, если у Куратова муз – не товар, то у Любы муз – это маленькая птичка. Стихотворение

«На промокшем дереве мёрзнет одинокая маленькая птичка.
Я думаю, она – душа этого дерева...
Птичку сравниваю с собой – ведь у меня такая же доля
В этот дождливый, слишком холодный вечер...»

невольно напомнило произведение японского классика Мацуо Басё «На голой ветке ворон сидит одиноко. Осенний вечер».

Книга прекрасно оформлена и издана. На одной из её первых страниц – графический портрет автора. На левом плече Любы сидит маленькая смешная птичка – муз поэтессы. Этот рисунок по фотографии поэтессы нарисовала иллюстратор книги – молодая эстонская художница Пирет Рэни. Вообще же, образ птицы, сакральный в финно-угорской мифологии, близок автору. Птица – это для Любы не только муз, но и душа. Тот, кто бывал в Гаме и видел ижемские просторы с высоты гамских холмов, поймёт, что в детстве Люба часто смотрела на мир с высоты птичьего полета. По совету ратующего за создание и реконструкцию аутентичных финно-угорских имён Арво Валтона ижемка взяла себе псевдоним и подписалась как Баяр Люба. Баяр, в данном случае, это не известный французский драматург XVIII века, и уж тем более не современный монгольский политик. С коми языка Баяр переводится как Гагара. В коми мифологии гагаре приписывалась способность отгонять болезни. Считалось, что болезни боятся даже шкурки гагары, поэтому её прикладывали к больному месту. Возможно, что и поэзия Баяр Любы будет обладать целительной силой. Время покажет, приживётся ли псевдоним, или Люба будет творить под своей ижемской фамилией.

Артур Артееев, журналист

Поворот головы

«Была бы вторая жизнь...» А её не бывает. Настроение книг рассказов Пика Артееева, бережно собранных его коллегой Рейнгольдом Ивановичем Бихертом, передаёт круг забот, на которые ушла сила судьбы писателя-северянина. Через этот круг видны и страхи людей того времени, и заботы, и трудности быта, и мечты.

Артееев не оригинален в осмыслении процессов, которые пережил Человек и Север во второй половине двадцатого века – он увидел гораздо больше крушений и разочарований, чем побед и перспектив. Но Артееев плотностью текстов своих произведений всё-таки смог обозначить, как бы «скрытое НО...». Но «была бы вторая жизнь» – многое бы, возможно, увиделось бы иначе, иначе написалось, иначе бы и оценилось.

Вторая важная заслуга Артееева – то, что его творчество стало как бы «компенсацией», протестом-противовесом победным реляциям и красавостям журналистики того времени. Он напомнил цену освоения севера – горечь утрат, кровь, погубленные представления о «честно-нечестно». Иногда его рассказы кажутся мрачноватыми (если не мрачными), но неосуждение и великолодущие автора оставляет не просто «многоточие», а крестьянскую философию – а жить-то надо! И будем жить. И стали они жить дальше...

К сожалению, я не знаю – на русском ли языке мыслил и творил автор, или на коми? Плотность его текстов и композиционная неразмашистость, без изыс-

ков, фабулой oral-histori обычного устного повествования, тем не менее даёт нам и портреты, и густо выписанный пейзаж в холодной графике чёрно-белого. Иногда журналистский стиль явно выпирает – наверно, это издержки собкорровской работы и того, что всё-таки автору много пришлось творить, что называется, «на коленке» – среди обычных рабочих буден, с их документами, языком отчётов и газетными стопками на краю стола.

Проза Пика Артеева, конечно, найдёт своё место в библиотеке любого читателя, который интересуется севером, ушедшей своеобразной эпохой и взглядом на неё человека тундры, селянина, умеющего осмыслять жизнь и судьбу самостоятельно, внимательно вглядываясь в лица земляков и вслушиваясь в поступь событий.

Григорий Сничак, писатель

* * *

С 20 по 22 октября в Республике Коми в рамках **Дней родственных финно-угорских народов** прошли **Дни документального кино** киностудии «Этнос». Организатором мероприятия выступил Финно-угорский культурный центр Российской Федерации. В родственных финно-угорских встречах на Коми земле приняли участие гости из северной столицы России: директор киностудии «Этнос» Нина Серебрякова и директор Центра коренных народов, научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, кандидат исторических наук Ольга Конькова.

В рамках Дней кино в образовательных учреждениях г. Сыктывкара, Сыктывдинского и Сысольского районов состоялись встречи с представителями учреждений культуры, общественных организаций и деятелями науки. Участники дружеских встреч смогли познакомиться с девятью документальными фильмами киностудии «Этнос» о малочисленных финно-угорских народах: «Сету – народ Печорской земли», «Водь. Прошлое и настоящее исчезающего народа» и др.

История Дней родственных финно-угорских народов уходит в прошлое столетие. Впервые праздник отметила интеллигенция Эстонии в январе 1929 года. В 1931 году на IV Конгрессе финно-угорской культуры было решено праздновать Дни родственных народов в Эстонии, Финляндии и Венгрии ежегодно в конце третьей недели октября. В эти дни проходили торжественные собрания, культурные мероприятия, службы в храмах. В связи с началом II мировой войны проведение торжеств было прекращено. 1991 год стал поворотным в истории Дней. Возобновить их предложил целевой фонд «Фенно-Угрия» (Эстония). Именно в этот период к празднованию присоединились народы России. Дни родственных народов стали отмечаться в финно-угорских регионах Российской Федерации концертами, фестивалями, выставками и дружескими встречами.

Summary

The Modern Literature section presents the selection of verses «Transpolar Fairy-tale» by a well-known children poet A. Zhuravlev, who celebrates his 70th anniversary. Zhuravlev's career is described in A. Suvorov's article «Portrait against the backdrop of a Song». The final part of F. Konev's novel «Island» is published in the current issue. N. Konyaev's contemplations about the destiny of his ancestry, his native land and Komi people can not leave the readers cold. «ART» continues the publication of his narrative «Lost Homeland». Komi Prose section introduces a new short story «A Man in a Checkered Jacket» by N. Obrezkova. The year of 2008 has happened to be an anniversary one for some long-standing authors of our magazine. A well-known literary critic V. A. Latysheva celebrates her 75th birthday in 2008. Her articles have always discovered unknown pages of the history of Komi literature. This time V.A. Latysheva's article describes the role Komi intelligentsia played in the 1917–1930's. S. Zhuravlev celebrates his 50th anniversary by the publication of a new selection of his verses «In the Mirror of Fate»; he also shares his thoughts in the interview with «ART» journalist A. Popov. The section «Local Lore Studies» contains the articles of two well-known in the Komi Republic authors: A. Panyukov and A. Shchanov. These articles focus on little-known facts about the life of Komi people. The article written by ethnographers I. Ilyina and O. Ulyasheva investigates the traditional conception of «male» and «female» in Komi culture, Komi traditional family values and child-upbringing practices. This article is placed in a separate section of the magazine as a response to declaring 2008 a «Year of Family» in Russia. «ART-Fact» section gives coverage to works and career of a wonderful artist V. Kislov. Besides, «Reviews. Surveys. News» section presents the comments on books published in 2008. A CD-disk «In the Shadows of the Garden» about the Garden of Sculpture of the National Gallery of the Komi Republic is enclosed to this issue.